

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОСЛАВЯНСКОЕ ВЕДЕНИЕ
№ _____ Мес. _____ г. _____

СЛАВЯНО ·

1
1997

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1
1997
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Взгляд на себя – взгляд на другого. Этнокультурный и этноязыковой аспект.....	3	†
<i>Топоров В.Н.</i> (Москва). Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов	4	
<i>Цивьян Т.В.</i> (Москва). Взгляд на себя через посредника: "себя как в зеркале я вижу...".....	9	
<i>Бартмицкий Е.</i> (Люблин). Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях.....	12	
<i>Белова О.В.</i> (Москва). Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях.....	25	†
<i>Стемковская Ю.Е.</i> (Москва). Человек в зеркале родного языка (на материале словарей XIV–XX вв.).....	33	
<i>Клепикова Г.П.</i> (Москва). К "образу" лягушки. Румынские названия 'головастика' в "зеркале" славянских соответствий	45	†
<i>Липатов А.В.</i> (Москва). История европейской литературы и славянские литературные общности. Диалектика универсального и национального.....	54	†

СООБЩЕНИЯ

<i>Робинсон М.А., Сазонова Л.И.</i> (Москва). Проблемы новейших интерпретаций "Слова о полку Игореве": к выходу в свет «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"».....	60	
Книга как культурно-исторический феномен.....	78	

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Шапов Я.Н.</i> К двадцатилетию издания свода "Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы".....	86	
<i>Маковецкая Т.Ф. А.А. Улуян.</i> Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв. Библиографический словарь.....	90	
<i>Булатова Р.В., Косик В.И.</i> Сербы в Российской империи. Русские без России. Сербские русские	92	

<i>Лантева Л.П.</i> Переписка славистов как исторический источник. Вопросы истории славян	98
<i>Стыкалин А.</i> История литератур Восточной Европы после второй мировой войны.....	101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Досталь М.Ю.</i> V Международный славистический colloquium во Львове	110
<i>Мельников Г.П.</i> Конференция "Книга в пространстве культуры".....	112
<i>Белова О.В.</i> Международная конференция "Сотворение мира и начало истории в апокрифической и фольклорной традиции" (на материале славянских и еврейских текстов).....	113
<i>Шведова Н.В.</i> "Мы в ушедших годах и в сегодняшнем дне...". Взгляд на творчество словацкого классика Янко Есенского (1874–1945) в конце XX века.....	116
<i>Волокитина Т.В.</i> Встреча российских и болгарских историков	117
<i>Ефимова В.С.</i> Круглый стол "Сочинительные союзы <i>и, но, а</i> в русском языке".....	119
<i>Мартин-Гаттала (1821–1903)</i>	121
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ (первый зам. главного редактора), **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**,
В.К. ВОЛКОВ, **Р.П. ГРИШИНА**, **А.А. ГУГНИН**, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
Г.П. МЕЛЬНИКОВ, **В.В. МОЧАЛОВА**, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН, **Л.А. СОФРОНОВА** (зам. главного редактора),
Б.Н. ФЛОРЯ, **В.А. ХОРЕВ**, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции *Авакова Л.А., Васильев М.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А., Масленникова Е.Н., Стемковская Ю.Е.*

ВЗГЛЯД НА СЕБЯ – ВЗГЛЯД НА ДРУГОГО. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭТНОЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

В этом номере мы открываем особый раздел, посвященный проблемам отражения в языке стереотипных представлений этносов о самих себе, о своих соседях, о приверженцах иных конфессий, об изменениях стереотипов бытового поведения (выраженного в таких языковых формулах, как приметы) этносов в условиях эмиграции, о языке эмигрантов в этнокультурном и этнолингвистическом аспектах¹.

Различные аспекты соотношения языка и культуры находятся сейчас в центре внимания лингвистов, этнологов, социологов, культурологов, психологов: отражение, формирование и трансляция средствами языка этнического и индивидуального самосознания, способы восприятия и концептуализации мира, мифологизация повседневной жизни, формирование символов и стереотипов, присущих данному этносу, взаимодействие-диалог типологически и генетически близких и далеких культур и языков. Свидетельством живого интереса к этим темам служат многочисленные конференции и публикации. Назовем хотя бы конференции, проводившиеся в Институте славяноведения и балканистики РАН в 1994–1996 г. – "Миф и культура: человек – не-человек", "Национальный эрос в культуре", "Словарь и культура", "Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии", "Славянские языки в зеркале неславянского окружения", постоянные семинары в Институте языкознания РАН, в которых разрабатывается семантический анализ языка – "Логический анализ языка" под руководством Н.Д. Арутюновой и "Фразеология как язык культуры" под руководством В.Н. Телии; сборники статей: "Понятие судьбы в контексте разных культур" (под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1994), "Язык – культура – этнос" (под ред. Г.П. Нецименко. М., 1994), первый том фундаментального словаря "Славянские древности" (под ред. Н.И. Толстого. М., 1995), являющийся первым в славистике опытом энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов.

Статьи этого номера идут "под знаком зеркала". Зеркало представляется необходимым инструментом в описании взаимодействия языков и культур этносов. Об этом пишет В.Н. Топоров в статье, открывающей раздел и задающей ему тон и направление: во взаимодействии "своего" и "чужого" метафорические взаимосвязанные "зеркала" способны не только отражать, но и исказить воспроизводимую реальность, что справедливо и для самовосприятия этноса – отношения «субъекта, Я к себе самому в своем "зеркальном" варианте».

Это «не просто неизбежный результат несовершенства процесса рецепции "своим" "чужого" или даже самого "своего", не способного "зеркально"-точно отражать в себе "чужое", но и та провиденциальная необходимость, из которой, по пословице, делают добродетель».

© 1997 г. *Стемковская Ю.*

¹ Составитель раздела Ю.Е. Стемковская.

© 1997 г. *ТОПОРОВ В.Н.*

МЕТАФОРА ЗЕРКАЛА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ¹

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья...

Георгий Иванов

Любой контакт языков и культур, чем бы он ни был вызван, какой бы характер он ни носил и как бы ни относились носители контактируемых языков и культур к самому факту контакта, не проходит бесследно для обоих (и более) участников этой встречи. Здесь нет необходимости говорить о тех уровнях, на которых отлагаются результаты взаимодействия, как и о самом диапазоне, в рамках которого варьируется степень этого взаимодействия, но обозначить главное, хотя бы и в самом общем виде, нужно – прорывы в замкнутого пространства "своей" особой самости и встреча в общем ноосферическом пространстве, как раз и формируемом такими прорывами и такими встречами.

Но о двух вещах сказать все-таки следует, чтобы далее иметь их в виду и не повторяться. В о-п-е-р-ы-х, надо подчеркнуть, что хотя сам язык несомненно является фактором культуры, возникшим на основании тех возможностей и предрасположенностей, которые коренились в сфере природного, взаимодействие языков само по себе образует новый слой культуры с новыми особенностями и новыми возможностями, со своими специфическими функциями и своей телеологией, и об этом нельзя забывать. В о-в-т-о-р-ы-х, есть потребность в предостережении от пользования слишком упрощенной схемой ролей языков (и культур) при их контактах – язык дающий и язык берущий, язык влияющий и язык, испытывающий влияние, язык активный и язык пассивный и т.п. Пользование понятиями такого типа неизбежно имеет характер "подсобности", приблизительности, относительности, условности.

В этих случаях целесообразнее прибегать к более общим и фундаментальным концептам и говорить о процессе обмена, характер и мена которого для его участников чаще всего разные и при котором каждая сторона и не что "дает" и не что "берет" при том, что сами эти два не что могут быть существенно разными, строго говоря ничем, кроме данной ситуации и сиюминутных "нужд" сторон, не соизмеримыми, как это бывает при сделках-обменах бартерного характера.

Топоров Владимир Николаевич – академик РАН.

¹ В основу статьи положены тезисы автора на конференции "Славяне в зеркале неславянского окружения" (Институт славяноведения и балканистики РАН, февраль 1996 г.).

Обычно считается, что приобретение-заимствование "чужого" нечто меняет только в "своем" языке-реципиенте, а "дающая", но не скудеющая сторона сама как бы ничего не теряет по принципу "Чт б отдал, то твое" и в ней ничего не изменяется, более того "дающая" сторона чаще всего даже и не знает, чт б она "дала" и что она вообще "д а л а": скорее, дело обстоит так, что у нее "взяли", не поставив ее в известность. Поэтому не является случайностью преимущественно "односторонний" взгляд специалистов на "принимающую", "берущую" сторону и соответственно акцент на "односторонне" направленных ситуациях, которые в пассивном аспекте определялись как заимствование, а в активном – как влияние. Но сама "односторонность", подобных ситуаций мнима и выступает как плод иллюзий, соблазн "частичного" и измена целому: "односторонняя" связь по большому счету не более чем *contradictio in adjecto*, дискредитация и подрыв самой идеи обмена как организатора, регулятора и контролера социальной жизни через введение понятия м е р ы обмена, э к в и в а - л е н т н о с т и обмениваемых ценностей – будь то материальные ценности ("товар") или женщины, слова и знаки, символы и идеи, обычаи и моды.

Поэтому и любой языковой или культурный контакт, оказавшийся небеспоследственным (есть основание само понятие контакта определять рекурсивно через понятие "небеспоследственности"–"последственности", т.е. хотя бы минимального и верифицируемого изменения ситуации, которая была до контакта), всегда есть о б м е н и, следовательно, всегда дву(и более)-сторонен, обоюден, а это значит, что и сам акт обмена оставляет свои следы-результаты на обеих сторонах-участниках контакта. Из этого утверждения, разумеется, не следует, что обмен осуществляется непременно на паритетных началах (более того, сама паритетность связана с принимаемой мерой обмена и ею определяется и ничем другим) и/или что он по своим результатам "бессмыслен" (в двух вариантах – то же на то же или *шло на мыло*) по существу. Но любое претендующее на адекватность описание ситуации взаимодействия должно неизбежно предполагать знание того, чт о и н а чт о обменивается. В зависимости от того, что скрывается за этими двумя "что", определяется сам характер и состав обмена, его структурный тип. Эти "что" могут быть очень разными, но сам обмен планируется и осуществляется как "осознанно" эквивалентный и в принципе выгодный или, по меньшей мере, приемлемый для обеих сторон, как это бывает обычно и при наиболее разработанной и "чистой" форме обмена типа "товар→деньги". Понятие эквивалентности как таковое не нарушается неравностью результатов обмена, поскольку нужды вступающих в обмен неравны, и это последнее неравенство в известной степени определяет готовность несколько, но в контролируемых пределах, уступить, ограничиться меньшим, чем можно было бы надеяться, если, конечно, и это "меньшее" оказывается все-таки достаточным.

Иллюзия "односторонней" направленности (или приближающейся к таковой) возникает обычно при таком обмене, чаще всего не осознаваемом или осознанном не сразу, когда "интенсивное" обменивается на "экстенсивное", причем – и это своего рода парадокс – первое связано с пассивной "принимающей" стороной, а второе – с активной "дающей". В самом деле, "дающая" сторона не столько "дает", сколько предоставляет возможность, чтобы из нее "брали", а "принимающая" сторона не столько "принимает", сколько сама и даже без ведома другой стороны "берет" у нее то, что ей нужно, и в том объеме, какой ей требуется, в каком она может усвоить "взятое", не нарушив внутреннего равновесия "своего" целого (впрочем, хорошо известны и такие патологические случаи, когда "берущая" сторона, образно говоря, "объедается" взятым и оказывается не в состоянии его переварить). Такой обмен, скорее, может быть уподоблен сдаче в аренду: "принимающая" сторона уступает с в о е место "чужому", получая за это выигрыш в виде того, в чем она испытывает нужду, а занимающая это уступленное место "дающая" или, точнее, "позволяющая брать у себя" сторона выигрывает в приобретении нового для нее м е с т а, пространства, позволяющего в принципе и в ряде отношений доминировать над стороной, сдавшей какой-то свой участок в аренду, в л я т ь. Общую формулу обмена такого

типа можно выразить следующим образом – "экстенсивное" ("пространство" культуры, "место") обменивается на "интенсивное" ("новый" элемент культуры, заполняющий уступленное "место"). Иначе говоря, за приобретение "нового" – будь то смысл или способ (форма) его выражения – приходится платить другой стороне уступкой части своего "культурного" пространства. То же самое может, разумеется, быть сформулировано и с точки зрения "дающей" стороны.

Таким образом, в процессе обмена происходит своего рода "прорастание" "своего" в "чужое" и "чужого" в "свое". "Дающая" сторона выигрывает себе "чужое" место, пространство, внедряясь в него, разумеется, частично, и выборочно, по мере возможностей, предоставляемых ей другой стороной. "Берущая" же сторона выигрывает себе заполнение места, уступаемого ей "дающей" стороне, которым (заполнением) она пользуется теперь как своей собственностью, хотя бы она и несла на себе след "чужого" происхождения и первоначальной принадлежности. Следовательно, в обоих случаях "прорастания" – "чужого" в "свое" пространство и "своего" в "чужое" пространство происходит своего рода г и б р и д з а ц и я "своего" и "чужого", их связывание в единый и общий узел, где есть и "свое" и "чужое" и где – при следующем шаге – неизбежно возникает возможность "снятия" (Aufhebung) самого этого противопоставления.

Но здесь внимание направлено на ту стадию взаимодействия, где его результаты еще хранят на себе следы "своего" и "чужого", самого обмена и вытекающих из него изменений. Эти следы не только присутствуют на рассматриваемой стадии, но и р а з л и ч и м ы, в и д и м ы даже не очень способным к рефлексии сознанием и не очень зорким взглядом, и различимы и видимы они не сами по себе, каждое со своей стороны, а именно в их гибридности, т.е. в сочетании "своего" с "чужим" и "чужого" со "своим", как первое о т р а ж а е т с я во втором и второе в первом. Вот сама эта возможность представить взаимодействие языков и культур как о т р а ж е н и е "своего" в "чужом" и "чужого" в "своем", собственно, и является той ситуацией, которая позволяет выдвинуть, обосновать и тем самым оправдать метафору з е р к а л а или, точнее и полнее, взаимосвязанных зеркал.

Концепт отражения (и, следовательно, хотя бы отчасти, его инструмента-средства зеркала) – один из ключевых в теории языковых и культурных контактов. В нем присутствует та двойственность, двусторонность, взаимность, которая дает основание применять его и в ситуациях упомянутых контактов, и в связи со свойствами зеркала, которое "принимая", "беря", отражает, и, отражая, предполагает рецепиента отражения, который в известном контексте, при снятии противопоставления "живое" (человек) – "неживое" (зеркало), также может пониматься как аналог зеркала – как "принимающего", так и "отражающего" (в "исходное" зеркало) устройства. В этой ситуации, в связи с контактом двух языков и/или культур, уместно говорить, о двух зеркалах, поставленных друг против друга (хотя и не обязательно по единой оси и далеко не всегда обладающих равной площадью и даже вполне идентичными "тонкими" свойствами), и отражающих друг друга – *Друг друга отражают зеркала*.

Иногда эти отражения одного в другом настолько точны, что представляются полностью адекватными, т.е. одинаковыми, результатами некоего механического переноса "своего" в "чужое" пространство и наоборот без малейших изменений, бесприбыльного удвоения, торжества экстенсивности. Но практически и в этих случаях (и уж тем более при неодинаковости смотрящих друг в друга зеркал) всегда сохраняется хотя бы минимальный уровень контрастности между отражающим и отражаемым, между "своим" и "чужим". Наличие же этой контрастности или хотя бы следа ее дает основания говорить об и с к а ж а ю щ е м (или лишь приблизительно воспроизводящем) характере воспроизведения, точнее – двух воспроизведений, двух зеркал, каждое из которых имеет с в о ю кривизну, – "своего" в "чужом" и "чужого" в "своем". Отсюда – *Взаимно и с к а ж а я отраженья*.

Здесь возникает вопрос: только ли убыточно, дефективно это искажающее отражение, это "кривое" зеркало, поставленное против другого такого же, но по-своему

искажающего зеркала? Что потери и искажения в этой ситуации неизбежны и бесспорны, сомневаться не приходится. Остается ответить на другой вопрос – нет ли в этой хотя бы частичной кривизне некоей компенсации, может быть, даже не только восполняющей потери, но и дающей дополнительный выигрыш, прибыль сверх ожидания? Кажется, есть случаи и, более того, это норма (если только разрыв между "разрешающими" свойствами двух противопоставленных зеркал не приобрел катастрофического характера), когда компенсация указанного характера действительно существует, и она неотъемлемо связана с восполнением "своего" за счет "чужого", которое (восполнение) как раз и осуществляется в процессе контакта языков и культур.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что само это "искажающее" (неточное, приблизительное, неполное, "сдвинутое") отражение выступает как важнейшее свидетельство состоявшегося акта взаимодействия, уже совершившегося контакта. Оно само – тот знак и то знамение, которое равно отсылает к идее подобия и различия, в пределе – тождества и полного отрицания (абсолютное различие), двум основным идеям, на которых держатся и общая теория знака, и теория языковых и культурных контактов. Более того, сама приблизительность, неточность, неполнота отражения не просто неизбежный результат несовершенства процесса рецепции "своим" "чужого" или даже самого "своего", не способно "зеркально"-точно отражать в себе "чужое", но и та п р о в и д е н ц и а л ь н а я н е о б х о д и м о с т ь, из которой, по пословице, делают добродетель. В силу этой необходимости (при этом само это понятие двусмысленно, поскольку нам не открыто, вызывает ли необходимость добродетель как свое следствие, или добродетель преформирует необходимость условий своего возникновения) "чужое", принятое "своим" и в нем отраженное, не стирается до конца (по крайней мере в течение того периода, когда оно может быть усвоено "своим" плодотворно и благодатно – именно как то "чужое", которое восполняет "свое" на пути к чаемой полноте целого) и позволяет сохранить хотя бы след "чужого" и еще точнее – не столько "чужого", сколько уже лишённого жала "чужести-чуждости", но сохраняющего свою позицию в ситуации контакта – д р у г о г о. В этом другом сама "другость" уже важнее "чужести-чуждости". Другой позволяет в известных ситуациях решить и "свои" проблемы. Более того, "свое" уже не исключает с непременно "чужого", и формула "что хорошо мне, то плохо тебе", сама эта взаимодополнительность или, точнее, взаимоисключительность "своего" и "чужого" во многих случаях теряет силу. В каких именно, позволяет решить д и а л о г, объединяющий "свое" и "чужое-другое". В этом диалоге другой выступает как оппонент и, что еще важнее, как неперенное условие самого диалога, как Ты, без которого немислимо полноценное Я. Противопоставление "свое" – "чужое" снимается существенным образом в сотрудничестве Я и Ты, которое может вмещать в себя все многообразие реальных, мнимых, фантомных его воплощений – от Бога до врага. Без этой органической диалогичности, без складывающейся идеи общего блага, без преодоления узко, эгоистически понимаемой "своей" выгоды не возможна ни сама э к т р о п и ч е с к а я направленность диалога, ни сколько-нибудь плодотворное развитие культуры.

Только когда возникает категория другого, начинается плодотворное становление Я. Возникновение возможности увидеть себя как "другого" означает – как минимум – уже происшедшую укорененность в себе, в "своем" элементе "другости" и возможность расширения "своего" за свои собственные пределы, иначе говоря, признание элемента "своего" и в другом, по меньшей мере допущения в нем этого присутствия. Тем самым, Я, "свое", выводится из замкнутого пространства самодостаточности и эгоизма. Человек впервые начинает уметь смотреть на себя глазами другого, многих других, даже только потенциальных. А увидеть себя не только как себя (зеркало рисует нас нам самим несколько иначе, чем видят нас другие и чем отражают нас иные зеркала), но и как другого для других значит вступить в пространство, где предстоит проделать огромную работу, где нужно преодолеть

соблазны монолитного, самодостаточного и не сомневающегося в себе монологизма, однозначности и плоскостности как "своего" образа, так и образа "чужого", принципиальную недостаточность взгляда на самого себя только со "своей" позиции и самооценки путем и н о г о, через "другого", возвращения и к самому себе. Все это, собственно, и означает выход из состояния монадологического одиночества, в котором нет окон ни к другим монадам, ни в мир, но есть только возможность "отражать бытие мира, быть отраженностью" (Ф.А. Степун). Это новое пространство, на которое работают и языки, и культуры в их взаимодействии, не может не обнаруживать свойств, связанных с возрастанием антропного начала и позволяющих говорить о языке-личности и культуре-личности, не утрачивающих при их контактах с другими языками и культурами и своих "зеркальных" свойств.

Нет необходимости говорить о том, насколько плодотворна тема славянских языков и культур в зеркале неславянских и неславянских – в зеркале славянских. И в том и в другом случае перед нами ситуация, которая обозначена поэтом как – "В ста зеркалах".

Некий внутренний акцент в этих рассуждениях делается, в о-п е р в ы х, не только и не столько на отражающих свойствах зеркала, которые, впрочем, нет смысла оспаривать ввиду их очевидности, сколько на том, что лежит несколько глубже, чем идея отражения, – на отношении субъекта, Я к себе самому в своем "зеркальном" варианте, т.е. к себе уже как объекту, и на вытекающих из этого следствиях, и, в о-в т о р ы х, не столько на самом, сколько именно на ег о м е т а ф о р е, что отсылает к расширительному толкованию идеи зеркала – к целому классу "зеркальных" ситуаций и устройств-объектов.

В этом смысле – и, конечно, в какой-то отдаленной перспективе – эта заметка имеет своим объясняющим контекстом ведущуюся в последнее время переписку на тему зеркала между В. Айрапетяном, В. Бибихиным и С. Бочаровым – тремя выдающимися мыслителями, глубоко чувствующими и те свойства языка, бездны его, которые делают объяснимой и, вероятно, оправданной и предлагаемую здесь метафору, и ее последующее углубление.

© 1997 г. ЦИВЬЯН Т.В.

ВЗГЛЯД НА СЕБЯ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДНИКА:

"себя как в зеркале я вижу..."¹

Это клише употребил Пушкин, говоря про свой портрет кисти Кипренского. Как в *зеркале* означает "в высшей степени точно", "как на самом деле". В данном случае – с максимальной верностью передает представление о себе самом, или описание себя самого.

Но что делает зеркало? Оно *отражает*, ср. лат. *reflecto* "загибать назад, поворачивать назад", восходящее к *flecto* "сгибать, поворачивать". Примечательно, что в русском и других славянских языках глагол *отражать* этимологически восходит к *ударять* (отражать удар) и *резать*, т.е. совпадает с внутренней формой *scribere*, действия, результатом которого является *описание-отражение*.

Для нас в данном случае существенна не этимология, сама по себе достаточно легко интерпретируемая в связи с функциями зеркала, а то, что отглагольное существительное '*отражение*' *reflectio*, функционально совпадающее с '*описание*' *descriptio*, означает, кроме отражения света, еще и *рефлексию*, *размышление*, *самоанализ*. Иными словами, это значение отсылает к области мышления и тем самым – прямо или косвенно – к *интерпретации*. *Отражение*, которому определено быть точной копией, становится не просто материалом для анализа (ср. дескриптивную грамматику), но самим анализом: *отражение* существует не только само по себе, но и как *мысль об отражаемом* – или *мысль об отражении*.

Вернемся к зеркалу как артефакту. Человек изготавливает его для того, чтобы увидеть/получить максимально точную информацию, не искаженную предвзятостью, – и заранее закладывает возможность искажения, причем и в сторону улучшения, и в сторону ухудшения (*кривое зеркало* – не только особый вид зеркала, но, по сути дела, концепт)². И здесь, как и в случае свидетельских показаний, искажение может быть

Цивьян Татьяна Владимировна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ В основу положены тезисы автора на конференции "Славяне в зеркале неславянского окружения" (Институт славяноведения и балканистики РАН, февраль 1996 г.) и доклад автора на Международной конференции "Descrizioni e iscrizioni. Politiche del discorso" (Università degli studia di Trento, апрель 1995 г.).

² Здесь мы полностью отстраняемся от богатейшего досье зеркала – мифологического, культурно-антропологического, семиотического, психологического, литературного, и т.д. и т.п., отсылая к безбрежной литературе вопроса, – и рассматриваем зеркало только как артефакт, а в этом артефакте только одну функцию, которую сопоставляем с *описанием*: функцию максимального совпадения обозначающего и обозначаемого; не касаемся мы и того, что в зеркале, также изначально, заложена разница отражаемого и отраженного, и эта разница заключена в мене *правого* и *левого*. Образцовый семиотический анализ "артефактных следствий" зеркала см. в [1. С. 6–11]. См. там же об отражении как о

как намеренным, так и ненамеренным, объяснимым, например, просто неискусностью мастера. Повторим, что мы не только не касаемся досье зеркала, но и той проблемы, в какой степени это досье создано человеком, а в какой – самим зеркалом, если допустить, что зеркало может выйти из-под контроля и начать действовать самостоятельно.

Итак, зеркало не создает точной копии: и человек видит себя в зеркале не таким, каким его видят другие, и само зеркало – уже по техническим причинам – может давать искаженное отражение. Гораздо важнее другое: человек может верифицировать свой облик (в широком смысле слова) **только по отражению в зеркале**, а оно может не совпадать с внутренним представлением о себе (*Неужели вон тот – это я?* – говорит поэт, не узнавая себя в зеркале).

Говоря об этнических стереотипах, обычно проводят строгое разделение по оппозиции *своей/чужой*: какими видим себя *мы*, и какими видят нас *другие*. Имплицитно предполагается, что эти представления должны быть противопоставлены. Однако опыт показывает, что противопоставлены они бывают не по основным, а по второстепенным признакам, причем нередко это противопоставление носит оценочный и при этом идеологизированный и/или эмоционально-экспрессивный характер и может быть направлено "в обе стороны" в зависимости от ситуации. Почему бы не предположить, что источник нашего представления о себе, возникает в зеркале, отражающем нас в чужом представлении (когда Ахматова пишет, что она казалась себе *отраженьем в зеркале чужом*, когда она называет собираемую ею самой антологию посвященных ей стихотворений "В ста зеркалах", когда она неоднократно подчеркивает и *в скольких жила зеркалах*, это, по сути дела, и отражает идею формирования представления о себе через *другого*).

Если обратиться к русскому этническому стереотипу, предназначенному так сказать, *ad usum internum* (т.е. к русскому представлению о *русском*), то, пожалуй, основным свойством его будет полярность, контраст крайностей, которые могут реализоваться одновременно: это некие качества, ориентированные на оппозицию *добро/зло* и представленные в суперлативе: народ-богоносец и народ-убивец; загадочная, рефлектирующая русская (славянская) душа с ее знаменитым "желанием пострадать", мягкостью, открытостью, хлебосольством и под., и – не менее знаменитое русское "что хочу, то и ворочу", направленное на разрушение, в первую очередь, самого себя (столь часто вспоминаемое сейчас *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*), "свинство" (*в осетра плюнул* купринский рассказ о русских купцах, впервые познакомившихся в Финляндии со "шведским столом"), жестокость и грубость в буквальном и переносном смысле, и т.п. Резюмируя, можно сказать, что общая стратегия *русского* поведения, признаваемая самими носителями, соответствует русской же пословице об иконе – *годится – Богу молиться, не годится – горшки накрывать*.

Возникает вопрос, самоанализ ли это, и если да, то в какой степени он замкнут на самом себе. Как представляется, в создании этнического стереотипа не обходится без *зеркала*, причем подставляют это зеркало *чужие*. Соответственно оказывается, что это не *мы сами* (и как субъект, и как объект), а наше *отражение в зеркале чужом*, воспринимается как аутентичное и самое "правильное". Отсылка к факту отражения может служить дополнительным подтверждением аутентичности. Достаточно вспомнить обличенную еще Чацким зависимость от мнения иностранцев, особенно примечательную в недалеком прошлом, когда наши родные идеологемы верифицировались тем, что "вот и иностранцы так же считают...", т.е. за иностранцами, а *l i a s* врагами,

модели "творчества – реалистического, или же сознательно и бессознательно деформирующего действительность" [1. С. 8]. Ср. такую мену *правого и левого* в семиотическом смысле, т.е. *правильного и ложного* в ситуации гофмановского крошки Цахеса, являющегося (помимо своей воли) как бы "ложным зеркалом", отражающим чужие хорошие поступки.

признавалась особая объективность и точность ("даже они..."). Ср. в бытовых ситуациях частое введение категории пересказа, т.е. ссылки на чужую речь, чужое мнение: "вот правильно про нас говорят..." – предполагается, что "говорят" *чужие* (далее с одинаковой вероятностью может идти как сугубо положительная, так и сугубо отрицательная оценка, а иногда и обе одновременно); почти избитый пример – национальная гордость по поводу холодного климата, основанная исключительно на том, что его не выдерживают *иностранцы* (ср. уже почти фольклорный мотив "генерала мороза" и его роли в наших военных победах).

Конечно, следует учитывать, что материал фильтруется: отбирается то, что совпадает с собственным мнением или, точнее, с собственным желанием, с собственной идеологической установкой. В результате образуется сплав, в котором *внутреннее* и *внешнее* трудно различить не только хронологически, но и по существу. И все-таки, как представляется, толчок дается и з в н е, после чего естественным образом входит в игру типовая ситуация: работа на стереотип, подхватываемая не столько на уровне реалий и непосредственного опыта, сколько на уровне культуры. *Чужие* впечатления/представления о нас апробируются, а во многом уточняются и развиваются традицией, причем не столько народной, сколько культурной (как, например, широко тиражируемое сейчас, идущее из литературы и литературно же поддерживаемое "вечные русские вопросы, что делать и кто виноват"). Ср. прежде всего роль Толстого и Достоевского в кристаллизации этого стереотипа, воспринятого *таким* и вне России и по этой причине – см. выше – дополнительно верифицированного. В результате оказывается, что самоидентификация ориентируется не только и даже, может быть, не столько на *себя*, на поддержку собственной стабильности, а на *чужого*, т.е., в конце концов, на то *отражение*, которое и сделало возможным знакомство с самим собой.

По случайности эта модель отразилась в стихотворении Пушкина, давшего название этой заметке. Кипренский собирался везти написанный им в 1827 г. портрет Пушкина за границу, на свою выставку. Это точное изображение-зеркало должно было быть представлено на суд иностранцев и верифицировано ими:

*Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит;
Оно гласит, что не унижу
Пристрастъя важных Аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впрдь мой будет вид.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Труды по знаковым системам XXII. Зеркало. Семиотика зеркальности. Тарту, 1988.

© 1997 г. БАРТМИНСКИЙ Е.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ СТЕРЕОТИПА. ПОЛЬСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ СТУДЕНТЫ О СВОИХ СОСЕДЯХ¹

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФОН ПОНЯТИЯ СТЕРЕОТИПА

В рамках современной этнолингвистики проблематика стереотипа входит как составная часть в более широкую область исследований языка и культуры [1, 2]. Понятийный аппарат когнитивной лингвистики, в том числе таких понятий как "фрейм опыта" и "знания о мире", прототип и познавательная структура, подлежащая фасетному описанию, семантическая база и профилирование, познавательная схема и, наконец, интегрирующая все эти элементы субъектная точка зрения, позволяют анализировать стереотипы в рамках более широкой, антрополого-языковой концепции языковой картины мира, бытующей в данном обществе.

Путем анализа когнитивной структуры понятий, мы приходим к идентификации принятой точки зрения и социально и исторически определенного, познающего и говорящего субъекта (*homo loquens*), его системы ценностей, принятого им типа знаний, позиций и стремлений [3].

Такое описание, вскрывающее познавательные основы языка, элементарные механизмы видения и интерпретации действительности человеком, устраняет границы между понятийной и семантической системами, следовательно, между языковым и ментальным. Становится возможной совместная трактовка языковых и культурных явлений. Такой подход является одним из постулатов близкой нам московской этнолингвистической школы, рассматривающей стереотип как явление, принадлежащее "языку культуры" [4].

В принятой нами лингвистической концепции стереотипами считаются установленные конвенционально семантические и/или формальные конструкции, формирующие культурно-языковой образ объекта [1]. Среди них выделяются: топики (семантические сочетания, например: *собака стережет дом*), формулы (семантико-формальные сочетания, например: *верный как собака, собачья доля*) и идиомы (формальные сочетания, например: *собаку съест на чем-либо*). Развитие языка идет по пути от топики к идиоматике.

Что касается объема понятия стереотипа, то для языковеда стереотипизация охватывает всю картину мира, как образ вещи, так и образ человека [5]. Вместе с тем следует согласиться с социологами в том, что особый общественный вес имеют национальные стереотипы. В нашем регионе, в частности, их роль возрастает по мере того, как народы бывшего Советского Союза, бывших Чехословакии и Югославии

Бартминский Ежи – д-р филол. наук, профессор университета им. М. Кюри-Скловской в Люблине.

¹ В основу статьи положен доклад на международной конференции "Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии", Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва, 14–16 ноября 1995 г.

обретают национальное самосознание, и в этих странах происходит возрождение национализма.

Функции стереотипа коренятся в элементарных механизмах видения и интерпретации человеком действительности. Стереотип, с одной стороны, удовлетворяет психическую потребность в экономии познавательных усилий, с другой — общественную потребность поддерживать внутреннюю спаянность сообщества и его противопоставленность другим человеческим сообществам.

ЦЕЛЬ И ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования языковых стереотипов, проводимые в Люблине, имеют два направления: подготовка словаря народных языковых стереотипов [6], установление роли стереотипов, как разговорных, так и книжных, в общенациональном языке и дискурсе. Предметом изучения являются различные виды стереотипов, определяемые как *образы, образцы, мифологические и идеологические представления* [5]. В настоящей статье будут рассмотрены образы национальностей.

Проблемы происхождения, содержания и функционирования современных национальных стереотипов обсуждались на конференции "Нации и стереотипы", организованной Международным центром культуры в 1993 году в Кракове [7]. В многонациональном кругу ученых, писателей и кинематографистов говорилось об обязательности стереотипов, рассматривались эффективные меры преодоления их негативных последствий в межличностном общении. На этой встрече нами был представлен доклад "Наши соседи глазами студентов", основанный на результатах исследований, проведенных в среде студентов люблинских вузов в 1983 г. [8]. Его целью было сопоставление нескольких национальных стереотипов с точки зрения содержания, степени стабильности и ценностных характеристик.

В настоящей статье нам хотелось бы представить результаты второго этапа этих исследований. Они проводились по той же методике в среде немецких студентов в 1993—1994 гг. в городе Бохум (Вестфалия). Сопоставление результатов польского и немецкого этапов исследования позволяет сформулировать выводы относительно ключевого для понятия стереотипа признака э т н о ц е н т р и з м а².

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования проводились на основе варианта метода "семантического дифференциала" Ч. Осгуда. Несмотря на отдельные недостатки [9], этот метод позволяет сравнивать стереотипные представления, ставить вопрос о семантической сочетаемости предмета с отобранными признаками, а также дает информацию о силе связи признака с предметом (чем выше число показаний информантов, тем сильнее эта связь). Такое исследование не мешает изучению стереотипов, основанному на анализе языковой системы (наименования, дериваты, метафоры, фразеологизмы, пословицы) и их функционирования в дискурсе, как это отражено в нашей статье "Как изменяется стереотип немца в Польше" [10].

² В г. Люблин в 1993 г. исследования охватили немногим более 100 человек — студентов четырех люблинских вузов в возрасте от 19 до 25 лет. Результаты исследования см. в статье [8]. В Бохуме в 1993 г. и начале 1994 г. опрашивалась такой же численности группа студентов немецкой национальности с помощью немецкой версии той же анкеты. В целом ее заполнили 113 человек. Проведение исследований в Бохуме стало возможным благодаря предоставленной полугодовой стипендии Katholischer Akademischer Ausländerdienst в мае 1993 г. и с октября 1993 по февраль 1994 гг. В обоих случаях исследовался автостереотип (поляка в Польше, немца в Германии) и гетеростереотипы ближайших соседей: в Люблине — немца, русского, литовца, украинца, чеха, словака и еврея; в Бохуме — поляка, русского, чеха, француза, американца, шведа, итальянца и еврея.

Привлеченный к исследованию перечень признаков, образующих двадцать шесть антонимических пар, был составлен на основе предварительного изучения сочетаемости признаков с названиями национальностей. Эти признаки относятся к четырем основным аспектам (не исчерпывающим, правда, всего списка возможных аспектов, в рамках которых воспринимается и характеризуется национальность, как например: внешний вид, язык, пища и т.п.), важным для реконструкции субъективных образов отдельных национальностей:

- 1) жизненная позиция и отношение к материальным благам (бытовые признаки): *предприимчивый/пассивный; аккуратный/неряшливый; бережливый/расточительный; зажиточный/бедный; трудолюбивый/ленивый; непылющий/пыльца;*
- 2) черты характера (психические и интеллектуальные признаки): *смелый/трусливый; веселый/грустный; высокомерный/смиранный; эмоционально горячий/эмоционально холодный; сообразительный/тупой; образованный/необразованный; умный/глупый;*
- 3) отношение к другим людям (общественные признаки): *общительный/необщительный; открытый/замкнутый; упрямый/уступчивый; искренный/фальшивый; независимый/покорный; культурный/некультурный; честный/нечестный; мягкий/жесткий; толерантный/нетерпимый; спокойный/агрессивный;*
- 4) идейная позиция по отношению к миру и собственной стране, родине: *патриотизм/непатриотичность; верующий/неверующий; национализм/космополитизм.*

Признаки, стоящие первыми в антонимических парах (слева), являются, как правило, положительными; стоящими вторыми (справа) — являются негативными. Это не относится к парам *национализм/космополитизм, верующий/неверующий, упрямый/уступчивый*.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для сопоставления были выбраны данные опросов, относящиеся к пяти национальностям: трем славянским (чех, поляк, русский) и двум неславянским (немец и еврей). Обсуждению результатов польского варианта анкеты посвящена отдельная статья [8].

В таблице 1 суммированы данные из Люблина, в таблице 2 — данные из Бохума. Выборочно эти данные представлены в сопоставительном аспекте на рис. 1—5, показывающих, как с точки зрения польских и немецких студентов выглядят: немец (рис. 1), поляк (рис. 2), еврей (рис. 3), русский (рис. 4) и чех (рис. 5).

Результаты опроса показали, что дифференцирующая сила выбранных для исследования двадцати шести признаков различна. В целом на первый план выходит бытовой, цивилизационный аспект, общественные и психические аспекты занимают второстепенные позиции.

С точки зрения польских студентов, исходя из критерия отобранных признаков, в наибольшей степени противопоставлены, следующие национальности³:

139 — *зжиточный* (немец, еврей) / *бедный* (русский, украинец, литовец, поляк);

132 — *аккуратный* (немец, словак, чех) / *неряшливый* (русский, украинец);

105,6 — *трудолюбивый* (немец, еврей) / *ленивый* (поляк, русский, украинец);

100,6 — *непылющий* (еврей) / *пыльца* (русский, поляк, украинец);

92,3 — *верующий* (еврей, поляк) / *неверующий* (немец, русский, чех);

89,2 — *бережливый* (еврей, немец) / *расточительный* (поляк);

85,9 — *предприимчивый* (еврей, немец) / *пассивный* (литовец, украинец).

³ В таблицах 1, 2 и в тексте абсолютные величины даны в процентах, относительные (разница) — в баллах.

Польские студенты о своих соседях
(г. Люблин, 1993, 100 чел.)

	+		Польша	Немец	Русский	Украинец	Литовец	Чех	Словак	Еврей
1	предприимчивый	-	26,00%	82,00%	18,30%	10,30%	-1,30%	18,20%	22,60%	84,60%
2	аккуратный	пассивный	7,00%	74,00%	-58,00%	-29,6%	3,6%	35,3%	39,3%	22,3%
3	бережливый	нерешливый	-1,6%	76,0%	30,6%	17,60%	23,3%	24,0%	22,6%	87,6%
4	защиточный	расточительный	-19,6%	74,0%	-65,0%	-40,6%	-35,0%	8,6%	2,0%	72,6%
5	трудолюбивый	бедный	-21,6%	84,0%	2,6%	7,3%	22,3%	30,0%	27,6%	65,3%
6	непьющий	ленивый	-59,0%	17,0%	-65,30%	-42,6%	-16,0%	-5,3%	0,0%	35,3%
7	смелый	пьяница	60,6%	39,0%	32,3%	45,6%	39,0%	5,0%	23,6%	-6,6%
8	веселый	грустный	59,0%	40,0%	42,3%	23,3%	18,6%	62,6%	53,0%	21,0%
9	высокомерный	смирный	58,3%	75,0%	23,3%	53,6%	38,0%	23,6%	37,6%	42,6%
10	эмоц. горячий	эмоц. холодный	58,3%	-10,0%	29,3%	7,0%	26,0%	35,0%	42,3%	8,3%
11	сообразительный	тулой	59,0%	55,0%	17,6%	18,3%	30,6%	39,3%	39,6%	71,6%
12	образованный	необразованный	49,3%	64,0%	12,0%	1,0%	24,6%	42,0%	42,6%	61,3%
13	умный	глупый	39,6%	42,0%	15,6%	12,3%	27,0%	31,3%	35,3%	67,6%
14	общительный	необщительный	77,6%	26,0%	48,0%	14,3%	21,0%	51,6%	47,3%	14,3%
15	открытый	замкнутый	53,0%	-11,0%	37,6%	-9,3%	6,6%	36,6%	31,3%	-11,0%
16	упрямый	уступчивый	43,0%	54,0%	38,3%	62,0%	33,6%	6,3%	22,0%	33,6%
17	искренний	фальшивый	27,0%	-5,0%	5,0%	13,6%	14,3%	20,6%	31,0%	-13,6%
18	независимый	покорный	23,6%	36,0%	-9,0%	18,6%	22,0%	-10,3%	14,3%	4,3%
19	культурный	некультурный	15,6%	35,0%	-21,0%	13,3%	20,0%	36,6%	42,3%	44,3%
20	честный	нечестный	6,3%	24,0%	-16,3%	14,0%	16,3%	25,6%	30,0%	-27,6%
21	мягкий	жесткий	1,6%	-48,0%	-31,3%	-33,3%	6,0%	19,0%	17,6%	17,6%
22	толерантный	нетерпимый	-4,6%	-45,0%	-1,3%	-37,6%	-14,3%	16,6%	14,0%	-17,0%
23	спокойный	агрессивный	-13,6%	-49,0%	-19,6%	-45,6%	-1,0%	11,6%	8,6%	21,0%
24	патриотизм	непатриотичность	79,3%	70,0%	49,0%	71,3%	72,6%	54,0%	66,3%	60,6%
25	верующий	неверующий	70,3%	-11,0%	2,6%	19,6%	37,3%	4,3%	24,3%	81,3%
26	национализм	космополитизм	22,6%	82,0%	34,0%	64,0%	53,0%	35,6%	44,0%	33,0%

Немецкие студенты о своих соседях
(г. Бохум, 1993, 100 чел.)

			Немец	Француз	Чех	Польша	Американец	Русский	Итальянец	Швед	Еврей
1	+	-	35,3%	20,9%	11,8%	6,8%	31,3%	5,3%	-31,6%	13,6%	28,9%
2	предприимчивый	пассивный	56,0%	7,8%	15,4%	10,6%	20,6%	-1,2%	-0,9%	47,0%	33,0%
3	аккуратный	неряшливый	25,0%	-25,2%	17,3%	15,9%	-41,4%	31,3%	-20,8%	15,7%	27,6%
4	бережливый	расточительный	53,2%	27,8%	-32,1%	-40,7%	39,1%	-60,5%	4,7%	43,9%	30,8%
5	защитный	бедный	50,0%	4,0%	14,5%	8,5%	21,1%	2,9%	-12,6%	32,4%	45,4%
6	трудлюбивый	ленивый	-24,7%	-34,2%	-17,0%	-32,1%	-5,5%	-55,7%	-19,9%	-9,1%	29,8%
7	нелюбый	пыльца	-5,2%	11,3%	14,8%	16,5%	17,7%	21,5%	10,8%	14,2%	31,7%
8	смелый	трусливый	6,6%	41,1%	25,4%	23,3%	31,9%	11,8%	63,4%	22,1%	17,5%
9	веселый	грустный	34,5%	58,0%	28,2%	37,5%	47,0%	36,0%	54,7%	22,4%	53,3%
10	высокомерный	смирный	-14,9%	48,7%	27,6%	27,2%	10,1%	31,3%	56,4%	-2,4%	22,9%
11	эмоц. горячий	эмоц. холодный	25,3%	27,8%	23,6%	21,1%	2,3%	17,7%	9,9%	34,8%	46,3%
12	сообразительный	тупой	43,7%	30,7%	19,4%	12,1%	-12,2%	7,7%	7,3%	36,1%	49,5%
13	образованный	необразованный	19,0%	20,9%	19,7%	19,2%	-2,9%	13,0%	10,8%	30,9%	42,5%
14	общительный	необщительный	19,2%	52,5%	41,5%	52,8%	44,3%	56,3%	74,6%	16,7%	36,5%
15	открытый	замкнутый	-14,4%	19,7%	23,9%	9,4%	29,8%	-4,1%	34,5%	14,2%	6,0%
16	упрямый	уступчивый	44,5%	10,7%	3,0%	-1,2%	22,6%	10,0%	15,8%	7,6%	31,7%
17	искренний	фальшивый	3,7%	4,3%	17,6%	20,9%	-4,9%	16,2%	-6,4%	28,5%	23,8%
18	независимый	покорный	10,0%	33,0%	3,6%	-8,5%	45,8%	-19,5%	12,9%	38,2%	12,7%
19	культурный	некультурный	21,1%	25,5%	16,7%	18,0%	-4,0%	12,7%	0,6%	38,5%	33,0%
20	честный	нечестный	13,1%	6,9%	18,5%	19,2%	5,5%	16,5%	-5,8%	37,2%	24,1%
21	мягкий	жесткий	1,1%	13,0%	30,9%	32,4%	-4,6%	23,0%	12,0%	27,6%	17,1%
22	толерантный	нетерпимый	-17,2%	0,3%	22,4%	17,4%	8,7%	-2,4%	8,5%	39,1%	4,4%
23	стокгольмский	агрессивный	-6,3%	-8,7%	16,7%	10,9%	-16,8%	8,0%	-24,8%	39,4%	15,6%
24	патриотизм	непатриотичность	15,5%	67,0%	33,0%	39,8%	80,3%	46,3%	50,3%	23,3%	49,5%
25	верующий	неверующий	-4,0%	1,7%	17,6%	71,1%	10,7%	35,7%	58,8%	-12,1%	77,8%
26	национализм	космополитизм	15,8%	56,9%	19,7%	28,6%	54,8%	33,3%	31,7%	2,1%	21,6%

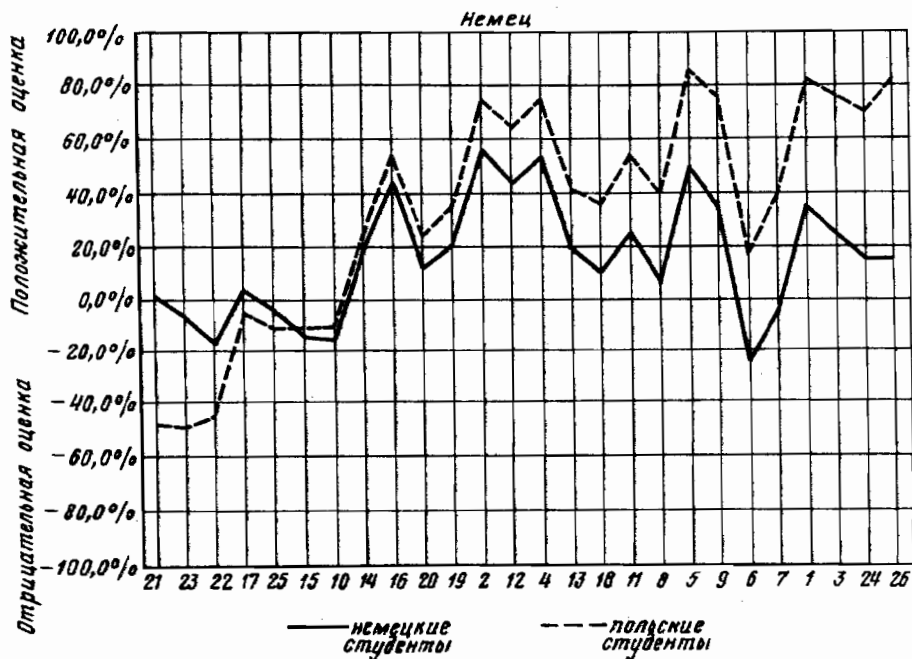

Рис. 1

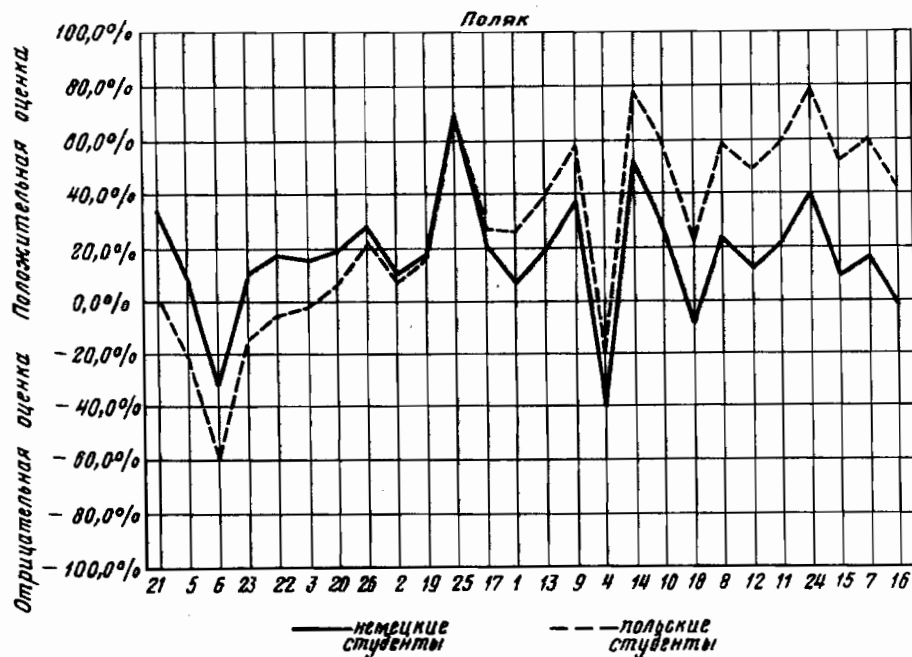

Рис. 2

По этим контрастным признакам, по мнению поляков, противопоставлены западные и восточные национальности. Противопоставление национальностей по приводимым ниже признакам, относящимся к общественной и психической сферам, связано не с географическим членением Европы, а с историческим опытом поляков, и, как кажется, их стереотипом славянина:

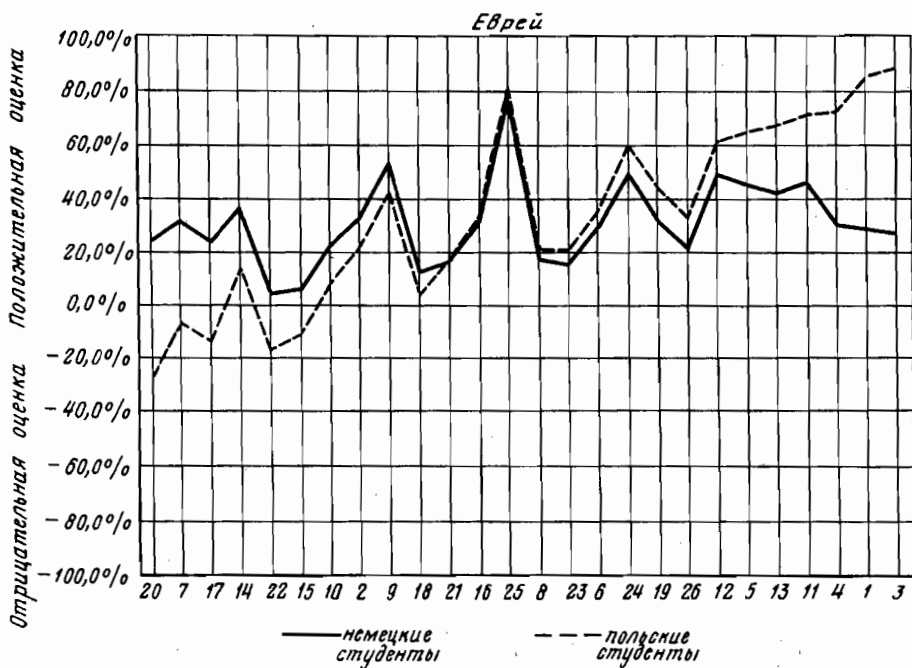

Рис. 3

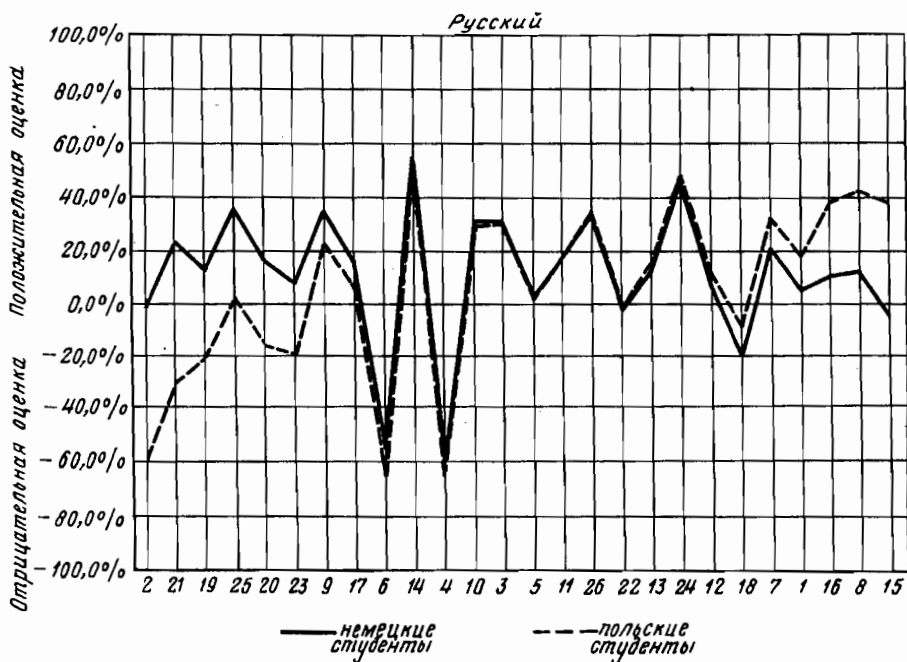

Рис. 4

- 70 — спокойный (еврей, чех, словак) / агрессивный (немец, украинец);
 68,3 — эмоционально горячий (поляк, словак) / эмоционально холодный (немец, украинец, еврей);
 67 — мягкий (чех, словак, еврей) / жесткий (немец, украинец, русский);
 67,2 — смелый (поляк, украинец, литовец, немец) / трусливый (еврей, чех);

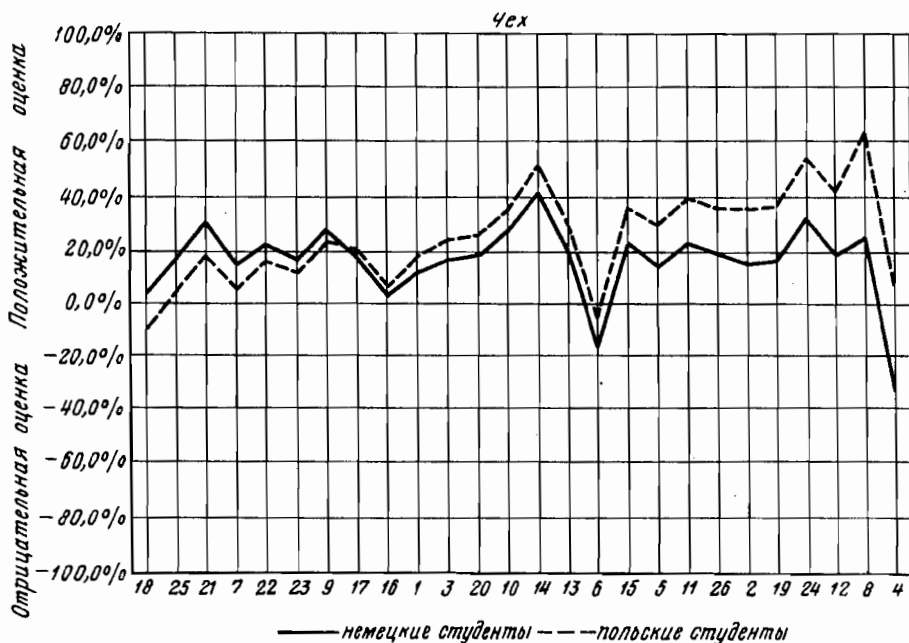

Рис. 5

- 65,3 — культурный (еврей, словак, чех, немец) / некультурный (русский);
- 64 — открытый (поляк, русский, чех, словак) / замкнутый (немец, еврей, украинец);
- 63,3 — общительный (поляк) / необщительный (украинец, еврей, литовец, немец);
- 63 — образованный (немец, еврей) / необразованный (украинец);
- 55,7 — упрямый (украинец, немец) / уступчивый (чех);
- 51,7 — высокомерный (немец, поляк, украинец) / смиренный (русский, чех);
- 46,3 — независимый (немец) / покорный (чех, русский);
- 44 — веселый (чех, поляк, словак) / грустный (литовец);
- 40,6 — искренний (словак, поляк, чех) / фальшивый (еврей, немец).

Немецкие студенты из Бохума распределяют те же признаки следующим образом: 1) степень противопоставления национальностей более низкая, чем у польских студентов; 2) как и у поляков, национальности в наибольшей степени противопоставлены по бытовому признаку. Ср.:

- 113,7 — зажиточный (немец, швед) / бедный (русский, поляк, чех);
- 85,5 — непьющий (еврей) / пьяница (русский, француз, поляк);
- 77,7 — бережливый (русский, еврей, немец) / расточительный (американец, француз);
- 66,0 — предприимчивый (немец, американец) / пассивный (итальянец);
- 65,3 — независимый (американец) / покорный (русский);
- 62,6 — трудолюбивый (немец, еврей) / ленивый (итальянец);
- 61,7 — образованный (еврей, немец) / необразованный (американец).

Вместе с тем для немецких студентов более, чем для поляков, важны признаки, отражающие черты характера (психические признаки):

- 71,3 — эмоционально горячий (итальянец, француз, русский) / эмоционально холодный (немец);
- 56,8 — более веселый (итальянец) / менее веселый (немец: 6,6).

Меньшую роль, играют такие общественные признаки, как спокойный/аг-

рессивный, мягкий/жесткий, к которым поляки, по всей вероятности, особенно чувствительны. Кроме того, для польских студентов более значимы такие признаки, как *смелый/трусливый, культурный/некультурный*.

Среди "идейных" признаков наиболее высокую по контрастирующей силе позицию в обеих группах информантов занимает *религиозность*, различающаяся в пределах 90 баллов, причем наиболее *религиозными* немецкие студенты считают еврея и поляка, *неверующими* — прежде всего шведа и немца.

Другие два признака — *патриотизм* и *национализм* — немцам представляются иначе, чем полякам. Немецкие респонденты почти не различают их, приписывая обоим скорее отрицательную коннотацию. Поэтому в *автостереотипе немца патриотизм* и *национализм* получают достаточно низкие показатели (соответственно 15,5 и 15,8% возможных баллов), примерно такими же низкими они являются у шведа (23,3 и 2,1%). Высокую степень *патриотизма* и *национализма* немцы приписывают американцам и французам — диапазон составляет соответственно 64,8 балла для признаков *патриотизм/непатриотичность*, и 54,8 балла для признаков *национализм/космополитизм*.

Польские студенты приписывают всем национальностям высокий показатель *патриотизма*: самый высокий полякам (79%), самый низкий русским (49%). Однако дифференциация в данном случае составляет всего 30 баллов (из 200 возможных), что не позволяет считать данный признак основанием для выделения какой-либо из национальностей. *Патриотизм* оценивается положительно, *национализм* — отрицательно и, как признак, характеризующий нацию, он обладает более высокой дифференцирующей силой. По мнению польских студентов это качество в наибольшей степени присуще немцам и украинцам (82 и 64%), и менее всего — полякам (22,6%).

"Профили" немца и поляка (см. рис. 1, 2) привлекают внимание тем, что они содержат сравнение *автостереотипа с гетеростереотипом*. Можно было ожидать, учитывая мнение психолингвистов, занимающихся изучением проблемы стереотипа [11], что автостереотипы всегда более, может быть, даже полностью положительны. Однако это не так. Как в *автостереотипе немца*, так и в *автостереотипе поляка* появляются отрицательные признаки, такие как *пьянство* и *нетерпимость* (в характеристике немца), *лень, пьянство, агрессивность* и др. (в характеристике поляка). Удивляет тот факт, что немец получил более позитивный "профиль" у польских студентов, чем у немецких (см. рис. 1). К объяснению этого явления вернемся в заключительной части статьи.

Что касается *образа еврея* (см. рис. 3), то бросается в глаза прежде всего следующее: 1) "немецкий" "профиль" еврея более плоский, менее выразительный, "слабый", в то время как в "польском" "профиле" оценки более категоричные, стереотип "сильный"; 2) по ценностным показателям в пределах исследуемых признаков в "немецком" "профиле" еврея отмечается полное отсутствие негативных признаков, в то время как в "польском" они есть (*трусливый, фальшивый, нечестный, нетерпимый*). Вместе с тем, в пределах исследуемого комплекса признаков в обоих национальных *стереотипах еврея* — польском и немецком — отмечается значительный перевес положительных признаков.

Значительные различия имеют "профили" *стереотипа русского и стереотипа чеха* в оценках обоих сравниваемых групп респондентов — поляков и немцев.

В *стереотипе русского* два бытовых признака — *бедность* и *пьянство* — одинаково высоко оцениваются в обеих группах информантов. Сходные характеристики (различия не превышают десяти баллов) отмечены по таким признакам, как *общительность, эмоциональность, бережливость*, а также *патриотизм* и *национализм*.

"Немецкий" и "польский" *образы русского* в наибольшей степени различаются в связи с оценкой таких пар признаков как *аккуратный/неряшливый, мяг-*

кий/жесткий, открытый/замкнутый. По мнению польских студентов, русский человек *открыт, жесток, агрессивен*, а также *неряшлив*. Немцы считают, что он скорее *замкнут, мягок и спокоен*, а в отношении *аккуратности* ничем не выделяется. Другие различающиеся признаки показывают, что для польских студентов русский скорее *некультурен и нечестен*, но *предприимчив и упрям*, а для немецких студентов — скорее *культурен и честен*, но не очень *предприимчив* и не очень *упрям*. Сильно различаются оценки *религиозности*, которую немецкие студенты склонны приписывать русским в высокой (36%), а польские студенты — в низкой степени (2,6%).

По общей оценке "немецкий" *стереотип русского* более положителен, чем "польский". Польская и немецкая оценки русского различаются в среднем на 16,7 балла (немца — на 28,2; поляка — на 24,4; еврея — на 20,2; чеха — на 13,6).

В характеристики чеха поляки и немцы расходятся меньше, чем в характеристике русского.

Прежде всего следует отметить, что "немецкий" *стереотип чеха* "слаб", т.е. лишен сильно выделяющихся черт, отмеченных оценкой выше 50%. Наиболее стабильными признаками, то есть чаще всего занимающими первые места, оказались *общительность* (41,5%), *патриотизм* (33%), *бедность* (32,1%), *мягкость* (30,9%); остальные признаки не перешагнули порога 30%.

Стереотип чеха у поляков богаче и "сильнее", чем у немцев: доминирующими являются такие признаки как *веселость* (62,6%), *патриотизм* (54%), *общительность* (51,6%). Более 30% набрали также следующие девять признаков: *образованность, сообразительность, культурность, национализм, аккуратность, эмоциональность, ум и трудолюбие*.

Различия касаются прежде всего следующих признаков: для немецких студентов чех *беден* (31,1%) и *беспомощен* (3,6%), для польских студентов — скорее *богат* (8,6%), но *покорен* (10,3%). Немецкие студенты выделяют *религиозность* и *мужество* чехов, приписывая им также склонность к *пьянству* (это для немцев, пожалуй, "общеславянские" черты). Польские студенты подчеркивают *трудолюбие* и *сообразительность* чехов, а также их *образованность*. И, вероятно, популярность Йозефа Швейка — героя романа Ярослава Гашека — повлияла на высокий уровень такого признака в *образе чеха*, как *веселость*.

Стереотипы чеха и европейца (основанного на культурных показателях см. [12]), существующие в восприятии поляков, сближаются. С точки зрения ценностных показателей *стереотип чеха* получает более положительные характеристики у группы польских студентов, чем у немецких.

На полученные в обеих анкетах данные можно взглянуть иначе, и поставить вопрос о том, насколько различаются между собой характеристики соседей с точки зрения респондентов одной национальности. В этом отношении особенно показательно сравнение "профилей" чеха и русского в восприятии поляков и "профилей" чеха, поляка и русского в восприятии немца (см. рис. 6, 7). В целом можно отметить, что "польские" "профили" указанных национальностей имеют много различий, в то время как "немецкие" "профили" отличаются друг от друга меньше и в некоторых случаях даже совпадают.

Так, польские студенты видят много различий между чехом в бытовом (признаки 2, 4, 5, 6) и общественном (особенно признаки 19, 20, 21, 22, 23) аспектах, дают им близкие (признаки 9, 10), хотя и не всегда (признаки 11, 12, 13) психологические характеристики, и полностью совпадают в оценке "идейных" признаков (признаки 24, 25, 26) (см. рис. 6).

Немецкие студенты в значительной степени сближают "профили" чеха и русского именно в тех аспектах, по которым поляки отмечали наибольшие расхождения, а именно, в бытовой, психической и общественной сферах. Наибольшие различия (за

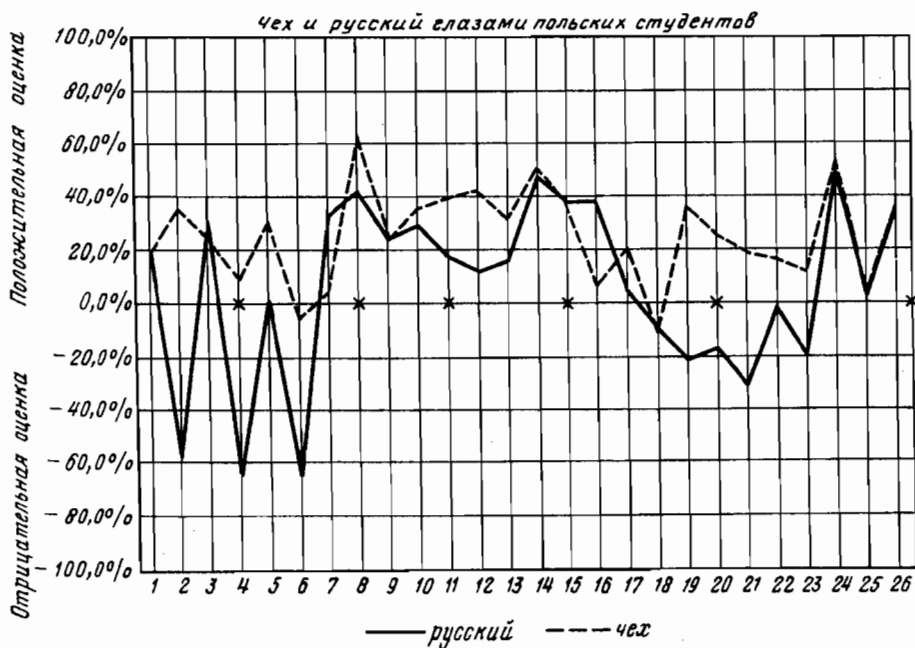

Рис. 6

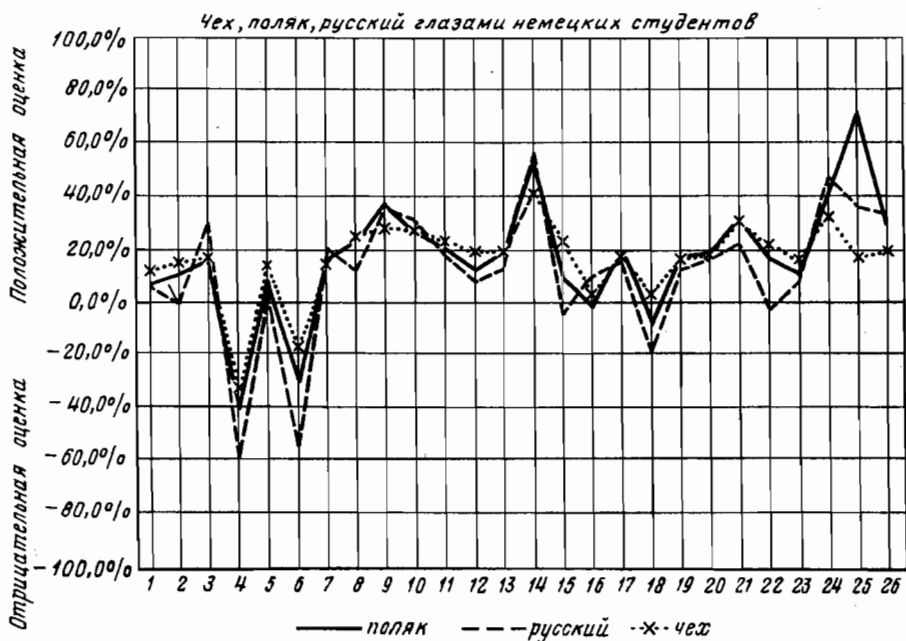

Рис. 7

исключением признака 6 — *непьющий/пьяница*) связаны с "идейным" признаком *религиозности*. Более всего, однако, поражает то, что по мнению немцев, "профиль" поляка очень похож на "профили" чеха и русского, тогда как в *польском автостереотипе* он сильно отличается от "профилей" соседей с востока и юга (см. рис. 7). По-видимому, все три национальности ("Лях, Чех и Рус") образуют в восприятии немцев более общий *стереотип славянина*.

Очевидно, на образы соседних национальностей у поляков и немцев оказывает влияние еще один, более общий стереотип — *стереотип европейца*, связанный с оппозицией "восток—запад" и "центр—периферия". Скорее всего, именно этим следует объяснять достаточно регулярное распределение признаков в ряду: "норма" — чех / "небольшое отклонение от нормы" — поляк / "большое отклонение от нормы" — русский (см. рис. 7, признаки 1, 2, 4, 5, 6 и т.д.). С этими данными хорошо коррелирует синтетическая характеристика стереотипа культурного и богатого европейца, представленная недавно С. Прохоровой [12].

Стереотипы в большой степени представляют собой инструмент национальной мегаломании, взгляда на себя, как на центр мира [13]. Это касается как немецких, так и польских или французских стереотипов. С точки зрения француза европеец — это он сам, а не, например, немец [14], и уже тем более не народ, живущий далее на восток.

Результаты исследования стереотипа, проведенного при помощи только одного метода — семантического дифференциала, хотя и позволяют с большой убедительностью показать этноцентризм стереотипа, должны быть, тем не менее, дополнены данными другого типа, почерпнутыми из анализа лексики, фразеологии, клишированных народных и обиходных текстов, а также публицистики, сатиры (может быть также несловесных текстов: кинофильмов или карикатур, ибо стереотип — явление не только языковое). Мы попытались провести такое исследование в отношении *стереотипа немца*. Учет более богатой базы данных позволил нам сформулировать несколько положений по поводу того, как изменяется *стереотип немца* в Польше [10], и описать эти изменения в терминах этнолингвистики, исследующей соотношение "язык—говорящий субъект" по модели субъектного профилирования.

В истории польского *стереотипа немца* можно выделить несколько общественно устоявшихся точек зрения:

- 1) для простого человека: немец — "чужой";
- 2) для шляхтича со свойственной ему культурой и бытом: немец — "плюдрак"⁴, то есть носящий брюки (в противоположность традиционной шляхетской одежде);
- 3) для польского патриота, защищающего национальную независимость: немец — захватчик и враг;
- 4) для жертвы военного насилия: немец — фашист, злодей;
- 5) для молодого интеллигента, ищущего свое место в современном мире: немец — трудолюбивый, богатый и культурный европеец.

Этноцентризм не является чем-то, свойственным только одной нации, полякам или немцам. Он представляет собой общекультурное явление. Эту мысль высказал В.Н. Топоров, определивший суть и истоки этноцентризма: "Каждый народ — осознанно, полуосознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений о себе и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры и ссоры" [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bartmiński J. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Т. III. Wrocław, 1985.
2. Język a kultura. Т. XII. Stereotypy językowe. Materiały z Konferencji w Karpaczu, VI, 1994. 1995 (в печати).
3. Bartmiński J., Niebrzegowska S. Profile a podmiotowa interpretacja świata (в печати).
4. Толстая С.М. Стереотип в языке культуры (в печати).
5. Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Т. 2. Współczesny język polski. Wrocław—Lublin, 1993.

⁴ "Плюдрак" — от польск. *pludry* мн. уст. 'штаны (широкие)' (прим. редакции).

6. Толстая С.М. Этнолингвистика в Люблине // Славяноведение. 1993. № 3.
7. Stereotypes and Nations. Kraków, 1995.
8. Bartmiński J. Poland's neighbours in the eyes of Polish students (A study of national stereotypes) // Stereotypes and Nations, Cracow, 1995.
9. Quasthoff F. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt am Main, 1973.
10. Bartmiński J. Jak zmienia się stereotyp Niemca w Polsce // Przegląd Humanistyczny. 1994. № 5.
11. Kurcz I. Zmienność i nieuchronność stereotypów. Warszawa, 1994.
12. Прохорова С.М. Языковой стереотип в контексте оппозиции "свой—чужой" (в печати).
13. Bystron J.S. Megalomania narodowa. Warszawa, 1995.
14. Pelletier C. Stereotyp Niemca i Anglika we Francji i w Polsce (в печати).
15. Топоров В.Н. Образ "соседа" в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в середине века. Сборник тезисов. М., 1990. С. 5.

© 1997 г. БЕЛОВА О.В.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

В современной науке проблеме этнических стереотипов посвящены фундаментальные исследования [1; 2; 3]. В системе традиционной народной культуры отношение к представителям других народов во многом определяется понятием этноцентризма. Основную роль играет здесь инстинктивное отрицание чужого как непонятного (неприемлемого, греховного); всякий представитель иноэтнической группы соотносится с понятием опасного, потустороннего. С другой стороны, "чужие" могут рассматриваться как "неузнаваемые" носители сакрального начала. Подобное амбивалентное отношение определяет специфику народных представлений, в которых своеобразное воплощение находит универсальная семантическая оппозиция "свой – чужой" в своем этническом (инородцы) и конфессиональном (иноверцы) аспекте. Хотя представления об инородцах и иноверцах составляют нерасторжимое единство, все же можно в ряде случаев отметить преобладание конфессионального элемента, когда отношение к "другому" определяется в первую очередь его вероисповеданием. Яркий тому пример – взгляд православных сербов на своих единоплеменников, сербов-мусульман. В XIX в. и ранее сербы называли турками не только этнических турок, но и людей, говорящих по-сербски и даже не знающих турецкого языка, но исповедующих ислам. Соответственно православие называлось *српска вера* ("сербская вера"), а мусульманство – *турска вера* ("турецкая вера") [4].

Вероятно, можно говорить и о системе "этноконфессиональных" стереотипов, на основе которой формируется в народных представлениях славян образ "чужой веры" вообще и ее конкретных проявлений (представления об отдельных конфессиях) в частности. Данная работа ставит целью рассмотреть понятия "вера" и "иноверец" во всем разнообразии их оттенков применительно к фольклорным славянским верованиям.

Наиболее интересны и показательны в связи с конфессиональным аспектом противопоставления "свой – чужой" свидетельства из регионов, где имели место тесные этнокультурные контакты. Такими регионами в славянском мире являются Балканы, Карпаты, польско-украинско-белорусское Полесье – одна из самых архаических в этнокультурном отношении славянских зон. Кроме того, говоря о Полесье, нельзя не отметить своеобразие этническо-конфессиональной ситуации – здесь на сравнительно небольшой территории соседствуют православные, католики и члены общин евангельских христиан-баптистов. До второй мировой войны в Полесье проживало также значительное еврейское население.

ВЕРА И КОНФЕССИИ

Белорусская легенда гласит, что «"в начале света" все люди на земле имели один язык и одну веру» [5. S. 231]. В Полесье также, несмотря на наличие различных конфессий, бытует представление о едином Боге для всех народов: "Ускрозь Бог е, Бог для ўсих народоў", "Бог один, а вера разная" [6. С. 47]. Таким образом, декларируется одно из важнейших положений – наличие различных вероисповеданий. О происхождении различных конфессий у черногорцев племени Кучи рассказывается следующее: у одного человека была красавица-дочь, к которой посватались сразу трое. Обескураженному отцу явился ангел и дал ему совет: первым сватам отдать дочь, вторым – собаку, а третьим – свинью. Так и произошли от девушки православные христиане, от собаки – латини, те со за то и љути, пасје нарави (злые, с "собачьим" норовом католики), а от свиньи – муслимане, који су прасеће нарави (подобные свиньям мусульмане) [7].

Православные славяне обычно именуют "свою" веру *грэцка, православна, благослаўна, руска, српска вера*. Для католиков характерно разграничение *русской и польской* веры; "русская" вера соотносится с православием, а "польская" с католичеством, причем по ряду свидетельств православным отказано в праве называться христианами: "У нас гаворать, шо можно перехадить из русской веры в польскую. Руские вроде пративники Иесу Христу, ани идуть протиў сонца из цэркви. А Божа Матерь не злюбила (русскую веру за это) и пашла за сонцем" (гомельск.; Полесский архив ИСБ РАН (далее – ПА), 1983; [6. С. 46]). Вообще же "Бог не назначал русской веры"; она взялась сама по себе, но широко распространилась и набрала силу. Православные священники не совсем "правильные" – причастие могут давать только ложкой, а не руками, потому что они женатые; в отличие от красивых изображений в костеле в русской церкви все образа *murzatyje* (темные, черные) [5. S. 236]. Существуют также представления о *немецкой вере* (протестантизме); поляки и белорусы-католики говорят, что "раньше немцы были такие, как мы", пока епископ Мартин Лютер не подвинулся умом "от великой науки" и не установил новую "немецкую" веру, переведа много народу "в немцы" [5. S. 234]. В Полесье, однако, с уважением относятся к представителям этой самой "немецкой" веры – баптистам, или *штундам*, отмечая их высокую нравственность [6. С. 46]. О вере более далеких этнических соседей (например, французов) есть свидетельства, что французы раньше были добрыми католиками, но теперь остались "одни масоны" [5. S. 232]. О татарах, которые часто в народном сознании идентифицируются с некоторыми мифическими инородцами, "дикими", "безверными" людьми, говорят, что у них *татарская вера*. Христос ничего не знал о татарах, ведь они жили и живут где-то далеко за морем, потому-то "наша вера до них не дошла" [5. S. 236]. Интересно отметить свидетельства о том, что вероисповедание определяет моральную оценку той или иной группы в пределах одного этноса. Согласно болгарской легенде (Велес), болгары и турки – это единый народ, но одни праведные и верующие, а другие неверные [8. С. 48]. В целом же вопрос о религиозном приоритете (чья вера лучше, "чей Бог старше") решается в самом широком жанровом диапазоне – от легенд на библейские сюжеты до обценных анекдотов [9].

Однако при всем различии обрядности и церковного календаря православные, католики и даже протестанты признают близость своих вер на том основании, что они "уклоняются Христу и Богу веруют" [6. С. 46]. Совершенно иное отношение у славян всех конфессий к религии евреев – их непосредственных этнических соседей. Особенности религиозных обрядов, предметы культа, сам объект религиозного почитания евреев – все это привлекало пристальное внимание соседей-славян. В отношении к *жидовской вере* проявился взгляд "извне", когда элементы чужой религии интерпретируются только на основании внешних представлений о них, зачастую без постижения их смысла. Наряду с точкой зрения о том, что вера евреев – это вера Ветхого Завета, и от нее происходит христианство (польск. [10. S. 84]),

бытует представление, что "у жыдоў другий Бог" [6. С. 47], и "Бог" этот представляется в самых причудливых формах. Так, поляки рассказывают, что в божнице у евреев стоит "баран позолоченный" или "телец раскрашенный", изображающий их Бога; иногда это изображение выглядит "как пес", "как корова без рогов с коротким хвостом", как некий "болван" или "божок в виде змеи", потому что со времен Моисея символом евреев была змея, обвинявшаяся вокруг жезла [10. S. 33–36, 59–60, 84]. Именно так интерпретируется один из основных иудейских культовых предметов – украшенный свиток Торы. Представление о том, что евреи поклоняются солнцу, звездам, месяцу, основано на наблюдениях за молитвами на новомесячье (*birhat ha-Lwana*) и за ритуальными действиями в период между еврейским Новым годом и Судным днем (моление над водой и так называемое "вытрясание грехов") [10. S. 57, 59]. Представляется, что именно "взглядом со стороны" обусловлено и восприятие чужого богослужения, которое может становиться предметом пародии (например, пастушеская игра "w zydów" в предгорьях Карпат, изображающая действия евреев в "божнице" [11. Т. VIII. S. 147], или игровое действо "chrzest Żyda" ("крещение еврея") в окрестностях Плоцка [11. Т. IX. S. 408–409].

Народная традиция не осталась в стороне от полемики между христианами и иудеями по вопросам веры и религии. Причину гонимости, выключенности евреев из обычного (с точки зрения славян) уклада жизни христиане видят в первую очередь в огромном грехе, совершенном евреями в прошлом – в распятии Христа, за что они и были прокляты и рассеяны по всему миру. Любопытной трансформации подвергся в этой связи "универсальный" сюжет о вечном страннике – еврее, проклятом Христом за то, что во время пути на Голгофу тот гнал его от порога своего дома (ср. легенду из Подолии о паре вечных странников – мужчине и женщине, проклятых Христом; они ходят по свету, встречаясь раз в сто лет [12. С. 201]). По белорусскому поверью, *вечный жид* стареет и молодеет вместе с месяцем и обречен на скитание до Страшного Суда [5. S. 238]. Кашубы верят, что *večni Žid* – существо очень маленького роста, так как он стоптал ноги до колен за время скитаний; когда он их до конца стопчет, наступит конец света [13]. На Волыни рассказывают, что вместе с месяцем переждаются снова и снова евреи, распявшие Христа и стоящие на страже у Гроба Господня в Иерусалиме [14. Т. 1. Вып. 1. С. 10–11]. В Галиции бытует представление, что когда евреи распинали Христа, он их проклял, чтобы они жили вечно. С тех пор они сидят за морем и не могут добраться до своей страны, так как вода в море кипит [15]. "Божьим проклятием" объясняется все – от традиционного черного цвета одежды до катастрофы еврейского народа во время второй мировой войны [10. S. 90, 91]. Соответственно основные еврейские религиозные обряды рассматриваются как ежегодное "воспроизведение" мучений и казни Христа, а главная книга евреев – Талмуд является ни чем иным, как собранием записей о том, как Христа распинали (кроснен., бельскоподлясск. [10. S. 89]). В народных легендах нашло отражение и необычное для славян ритуальное убранство еврейского дома. Так, в гомельском Полесье рассказывают, что когда евреи схватили Христа, то привели его на суд еврейскому "бискупу". После суда Христос был распят, а евреи решили как-то отметить это событие: "Вылили золото, и вылилася як палено. (И с тех пор в домах) у йих были таки трубочки прибиты на пам'ять" (ПА, 1983). В польском Подлясье считали, что евреи на косяк двери вешали маленький сосудик со свежей христианской кровью [10. S. 102]. Очевидно, что в обоих случаях речь идет о мезузе (небольшом футляре для текста молитв) – обязательном элементе еврейского жилища.

Существует несколько версий того, почему евреи в большинстве своем не уверовали в Христа. Согласно одной из них, причиной этого стал излишний рационализм иудеев. Когда Христос проповедовал и кормил голодных хлебом, евреи охотно приходили его слушать. Незадолго до смерти Христос сказал: "Вы едите тело мое". Евреи подумали, что речь идет о людоедстве и от страха не последовали за Христом. Остались с ним лишь апостолы, которые мыслили символически и поняли это иносказание. По другой версии, евреи ошиблись, когда не поверили в приход Мессии

(Христа); они просто не узнали его, так как думали, что им явится великий царь, а не такой "убогий Пан Езус" [10. S. 94]. Приобщить иноверцев к христианству смогли лишь посмертные чудеса – именно об этом говорит болгарская легенда: в день Воскресения Христова два еврея стали последователями христианства, когда на глазах у них покраснели яйца, которые один из них нес на базар [16].

В связи с этноконфессиональными стереотипами может быть рассмотрена и фигура Христа, вопрос об этнической принадлежности которого тесно связывается с идеей вероисповедания, крещения. Преобладает точка зрения, что Иисус Христос не был евреем: "Сус Христос жэ хрэшчэный, а жыды нехрэшчэные" (гомельск., ПА, 1981), и именно по этому признаку он противопоставляется, в частности, Иуде-предателю. "Иуда з жыдоў быв, а Христос нэ. Русский"; "Июда родиўся з еўрэйки, а Сус Христос з Божей Матери" (житом., ПА, 1981). Существует представление о переходе Иисуса Христа в другую веру и о перемене им имени (запись сделана в селе, где проживает много католиков, и отражает религиозную полемику не только христиан с иудеями, но и "внутренние" разногласия православных и католиков): "Исус Христос в Иурасалиме радиўся. Еўрэй быв. Имя ёго Юд Навин. Пражыл трыцать пять лет еўрэйским царом. На Ердани крэстиўся. Як ён уже стаў крэстица, так его схватили и замучили. Ён пакинуў еўрэйску веру, а пэрэшоў в рускую. В руской вере дали ему имя Петро-Илья. А Багародице не панравила руска цэркаў. И ана перевела яго у касцел. И пэрэкрэстили его. И дали имя Исус Христос" (гомельск., ПА, 1983. [б. С. 47]). Аналогично в польском рассказе о крещении Иисуса утверждается, что Христос стал поляком, как только крестился, а до этого он был евреем [10. S. 37].

КРЕЩЕНИЕ

Крещение может осмысляться не только как обретение истинной веры, но и как приобщение к "своему" этносу (одно предполагает другое). Некрещеный ребенок рассматривается как "инородец", "еретик" или "язычник", причем в данном контексте все три понятия синонимичны – об этом свидетельствуют такие названия для младенцев, как, например, болг. *еврейче, павликенче* (т.е. павликианин, последователь еретической секты). В Болгарии крестный, принося ребенка в дом, на пороге передавал его матери со словами: "Дали вы мне его павликианчиком (еврейчиком, кушликом), отдаю его вам христианчиком", после чего называл имя младенца [17]. В Македонии баба, передавая матери окрещенного ребенка, трижды говорила: "Еврейче ми то даде, ристянче ти го давам" ("Ты мне дала еврея, я тебе даю христианина") [18]. В Словакии крестная мать объявляла: "Унесла язычника, а принесла вам христианина"; так же и крестные у лужичан говорили: "Мы взяли у вас язычника, возвращаем христианина" [17. С. 68, 93]. Как приобщение новорожденного к "своей" вере рассматривались и некоторые приемы обращения с ребенком. В Болгарии при первом пеленании или на третий день после рождения ребенку сыпали соль на сгибы ручек и ножек, на шейку – "чтобы дурно не пах, когда потел". У турок и цыган Болгарии этого обычая нет, поэтому о турках могут сказать, что они "несоленой веры" (Хасково) [17. С. 202]. По русскому поверью, усопших младенцев нужно непременно подпоясывать "для того, чтобы их на том свете по первому взгляду можно было распознать от татарчат и жиденят" [19].

Традиционным является представление, что у иноверцев (инородцев) нет души, а есть только *пар, нара*, как у животных. Русины Закарпатья, отказывая евреям в наличии у них души, приравнивают их к животным, когда говорят *жид іздох, жид ізгиб*, но никогда *жид умер*, как принято говорить о смерти человека [20]. Но даже если существование души у иноверцев признается, они не могут вместе с христианами попасть в ад, рай или чистилище. Для душ евреев и некрещеных детей существует особое место *otchtan* (польск.) или *atchtan* (бел.) – пещера или бездонная темная пропасть [21; 5. S. 221].

ИНОВЕРЦЫ И НЕЧИСТАЯ СИЛА

Отсутствие души также связывает иноверцев с демонологическими персонажами. Столь устойчивое сочетание обусловлено представлением, что "чужой бог" не есть истинный Бог, а чужая религия есть либо "бездуховное" безверие, либо поклонение дьявольским силам. Белорусы считают, что объектом почитания у татар является черт [5. S. 237]. Благополучие евреев также зависит от милости черта: в праздник Пейсах евреи ставят для него угощение; ночью приходит *той шо з рижками* и оставляет им деньги (волынск. [22]). Польские песни упоминают "zydowskiego boga bez jednego roga" (краковск. [11. Т. II. S. 347]; ср. рус. *бог с рогами, ангел с рогами "черт"*).

С нечистой силой связаны, с точки зрения славян, и еврейские праздники и, прежде всего, день очищения, Судный день (Jom Kipur). Евреи "записали" свои души черту, когда распяли Христа, и с тех пор дьявол вспоминает о них в Судный день, похищая кого-либо [10. S. 95]. На территории украинского и белорусского Полесья этот день называется *хопун, хапун*, в Подлясье – *Chaptus*. Согласно поверьям полешуков, ежегодно в судную ночь черт похищает из каждого села или местечка еврея и еврейку, чтобы в вихре унести в болото, бросить в пропасть, посадить на высокую сосну или осину, растерзать или замучить до смерти. В глухую полночь поднимается ветер, начинается буря, гаснут все свечи; когда евреи снова их зажигают, то видят, что среди них не хватает людей. Исчезнувших не ищут и не оплакивают, так как известно, что их "rogwał Zły Duch". Чтобы уберечься от этого, евреи приглашают на свою молитву христианина с *громничной* свечой (принесенной из церкви на Сретенье). Свеча горит в укрытии, и когда появляется черт, свечу открывают и черт убегает. Похищение евреев объясняется не только карой за муки Христа (показательно, что орудием Божьего наказания здесь выступает дьявол; ср. указания на то, что в Судный день кого-либо "diabeł musi rogwał" или "Bóg wyrwie" [10. S. 99]). Говорят также, что во время странствий по пустыне Моисей разбил сделанного евреями золотого тельца. Но коварный черт предстал перед евреями в виде разбитого тельца; они побежали за ним, и черт увлек их в пустыню. Чтобы собрать евреев, Моисей дал клятву, что вместо гибели всего народа он будет давать черту каждый год по паре. Черт затрубил в громадный рог и собрал евреев. (Возможно, в этой легенде причудливо отразился храмовый ритуал Судного дня, когда звуки труб означали, что в Иерусалим входит Йахве.) В судную ночь евреи сами могут узнать, кого из них схватит черт – они смотрят в воду: жертва похищения не увидит своего отражения [5. S. 238; 10. S. 100; 14. Т. 3. С. 189, 191; 23. С. 119–120]. В житомирском Полесье рассказывают, что *жидиўска судна ноч* с грозой, дождем, сверканием молний бывает в сентябре: "Кольсь тэю судню ночью ворожыли жиды. Выбирают собі одну хату і ў эту ноч оны молюцца. (О тех, кого недосчитывались после этой ночи, говорили:) *хапун жидка ухопіў*" (ПА, 1981). В других регионах Полесья и шире на территории России такая ночь со страшной грозой или со вспышками молний без дождя называется "воробьиной" или "рябиновой" ночью. На Житомирщине *рябинова (рабинова) ноч* происходит примерно через неделю после *судны ночи* и оказывается, таким образом, приуроченной к еврейскому празднику Кущей (Sukkot). В эту ночь евреи отмечают миновавшую опасность, которая грозила им во время судной ночи, также приглашая на молебен христианина. Собираются "еврэйски кучкы и молюцца богу за свое шчасцье. И там должэн присутствовать одын, наш мужык, украинэц, дэ воны абэспэчэны; еврэй ўжэ увэрэны, шо ўжэ их хопун нэ возьмэ" (ПА, 1981). В этой местности народная этимология объясняет название *рябинова/рабинова* ночь через слово *рабин* "раввин", что подчеркивает приуроченность этой ночи к еврейскому празднику (ПА, 1981). В славянской традиции "воробьиные", "рябиновые" ночи связаны с различными событиями, имеющими отношение к потустороннему миру: в эти ночи цветет папоротник или "гуляют черти" [24]; совпадение еврейских праздников с такими опасными периодами народного календаря еще раз подтверждает связь

иноверцев с нечистой силой. Кануна еврейского Судного дня бояться и христиане; считается, что этой ночью еврейский черт *Chaptur* "разрывает" христианских детей (белосток. [10. S. 100]). Дни еврейских праздников считались неблагоприятными и для хозяйственной деятельности. Так, в праздник Кущей нельзя было рубить и складывать в бочки капусту – сгниет (бел. [5. S. 415]).

Связанный в народном сознании с нечистой силой "чужой" этнос может стать причиной появления в мире Антихриста перед концом света. Современные польские легенды говорят о том, что "Антихрист уже родился в Китае – от еврейки-прелюбодейки и язычника" или что "Антихрист уже родился. Ему уже 25 лет. Родился в 1957 г. в Китае или в Вавилоне, от еврейки-проститутки и Святого Духа" (записи 1982 г. [10. S. 93]). Ср. русское поверье о том, что Антихрист когда-нибудь родится от одной из *еретниц* – женщин, продавших душу черту (тамбов. [25]).

Родство с нечистой силой – вообще одно из отличительных свойств инородцев и иноверцев, с чем связаны и курьезные свидетельства об особенностях их крещения. По украинской легенде цыгане произошли от черта и хромой девушки из числа фараоновых людей, преследовавших Моисея и евреев во время исхода из Египта. Поэтому цыган и не крестят как остальных людей, но только по пояс, ведь они только наполовину люди: "христианин з горы, а з долу так йак шчез-бы дытко (т.е. сверху христианин, а снизу черт)" (Галиция [12. С. 33–34]). Размножению нечистой силы могут способствовать и евреи, например, когда моют руки и стряхивают воду – из брызг появляются черти [26] (аналогичные поверья существуют о черте). Соответственно, черт владеет и душами иноверцев – ему достаются души людей, родившихся от смешанных браков (укр. *перевертни*) и крещеных евреев (укр. *шишимиты*). Нечистая сила чаще всего выступает на стороне врага-иноверца на войне. Когда "турки брали Царьград, черти помогали стрелять – залезет чертенок в пушку и толкнет ядро: огонь чертей не жжет, они привыкли к адскому пламени" [23. С. 605]. Ср., однако, русское поверье, что "леший за Русь идет, хто на Русь нападе, все леший за Русь встане <...> он в войну пули откидывал" [27. С. 51]. Подобно тому, как черту приписывается изобретение вина, табака и прочих "нечистых" вещей, считается, что "карты выдуманы жидами" и именно из-за карточного долга Иуда предал Христа (харьковск. [28]).

НЕЧИСТОЕ И САКРАЛЬНОЕ

В приложении к носителю другой веры эти понятия тесно переплетаются. С одной стороны, иноверец, во много связанный с потусторонним миром, являет собой источник постоянной опасности и греховности; с другой – это податель благополучия, здоровья, урожая.

Безусловно, присутствие иноверца оскверняет священное место (ср. многочисленные легенды Русского Севера о храмах, ушедших под землю, при приближении "литвы", "немцев"; шведов; например [27. С. 108]) или трапезу православных (посуда, из которой ели "нехристи" – цыгане, татары, немцы, – и особенно скромное в пост, долгое время считается как бы оскверненной, и хозяйки не велят домочадцам есть из нее, "пока татарин не выдохнется" [29]). В работах Б.А. Успенского уже достаточно подробно были проанализированы ассоциации иноверца с нечистым животным (псом), и была представлена детальная картина взаимного восприятия "чужой" веры как несправедливой (ср. семантику выражения "песья вера" во всех славянских языках) [30]. Можно добавить к этому лишь несколько колоритных примеров, указывающих на связь иноверцев с нечистыми существами в народном сознании. Это и этиологические легенды о происхождении турок от собак (болг. [8. С. 34, 48]), и рассказы о "родстве" евреев со свиньей (о.-слав., особо см. [10. S. 90]). Последний мотив отразился также в представлениях о том, что евреи клянутся в синагоге, стоя на свиной шкуре (бел. [31]; см. также [3. P. 123–124]).

В народных верованиях ярко запечатлелась связь иноверцев с областью колдовства и магии. Иноверцы могли вызывать погодное ненастье – метель, дождь (бел.

[5. S. 238]; польск. [10. S. 108]), но их же можно было просить молиться "о погоде" (польск. [10. S. 109]). Если хотели отомстить за злодеяние, то жертвовали деньги на еврейскую школу или синагогу: евреи скорее Бога умолят и страшнее проклянут обидчика. Точно так же старались избавиться от тяжелой болезни – считалось, что после пожертвования еврей упросит Бога о выздоровлении христианина (бел. [5. S. 273, 276]). Наиболее действенными считались амулеты, полученные у иноверцев, и заговорные тексты, воспроизводившие знаки древнееврейского письма (польск. [10. S. 110–111]). С иноверцами связывались действия, совершаемые на Балканах в семьях, где "не держались" (умирали) дети. Ребенку избирали в кумовья первого встречного, и особенно благоприятным для его судьбы считался кум-инородец или иноверец: турок, цыган, католик для православного ребенка или православный для католика [33]. Иноверец (в частности, раввин) мог "вымолить" ребенка для бездетной пары, правда такой ребенок впоследствии также оставался бездетным (польск. [10. S. 118]).

Своеобразно отношение к предметам, принадлежащим иноверцам, в том числе к сакральным. Священные книги евреев воспринимаются как свод всевозможных пророчеств о грядущих бедствиях, причем гибельные события для самих евреев там связываются с чудесными явлениями им Божьей Матери (польск. [10. S. 91–92]). Белорусы считали опасным даже дотрагиваться до еврейских религиозных книг – кожа на руках потрескается [5. S. 292]. Однако к этим книгам прибегали во время приступов лихорадки: "От хинди жидоўским богомольем (Талмудом) мэнэ накуовали (накрывали?) (киевск., ПА, 1985). Предметы, украденные у иноверцев, считались средством для вызывания дождя (горшок, брошенный в колодец; гомельск., ПА) или для поддержания пасхального огня на погосте (укр. [14. Т. 3. С. 22]; бел. [34]).

Опасными считались и священные места иноверцев (культовые здания, кладбища). На заброшенных еврейских кладбищах не пасли скот (это грозило падежом), строения, поставленные на месте старых "чужих" кладбищ, становились опасными для жизни людей (польск. [10. S. 105–106]). Останки из захоронений иноверцев и каменная крошка, соскобленная с надписей на их надгробиях, могли служить средством вредоносной магии (польск. [35]). В то же время на территории бывшей Червоной Руси славяне-католики ходили на поклонение к могиле еврейского цадика, говоря, что "святой" хранил их "от всякой войны", "во время войны спас" и до сих пор "хранит от града" [10. S. 112–113]. На Вольни целебными считались так называемые "источники Бешта", в которых, по преданию купался Баал Шем Тов (основатель хасидизма); вода этих источников излечивала, в частности, от бесплодия [10. S. 111–112].

У всех славян счастливой приметой считался приход еврея-полазника (первого человека, приходящего в дом на Новый год, на день св. Андрея и т.д.). В Закарпатье существует легенда, связанная с этим обычаем и отражающая интересующий нас этноконфессиональный аспект: "Считается, что если еврей вошел в дом как полазник, то весь год будет хорошим, потому что он не нашей веры. Когда враги схватили Иисуса Христа, святой Петр отрезал Мальху ухо. Тогда Иисус взял ухо и, положив его позади себя, благословил иудейскую веру" [36].

В настоящей работе был представлен несколько "односторонний" взгляд на проблему этноконфессиональных контактов – а именно взгляд носителей славянской традиции. Но рассмотрение темы межэтнических и межконфессиональных связей в этнокультурном аспекте предполагает решение вопроса о взаимности этих контактов, о взаимных представлениях друг о друге. Именно при таком повороте темы ее дальнейшая разработка составит важный этап в изучении фольклорной картины мира и откроет новую страницу в диалоге культур, в решении вопроса о взаимопроникновении и взаимовлиянии традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bystrón J.S. Megalomania narodowa.* Warszawa, 1935.
2. *Mirga A. Stereotyp jako model "prawdziwego swojego" i "obcego" (próbа konstrukcji teoretycznej zjawiska stereotypu) // Prace Etnograficzne.* Kraków, 1984. Zesz. 19. S. 51–70 (там же литература).

3. *Görög-Karady V.* Ethnic stereotypes and folklore // *Folklore Processed. In Honour of Lauri Honko on his 60th Birthday.* Helsinki, 1992 (там же литература).
4. *Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии. (2). Предсказание смерти в колодце или сосуде // *Живая старина.* 1996. № 1. С. 28–29.
5. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1.
6. *Белова О.В.* Народное православие Полесья // *Живая старина.* 1994. № 3. С. 46–47.
7. Српски Етнографски Зборник. Београд, 1931. Т. 48. С. 462.
8. *Георгиева А.* Етиологични легенди в българския фолклор. София, 1990.
9. *Дикарев М.* Черногорські народні казки й анекдоти // *Етнографічний збірник* (далее – ЕЗ). Львов, 1896. Т. 2. С. 3.
10. *Cata A.* Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa, 1992.
11. Lud. Lwów.
12. *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 1 // ЕЗ. Львів, 1902.
13. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1967–1976. Т. 6. S. 297.
14. *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872.
15. *Яворский Ю.А.* Памятники галицко-русской народной словесности. Вып. 1 // *Записки Русского географического общества по отделению этнографии.* Киев, 1915. Т. 37. Вып. 1. С. 233.
16. Българска народна поезия и проза. София, 1983. Т. 7. С. 205–206.
17. Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. М., 1995. Т. 1. С. 212.
18. *Шанкарев К.А.* Сборник от български народни умотворения. София, 1968. Т. 1. С. 372.
19. *Даль В.И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1996. С. 97.
20. *Жаткович Ю.* Замітки етнографічні з Угорської Русі // ЕЗ. Львів, 1896. Т. 2. С. 35.
21. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław – Poznań, 1963. Т. 7. С. 21.
22. Труды Общества исследователей Волыни. Житомир, 1907. Т. 5. С. 11.
23. *Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов // *Этнографическое обозрение.* М., 1896. № 1. Кн. 2.
24. *Аганкина Т.А., Топорков А.Л.* Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы.* М., 1989. С. 230–253.
25. Русский демонологический словарь. Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С. 177.
26. *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа // *Украинский народ в его прошлом и настоящем.* Пг., 1916. С. 607.
27. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
28. *Иванов П.В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907. С. 195–196.
29. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995. С. 545.
30. *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Избранные труды.* Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 92 и сл.
31. *Сержпутоўскі А.* Казкі і апавяданя беларусаў Слуцкага павету. Л., 1926. С. 98.
32. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше. СПб., 1864. С. 6.
33. *Толстая С.М.* Магия против смерти // *Балканские чтения – 2. Симпозиум по структуре текста.* М., 1992. С. 53.
34. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. С. 456.
35. *Fischer A.* Zwyczaj pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921. S. 218.
36. *Богатырев П.Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 220.

© 1997 г. СТЕМКОВСКАЯ Ю.Е.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ РОДНОГО ЯЗЫКА (на материале чешских словарей XIV–XX вв.)

В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.

(Иоанн. Гл. 1, 1)

... человек выступает перед нами как текст или, лучше, как слово – элементарная составляющая текста. Эго – его структура – оказывается смысловой: лингвистической.

В.В. Налимов "Спонтанность сознания"

Стереотипы и стереотипные представления сопровождают человека в течение всей его жизни: они отражают различные сценарии жизни человека, ее этапы (*не родись красивый, а родись счастливый; посадить дерево, родить сына, построить дом; жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно...; работа – дом, работа – дом; украл, выпил – в тюрьму и т.д.; дети – цветы жизни; достойная старость; героическая смерть и т.д.*), определяют ситуативное поведение (*работать в поте лица, беречь как зеницу ока, играть как кошка с мышкой, дать себе волю, играть ва-банк и т.п.*), а также морально-нравственные установки. Последние формируют как положительные (уважительное отношение к другим людям, почитание родителей, терпимость к инакомыслящим и недругам и др.), так и негативные (убийство, воровство, супружеская неверность, ложное свидетельство, злословие и др.), осуждаемые обществом модели поведения человека, заложенные в его природе и потому повторяющиеся, по сути, стереотипно, на протяжении всей истории человечества¹. Стереотипы являются одним из способов декларации нравственных законов общества (*возлюби ближнего как самого себя; почитай отца твоего и мать твою; любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас; не убей, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй; не судите, да не судимы будете*

Стемковская Юлия Евгеньевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Противоречие двух тезисов оказывается, на самом деле, только кажущимся, поскольку взаимоотношение морально-нравственных установок и словесных стереотипов, определяющих поведение, является динамичным, и свобода поведения человека всегда ограничена стереотипом слова.

и др.), средством воспитания и адаптации индивидуума к условиям культурной среды, способствуют устойчивости социальных отношений в данном сообществе².

Стереотип может иметь разные формы языкового выражения: слова в своих прямых (*учитель, интеллигент, сумасброд, алкоголик, добряк* и др.) и метафорических (*клоун, барин, свинья, жаба* и др.) значениях, словосочетания (*немецкая аккуратность; французская галантность; новый русский*), фразеологизмы (*поплакаться в жилетку; попасть из огня да в полымя*), высказывания (*здоров как бык; все бабы дуры*), пословицы (*собака лает, ветер носит; лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою*), жестко закрепляющие в определенных звуковых комплексах смыслы, социальная ценность которых подтверждена и воспроизведена в речевом опыте многих поколений людей. Новые модели поведения, установки, цели, представления вызывают к жизни и новые стереотипы, а вместе с ними и выражающие их новые слова и значения слов, новые высказывания, как в зеркале отражающие изменения в духовной жизни человеческого сообщества: ср. положение В.В. Налимова о том, что "сам человек по своей сути оказывается языком, так же, как языком оказываются все человеческие взаимоотношения, так как через язык они раскрываются, в языке – носителе смыслов – они созревают" [2].

Если продолжить метафору зеркала (о правомерности использования которой применительно к языку см. статью В.Н. Топорова [3]), то язык – это своего рода система зеркал, в которой отражен человек: язык литературный, разговорный, диалект, фонетическая, просодическая, морфологическая, словообразовательная, синтаксическая системы языка и, конечно, лексико-семантическая система с ее частными подсистемами, отображающими стереотипные признаки, качества, свойства, действия человека. Система имен существительных со значением лица – одно из таких зеркал; в нем можно увидеть физическую, нравственную и социальную физиономию человека. И, если исходить из предпосылки, что каждый язык отражает как универсальные, так и национально-специфические понятия и представления³, то логично предположить, что *стереотип человека*, выраженный системой личных имен конкретного языка, может включать в себя как универсальные, так и релевантные только для данного этнического сообщества признаки, отражающие особый, присущий только ему "ракурс" во взгляде на человека.

Именно в таком "зеркале" системы личных имен чешского языка XIV–XX вв., которую мы рассматриваем не как список лексем, а как текст, формирующий образ, мы предполагаем рассмотреть эволюцию смысловой структуры *человека* или стереотипных представлений о нем в чешском языковом сознании⁴.

Наши наблюдения и выводы имеют предварительный характер. Это объясняется тем, что представляемый материал – фрагмент картины, воспроизводящей *образ человека*. Он получен в результате сплошной выборки букв А, В, С, Ы из "Древнечешского словаря" Я. Гебауэра [6], "Малого древнечешского словаря" Я. Белича, А. Калиша, К. Кучеры [7], "Чешско-немецкого словаря" Й. Юнгмана [8], "Словаря литературного чешского языка" [9]. Дальнейшие исследования могут дополнить и

² Ср. определение понятия стереотип в физиологии: "динамический стереотип – форма целостной деятельности больших полушарий головного мозга высших животных и человека, выражающаяся в фиксированном (стереотипном) порядке осуществляемых или условнорефлекторных действий; имеет важное значение для приспособления организма к условиям окружающей среды" [1] (выделено нами. – Ю.С.).

³ Ср.: "Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее ... Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа..." [4].

⁴ Ср.: "Во мне, составляя часть моего внутреннего мира, существует образ *человека*. Видеть человека, видеть его каким он есть на самом деле, по-человечески, означает: подвергнуть этот образ *человека*, интегрированный в моем мыслительном мире (non univers mental), обработке, которая сделает из него эквивалент образа, существующего вне меня" [5].

внести коррективы в этот достаточно яркий и интересный с лингвистической точки зрения образ⁵.

Исторические словари фиксируют лексику памятников чешской письменности XIV–XVI вв., многие из которых являлись образцовыми произведениями в плане литературной нормы, выполняли функцию кодификации лексической, грамматической, синтаксической и стилистической нормы чешского литературного языка, сложившегося к началу XIV в. и достигшего своего расцвета в XVI в. Этот язык, как отмечают исследователи, отличался стабильностью грамматической структуры, богатством выразительных средств, стилистической дифференцированностью и жанровым разнообразием написанной на нем литературы. К сожалению, названные словари не в полном объеме представляют лексический фонд древнечешского языка. О заданности ограничений в представлении материала в "Малом древнечешском словаре" свидетельствует само название словаря. В словаре Я. Гебауэра учитывалась по-преимуществу лексика художественной литературы в ущерб литературе специального (правовой, медицинской и т.д.) и делового (официальные бумаги, документы) характера. Не всегда последовательным, по свидетельству З. Тыла, является и хронологический отбор памятников, равномерность представления в словаре отдельных временных этапов указанного исторического периода [10]. В словаре учтены все известные Я. Гебауэру памятники до первой половины XIV в., почти все памятники конца XIV в. и все наиболее важные источники XV в., а также начала XVI в. Впоследствии ученики Я. Гебауэра продолжили работу над словарем, расширили временные границы используемой литературы и в издании словаря 1970 г. уже учтена лексика важнейших памятников XVI в. – Bible bratská (Kralická) šestidílná (1579–1593), Velešlavínův Kalendář historický (1578).

Словарь Й. Юнгмана отражает иной этап истории чешского языка – воссоздание литературного языка (после прерванной почти на двести лет языковой традиции) на основе высокообразованного, нормализованного языка 2-й половины XVI – начала XVII вв., а также создание и внедрение в языковую практику новых слов, отвечающих коммуникативным потребностям чешского общества конца XVIII – начала XIX в. [11]. Это одновременно и исторический словарь (так как он опирается на лексику древнечешских памятников), и словарь неологизмов, включающий, с одной стороны, новые заимствования из других славянских языков (словацкого, польского, русского, сербохорватского), а также новые слова, созданные на базе чешского языка по законам чешского словообразования. Словарь, таким образом, не является адекватным отражением языкового узуса, но несмотря на это остается значительным документом чешского языка эпохи возрождения, трудом, заложившим лексическую основу нового литературного чешского языка, важнейшим этапом его кодификации.

"Словарь литературного чешского языка" отражает современный период развития языка и современный уровень развития лексикографической практики. Он представляет словарный состав, относящийся к литературной норме чешского языка с учетом его синхронной динамики. В словаре представлены стилистические варианты, функционирующие в различных коммуникативных сферах литературного языка: бытового, делового и официального общения, в художественной, публицистической и специальной литературе. Вместе с тем словарь не ограничивается только литературной нормой, включает слова устаревшие, диалектные, нелитературные, сленг и аргю.

В процессе работы при изучении лексических систем трех исторических периодов развития чешского литературного языка: древнего (XIV–XVI вв.), эпохи националь-

⁵ В данном случае мы рассматриваем образ *чаловека*, отраженный в нескольких 'зеркалаx', каждое из которых *искажает* этот образ по-своему. Искажения в 'зеркале' языка связаны с возможностями человеческого мышления и сознания отражать объективную действительность. Искажения в 'зеркалаx' словарей – с лексикографической базой словарей (которая является неодинаковой для словарей, фиксирующих лексику разных исторических периодов развития языка), теоретическими концепциями составителей словарей, в соответствии с которыми происходит формирование словников, уровнем лексикографической практики, другими факторами.

ного возрождения (начало XIX в.), современного (середина XX в.), выстраивались самостоятельные семантические классификации на основе принципа привативной оппозиции. На первом уровне анализа были разделены слова, характеризующие человека как живое существо, и слова, отражающие положение человека в обществе. В данной статье будет рассмотрен первый из названных фрагментов системы, а именно разряд "Человек как живое существо".

В силу того, что во взаимоотношения внутри данного разряда вступают не слова целиком, а слова в своих отдельных лексических значениях (мы приводим дословный перевод их толкований в словарях), многие из рассмотренных многозначных слов со значением "лица" вошли в оба названных разряда – "Человек как живое существо" и "Положение человека в обществе". Внутри каждого из них различные лексико-семантические варианты многозначного слова могут встречаться в различных рубриках семантической классификации. Многие слова переходят также из одного временного пласта лексики в другой, не изменяя или изменяя частично свои лексические значения. Стилистические пометы, указывающие ограничения употребления слов в языке, не приводятся. Основу классифицируемого материала составляют имена существительные, называющие лицо мужского пола.

В количественном отношении однозначные слова и лексико-семантические варианты многозначных слов, сформировавшие разряд "Человек как живое существо" составили для: древнечешского периода – корпус из 40 единиц; возрожденческого периода – корпус из 217 единиц; современного периода – корпус из 276 единиц.

В процессе разбиений единого массива слов (в рамках каждого из указанных временных периодов) было выделено десять лексико-семантических классов, общих для всех временных пластов лексики. Они включают характеристику человека по следующим параметрам: 1) общая характеристика (видовая, типовая, философско-религиозная и проч.); 2) возрастная; 3) тембр голоса и особенности речи; 4) внешность; 5) состояние здоровья, уровень личной гигиены; 6) физическое возможности или физическое состояние; 7) интеллект; 8) темперамент; 9) черты характера; 10) поведение. Было выделено также четыре лексико-семантических класса, релевантных для одного или двух названных временных периодов. Человек в них характеризуется с точки зрения: 1) календарного времени рождения; 2) потребностей, пристрастий или их отсутствия; 3) субъективного восприятия другими лицами; 4) комплексного восприятия личности⁶. Семантическая структура каждого из названных классов не элементарна и включает в себя определенное количество переменных – лексико-семантических групп, число и лексическое наполнение которых варьируется в зависимости от хронологического среза рассматриваемой лексики⁷.

Кто любит наставление, тот любит знание;
а кто ненавидит обличение, тот невежда.

(Книга Притчей Соломоновых. Гл. 12, 1)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

(Русская пословица)

Итак, образ человека, воспроизводимый системой личных имен древнечешского языка (в рамках нашего корпуса примеров) характеризуется следующими чертами: человек (*člověk*), двуполый (*cvikěř* 'гермафродит'), возраст недифференцирован – ребенок или подросток (*čad, čád* 'мальчик, подросток, юноша' – другие возрастные

⁶ В этот лексико-семантический класс включены имена существительные, называющие человека одновременно по ряду присущих ему свойств или качеств. Например: *bandur* 'толстый, неуклюжий человек' [9], *bukač* 'толстый, спесивый человек' [9], *bařtipán* 'зажиточный и самодовольный человек; толстяк; спесивец, гордец' [9], *barbar* 'дикий, необразованный, иногда и жестокий, немилосердный человек' [8] и др.

⁷ Более подробно данный материал рассматривается в [12].

группы в нашем корпусе примеров не представлены), говорящий нечленораздельно (*bebtavec* 'заика, бормотун' и др.⁸), толстый (*břucháč* 'брюхач'), светловолосый (*bronec* 'блондин, альбинос'), длиннородый (*bradůš*), безногий (*beznoha*), безрукий (*bezručec*), беззубый (*bezzubec*), с длинным, как у аиста, носом (*čaponosec*), босой (*bosák*), большой – одержимый дьяволом (*běsovník*), бесплодный (*bezdětek*), с плохим зрением (*blíkač*), неумеренный в еде (*břichoplůče* 'обжора'), глупый (*blázen*), вспыльчивого темперамента (*hujník*), болтливый (*hebtá*), бессовестный (*bezdušec*), не имеющий ничего святого (*antikfist*), бродяга (*běhún*), растяпа (*čurídlo*).

В этом образе, за редким исключением, отражены черты внешнего облика и поведения человека, имеющие определенные (оцениваемые, как правило, негативно) отклонения от нормы. Норма для человека – иметь две руки и ноги (здесь – *bezručec*, *beznoha*), иметь нос нормального (среднего) размера (здесь – *čaponosec*), говорить так, чтобы тебя понимали, т.е. членораздельно (здесь – *bebtavec*), иметь детей (здесь – *bezdětek*), потреблять пищу в умеренных количествах (здесь – *břichoplůče*) и т.п. Внутренний мир человека этот образ отражает в минимальной степени.

Иначе образ человека отражен в лексике эпохи возрождения. Наш материал показывает, что изменились акценты в отношении общества к личности. Возрос интерес к ее духовному миру, душевным качествам и закономерностям их проявления в характере и поведении человека. Становится важным не только зафиксировать в номинации то или иное внешнее или внутреннее качество или свойство личности, но и отразить в слове понимание истока или причины этих качеств и свойств, выразить отношение общества к ним, а также обобщить в единой номинации психологический опыт общения – создать в слове типичный образ человека, чей внешний облик, умственные качества, свойства характера, манера поведения и т.д., имеют внутреннюю логическую связь.

В языке этого периода отражено религиозно-философское представление о человеке (*bohočlowěk*⁹); возрастные этапы представлены детским (*bžuně, čad*) и пожилым возрастом (*čáda* 'впавший в детство пожилой человек'), причем имена, называющие ребенка, являются не просто номинацией, констатирующей факт принадлежности к данной возрастной группе, но несут информацию об отличительных чертах поведения ребенка, его окружения, типичных именно для этого возрастного периода: *bžuně* < *bžučeti* 'мурлыкать, жужжать', *cucák* < *cucati* 'сосать молоко из материнской груди', *habenec* < *bába* 'женщина, бабушка' – слово, которое дети начинают произносить одним из первых, *bosý* (субстантивир. прил.) < *bosý* 'босой'.

Речь человека может быть нечленораздельной (*cupla* 'тот, у которого заплетается язык'), излишне эмоциональной (*buchač* 'крикун'). Во внешнем облике (воспроизводимом в языке рассматриваемого периода более детально, чем в древнечешском) отмечается: а) рост – как очень низкий (*cwrk* 'человек низкого роста' < *cwrk* 'сверчок'), так и слишком высокий (*čahán* 'верзила'); б) комплекция – тучная (прежде всего, это полный и очень полный человек, названия которого разнообразны – в наших материалах отмечено одиннадцать лексем с общей семантикой 'толстяк': *bacháč* 'толстяк', *bachoráč*, *bachráč* 'пузатый человек', *bžoch* 'чрезвычайно толстый человек' и др.), стройная (отмечено только существительное *cifrowanec* 'стройный человек'); в) цвет кожи, волос, зубов – светлый (*běláč* 'альбинос', *belauš* 'тот, который является белым', *bělohlavek* 'белоголовый человек', *bělozub* 'белозубый человек', отмечен также белый негр – *blafard*), темный (*černowaus*

⁸ Рамки статьи не позволяют приводить лексический материал в полном объеме. Здесь и в дальнейшем иллюстративный материал ограничен минимальным количеством примеров.

⁹ В статье сохраняется графическая система, используемая Й. Юнгманом в "Чешско-немецком словаре". Согласно данной системе буква w соответствует букве v современного алфавита, g = j, ě = e, j = í и т.д.

‘чернобородый человек’, *černauš* ‘черный, темный человек’); г) отсутствие бороды (*bezbradec*), наличие длинной бороды (*bradáč*), наличие бакенбардов (*balausáč*); д) отсутствие рук (*bezručec*), глаз (*bezočec*), длина ног (*čáp < čáp* ‘аист’); е) в одежде отмечается наличие (*botář* ‘тот, кто ходит в сапогах’) и отсутствие одного из предметов туалета (*bezkalhotka* ‘тот, кто ходит без брюк’, *bosochod* ‘тот, кто ходит босиком’), ее цвет (*černec* ‘тот, кто носит черную одежду’), длина (*cund’ák* ‘мужчина в волочащемся по земле платье’), опрятность (*cundra* ‘человек в грязной одежде, рубище’ < *cundra* ‘грязная одежда, тряпки’); ж) общее эстетическое впечатление, получаемое от внешности человека (*cumploch* ‘лохматый, грязный человек’).

Для состояния здоровья актуальными являются такие недуги как неспособность иметь детей (*bezdjtek*), дефекты органов зрения (*breyl* ‘очкарик’), психические заболевания (*blazen* ‘сумасшедший’, *běsnjk* ‘человек, одержимый дьяволом’), заболевания опорно-двигательного аппарата (*belhác* ‘хромой’), пораженность блохами (*blechanda* ‘тот, у кого много блох’). Важным является и физическое состояние человека (*cepák* ‘3. сильный парень’ < *cepák* ‘1. молотильщик’)¹⁰.

Представленные в нашем материале потребности человека не ограничиваются примитивным (хотя и разнообразно выраженным) обжорством (*bachornjk* ‘слуга желудка’, *bezednjk* ‘ненасытный обжора’ < *bezedný* ‘бездонный’, *břichopas* ‘обжора’ < *břicho* + *pásti* ‘пузо + пасти’, *břichosluha* ‘обжора’ < *břicho* + *sluha* ‘пузо + слуга’). Его гастрономические пристрастия становятся более разнообразными: *babář* ‘любитель кулича, кекса’ < *bábovka* ‘кулич, баба, кекс’, *bandorák* ‘любитель картофеля’, *beranogedec* ‘любитель баранины’, *bibát* ‘пьяница’, *čtwerák* ‘тот, кто пьет четыре напитка: вино, пиво, воду и водку’. Отмечаются также и иные пристрастия (*čmuchař* ‘бабник, юбочник’ < *čmuchať* ‘нюхать’).

Лексико-семантический класс слов, характеризующий человека по интеллектуальному признаку, отличается богатой синонимикой, отражающей, как и в древнечешском языке, человеческую глупость. Однако в языке данного периода появляются указания на различные степени этого состояния, а также его причины и признаки. Последние становятся очевидными при анализе семантики мотивирующих основ имен со значением лица. Ср.: *arciblazen* ‘самый большой дурак’ (досл. ‘архидурак’), *bezrozumec* ‘дурак’ (< *bezrozumný* ‘не имеющий разума’), *bezumný* (субстантивир. прил.) (< *bezumný* ‘не имеющий ума’), *bezmyslnjk* ‘дурак, глупец’, (< *bezmyslný* ‘бессмысленный’), *blb* ‘идиот, болван’ (< *blbý* ‘слабоумный’), *blaud* ‘болван, глупец’ (< *blouditi* ‘1. блуждать, 2. ошибаться, заблуждаться’), *cep* ‘глупец’ (< *cep* ‘1. молот, 2. деревянный молот, колотушка дурака’), *cucák* ‘простофиля’ (< *cucat* ‘сосать молоко’), *čketa* ‘глупец, дурак’ (< *čketa* ‘дикое животное’). Причины глупости человека, названного немотивированными в чешском языке наименованиями *blazen*, *blázn*, Й. Юнгман разъясняет в словарной статье, толкующей значение данных вариантов: “В Библии *blazen* означает того, кто не имеет истинной мудрости, не заботится ни о Боге, ни о ближнем, ни о своей душе, слывет безбожником” [8]¹¹.

Актуальными остаются наименования человека, характеризующегося неуравновешенным темпераментом (*buřič* ‘беспокойный человек’, *buřiwog* ‘неугомонный, горячий человек’ и др.), появились также слова, отмечающие в темпераменте человека такое качество, как подвижность (*bzec* ‘непоседа’, *čipera* ‘шустрый, бойкий человек’).

¹⁰ В толкованиях слов цифрами (1., 2., 3. и т.д.) маркируется порядковый номер лексического значения слова, принятый в соответствующем словаре.

¹¹ Ср. также: “*blazen* – старочеш. по-происхождению *blázn*, отсюда *bláznivý*, *blázniti*, старочеш. также *bláznový* (...) Праслав. старослав *blaznъ*; происхождение неясно” [13]; Старослав. БЛАЗНЪ ‘соблазн, искушение’ [14]. Вероятно, глупость человека, названного *blazen*, *blázn*, заключается в том, что он поддавался искушению.

Гораздо более подробно, детально раскрываются важные для носителей языка особенности характера человека. Для него типичны: чувствительность (*citliwústkář*), бесхитрость (*bezelstnjk*) и, напротив, – хитрость (*adwokát* ‘2. хитрый человек, который с легкостью говорит о предмете, как за, так и против него’ < *adwokát* ‘1. адвокат’; *swik* ‘2. хитрец’ < *swik* ‘1. натренированный человек’); контактность, разговорчивость (оцененная негативно как ‘болтливость’ – *blaznomluwec* ‘болтун’, *blekotnjk* ‘болтун, пустослов’), жестокость (*arab* ‘2. тиран, изверг’, *arcizlosyn* ‘злодей’), завистливость (*Benešek*), злость (*bazilišek* ‘злой человек, способный “убить” взглядом’ < *Bazilišek* ‘Василиск’ – “зооморфное мифологическое существо, убивающее взглядом или дыханием” [15]), грубость (*cepák* ‘грубиян’), сварливость (*bublaun* ‘ворчун, брюзга’), доброта (*člowěkolibec* ‘альтруист’); склонность к безделью (*arlekýn* ‘ветреник, ветрогон’, *bezpečnjk* ‘беспечный человек’, *časomorce* ‘тот, кто попусту теряет время’, *čuhák* ‘зевака’), халтуре (*břidil* ‘халтурщик’), постоянной деятельности (*činnjk* ‘деятель’); жадность (*bzd’ och* ‘скупец’), щедрость (*ctitel* ‘щедрый человек’).

Нравственная сущность человека представлена оппозицией качеств ‘святой человек (*blahoslawenec*): грешник (*arcihřjšnjk*)’ и раскрывается не только через понятия стыда и совести (*bezčelnjk* ‘бесстыдник’, *bezčestnjk* ‘бесчестный человек’, *blaholibec* ‘порядочный человек, тот, кто любит добро, честь’), но и через такие понятия как лицемерие, неискренность (*andjlek* ‘лицемер, фарисей’ < *anděl* ‘ангел’; *arcipokrytec* ‘архилицемер, архиподлец’), склонность к интригам, сплетням (*bagkař* ‘интриган’ и др.), подлости (*arcipadauch* ‘архиподлец’, *bestiák* ‘подлец, скотина’ и др.), лжи (*arcipodwodnjk* ‘главный обманщик’), бескорыстию (*bezemzdnjk* ‘неподкупный человек’).

Волевые качества человека характеризуются именами с общим значением ‘трус’ (*bázliwec* ‘боязливый человек’, *bogák* ‘трус’ и др.).

П о в е д е н и е человека характеризуют такие черты как: особенности стиля жизни – бродяжничество (*běhaun*), паразитическое существование (*cizopásek* ‘паразит, прихлебатель’); жесты в отношении других людей – склонность к шуткам и розыгрышам (*čtwerák* ‘шалун, озорник’); уровень культуры – ‘невежа’ (*arcinezdwořák*); а также особенности координации движений (*brkač* ‘тот, кто спотыкается’) и работы органов и систем организма (*bliwoř* ‘1. тот, кого часто рвет’).

С у б ъ е к т и в н о е о т н о ш е н и е говорящего к личности может быть связано с: симпатией и любовью (*bažatko* ‘любимчик’), сочувствием (*bjdák* ‘бедняжка’), пренебрежением (*cucák* ‘2. ребенок’ < *cucák* ‘1. тот, кто сосет, ребенок у материнской груди’), активным неприятием (*břidal* ‘противный человек’).

Комплексная характеристика личности представлена существительными, содержащими в своей семантике пейоративную оценку качеств, точнее, пороков называемой личности: поведение и характер (*barbar* ‘дикий, необузданный, жестокий человек’, *cikán* ‘бродяга, гадалыщик, лгун и мошенник’ и др.), интеллект и поведение (*balwan* ‘глупец, увалень, недотепа’ и др.), характер и интеллект (*bliwoř* ‘2. мерзкий, безнравственный, порочный человек, дурак, болван’), внешность, характер и поведение (*bzd’ och* ‘противный, малоподвижный, безнравственный, смердящий коротышка’). Во всех названных случаях выступают не прямые, а метафорические значения слов, отождествляющие называемую личность с: определенным, осуждаемым обществом классом людей (*barbar*, *cikán*); шокирующим общественный вкус поведением (*bliwoř*, *bzd’ och*); предметом (*balwan*).

Образ человека в языке современного периода по сравнению с языком предшествующего периода, судя по нашим материалам, не претерпел существенных изменений – по прежнему важны такие общие параметры как внешность, здоровье, физические силы, потребности, интеллектуальный потенциал, темперамент, характер, поведение

и т.д. Перестройки количественного и качественного характера проходят, однако, внутри уже сформированных в предшествующие периоды развития языка лексических классах и группах слов. Рассмотрим результаты этих процессов подробнее.

Общая (видовая, типовая, философско-религиозная и т.д.) характеристика человека представлена наименованиями, маркирующими его принадлежность к определенным классам в различных понятийных системах и классификациях: человек как биологический вид (*člověk*), философско-религиозное представление о человеке (*bohočlověk*), тип древнейшего человека (*cromagnonec*), типы людей, имеющих определенные (психические, физиологические и др.) отклонения от нормы (*buzerant* 'гомосексуалист', *cvikěř* 'гермафродит').

Характеристика человека по возрастным особенностям в нашем корпусе примеров представлена наименованиями: а) маленьких детей – внутренняя структура этих слов фиксирует особенности поведения или внешнего вида ребенка (посредством прямого или метафорического словообразования): *batole* (< *batolit se* 'ходить неуверенным шагом'), *bobek* (< *bobek* 'маленькая круглая вещь'), *boubelátko* (< *boubelátý* 'кругленький, пухленький'), *brouk, brouček* (< *brouk, brouček* '1. жук, жучок'), *capart, capartě* (< *capart* 'маленький, незначительный кусок, часть, что-либо незначительно малое'), *červíček* (< *červíček* 'червячок'), *červík* (< *červík* 'червячок'); б) людей зрелого возраста – *čtyřicetník* 'сорокалетний человек или в возрасте от сорока до пятидесяти'.

Речь характеризуется как нечленораздельная (*brepta* 'тот, кто тараторит, лопочет, много и бессмысленно говорит') или членораздельная, но эмоциональная (*bafal* 'тот, кто говорит зло, нервно, твякает'), появляется также указание на тембр голоса (*basista* 'мужчина с глубоким низким голосом').

Во внешнем облике внимание привлекает: а) рост – низкий (*cvok* 'человек маленького роста' < *cvok* 'короткий гвоздик с широкой круглой шляпкой') или высокий (*čahoun* 'верзила'); б) комплекция, по-прежнему, тучная (*baculač* 'толстяк', *břicháč* 'толстяк, пузан', *bucek* 'толстый, пухлый человек' и др.); в) цвет – волос, бороды, усов, как светлый, так и темный (*bělohlavek* 'блондин', *bělovous* 'мужчина с белой бородой и усами', *černovlásek* 'брюнет', *černovousáč* 'человек с черной бородой и усами', *černoušek* 'черноволосый человек' и др.), бледность кожи (*bledáček* 'бледный человек'); г) наличие волос (*bradáč* 'бородач'); д) отсутствие органов и частей тела (*bezručka* 'безрукий человек', *bezzubec* 'беззубый человек'); е) в группе слов, характеризующей внешность человека в связи с одеждой, которую он носит или не носит, произошли изменения. В нашем корпусе примеров отмечено только слово *bosák* 'тот, кто ходит босиком'. Другие наименования, называющие человека по типу его одежды, отражают не столько личностные качества человека, сколько его социальную функцию, статус, систему взглядов (ср. *bezkalhotník* 'санкюлот' < *bez* + *kalhoty* 'брюки', *černokabátník* 'священник' < *černý* + *kabát* 'черный + пальто', *černokošiláč* 'фашист, чернорубашечник'); ж) эстетическое впечатление от внешнего облика человека является негативным (*cumploch* 'неряшливый, грязный человек').

Характеристика человека по состоянию его здоровья значительно расширена за счет медицинских терминов, а также нетерминологических наименований, называющих: больного по типу его заболевания (*apoplektik* 'больной апоплексией', *astenik* 'астеник', *astigmatik* 'человек, больной астигматизмом', *astmatik* 'астматик', *barvoslepec* 'дальтоник' *bacilonoš* 'бациллоноситель' и др., *blázen* 'сумасшедший', *cukrář* 'диабетик', *cukrovkář* 'диабетик', *cvok* '2. псих, ненормальный, помешанный', *brejlatec* 'очкарик', *brejlovec* '2. очкарик' < *brejlovec* '1. очковая кобра'), здорового человека, симулирующего заболевание (*aggravant* 'симулянт'). Существительное *běsník* (древнечеш. *běsovník*) 'бесноватый, одержимый дьяволом' вышло из употребления в современном чешском языке, что, очевидно, связано с осознанием иных причин воз-

никновения психических заболеваний у человека. Физические возможности человека представлены корреляцией "сильный : слабый" человек (*atlet* 'силач': *červík* 'слабое существо').

Произошли изменения в группе слов, называющих человека по его потребностям. Как и прежде, актуальными остаются наименования лица, связанные с пристрастием к вину (*alkoholik, bumbal* 'пьяница'), определенным видам пищи (*buchtař* '1. любитель сладких пирожков'), хотя список таких слов в нашем материале сократился по сравнению с языком возрожденческого периода – не отмечены существительные *babář, handorák, beranogjdce, beranogedec*. Не зафиксированы многочисленные в языке предшествующего периода наименования со значением 'обжора'. В данном классе слов проявилась общая тенденция, связанная с постепенным преодолением определенной односторонности во взгляде на человека. Она реализуется за счет развития оппозиционных пар к уже имеющимся в языке наименованиям, фиксирующим отдельные черты и свойства личности: так, наряду с существительными *alkhohlik, bumbal* отмечено и существительное *abstinent* 'абстинент', кроме имен с общим значением 'сибарит, гурман' (*břichopas, břichopásek, břichopasec, buchtař*) зафиксированы и *asketa* 'аскет', *beduín* 'человек с незначительными жизненными потребностями'. Из новых слов, отражающих пристрастия современного человека, отметим *cigaretář* 'курильщик'.

В классе существительных, называющих человека по интеллекту, воображению, памяти и т.д., группа имен с общим значением 'глупый человек, дурак' является самой многочисленной. В ней представлены как наименования, давно используемые в языке для передачи названного значения (*blahovec, blaznivka, blb, hloun, bloud*), так и новые слова: *božidar, božídárek* '2. глупый человек без чувства юмора' (< *božidar* '1. хлеб или другие продукты' < *boží dar* 'дар божий'), *bulík* '2. дурак' (< *bulík* '1. молодой вол'), *buvol* 'большой дурак' (< *buvol* 'буйвол'). В данный класс слов входят также наименования, отражающие опрометчивость, ограниченность мышления, сумасбродство человека (*abderita* 'ограниченный человек' < *Abdéra* 'древнегреческий город; древнее уничтожит. обозначение города. Ср. русс. город Глупов', *bezhlavec* 'безрассудный, опрометчивый человек', *blázen* 'сумасброд, чудак, безумец'), а также способность к воображению, фантазии (*blouznil* 'мечтатель, фантазер').

Тенденция к большей объективности в отображении словарем человеческой личности проявилась и в классе имен, называющих человека по его темпераменту. В современном языке представлены наименования людей не только активного, энергичного, холерического темперамента (*ašant* '2. буйный, необузданный человек', *bouřlivák* 'вспыльчивый человек'), подвижного, сангвинического темперамента (*člman* 'ловкий, шустрый человек', *člrtě* 'непоседа, озорник'), но и наименования, характеризующие людей со спокойным, пассивным, флегматичным темпераментом (*bábovka* 'малоэнергичный человек, тюфяк' < *bábovka* 'кулич, кекс', *blouta* 'копуша' < *bloutat* 'бродить; болтаться без дела').

Современный язык отличает относительная многочисленность ряда наименований, отражающих личность человека с точки зрения его характера, психического склада, волевых особенностей, более богатого в количественном и содержательном отношении, нежели в языке предшествующих периодов. Однако, если рассматривать эти качества современного человека с морально-этической точки зрения, то окажется, что значительная, если не большая их часть, так же как и прежде, характеризует отнюдь не самые сильные стороны человеческой природы – нервную слабость, болтливость, жестокость, лживость, беспринципность, лень и т.д.

Общие черты характера представлены наименованиями лиц, имеющих активный, склонный к рискованным поступкам характер (*avanturista*), пассивный, безразличный склад характера (*blaseovanec* 'равнодушный человек'), чувствительный,

нервный, пессимистичный характер (*bolestín, citlivec, citlivín, citlivústkář* 'чрезмерно чувствительный человек', *brečoun* 'плакса, рева', *bubák* '2. нервный или застенчивый человек', *černohlíd* 'пессимист').

В современном языке отражены такие свойства характера человека, как болтливость (*blafal* 'болтун, пустомеля', *breptoun* 'болтун, пустобрех', *čvaňha* 'пустобрех' и мн. др.), сварливость (*brumbal* 'брюзга', *bručidlo* 'ворчун, брюзга', *bublák* 'брюзга, нервный человек' и мн. др.), жестокость (*bezčíta* 'бессердечный человек'), злобность (*arcid'abel* '2. очень злой человек', *bestie* 'безжалостный, злой человек, изверг'), склонность к подавлению чужой воли (*autoritář* 'авторитарный человек'), но вместе с тем и доброта (*altruista* 'альтруист', *beroušek* 'мирный, добрый человек'), способность к защите ближнего (*advokát* '2. защитник', *apologeta* 'защитник'). Отношение к собственной личности может выражаться и как высокомерие (*arivista* 'высокомерный, заносчивый человек, карьерист'), и как самокритичность (*autokritik* 'самокритичный человек').

Отношение к жизни, делу, труду, проявлено, также как и в языке предшествующего периода, контрастно – "деятельный человек: бездельник, лентяй" (*budovatel* 'созидатель, творец': *blatošlap* 'лоботряс', *bulač* 'прогульщик'). Столь же противоречивые качества отмечаются и в наименованиях, отражающих отношение человека к деньгам, вещам, ресурсам – "жадный человек: расточительный человек" (*bumbrlíček* 'жадюга': *houřil* 'кутила, мот').

Нравственная сущность личности раскрывается в словаре через экспликацию таких качеств как: греховность (*bezbožník* '2. дурной человек, грешник'), лживость (*bajkař* '2. лгун', *bandita* '2. коварный, бесцеремонный лгун' и др.), беспринципность (*amoralista* 'аморальный человек', *bezpáteřník* 'беспринципный человек, приспособленец' < *bezpáteřný* '1. (о животном) беспозвоночный, 2. (о человеке) беспринципный', *byzantinec* '2. подлиза', *synik* 'циник'), подлость (*bídnák* '1. подлец, негодяй, мерзавец'), бессовестность (*bídník* '1. подлый, бессовестный человек' < *bída* 'нужда'), лицемерие (*bigodista* 'ханжа, святоша, лицемер'). Воля скована трусостью (*bázlivec* 'трус'), слабохарактерностью, малодушием (*bába* '6. баба (о мужчине)', *bačkoráč* 'неэнергичный, слабохарактерный, слабовольный человек' < *bačkora* 'тапочка'), выражается как упрямство (*beran* '2. упрямец' < *beran* 'баран', *bzdurák* 'упрямец, строптивец'), или настойчивость (*borec* '3. борец').

П о в е д е н и е человека раскрывается в словаре через экспликацию таких качеств, как: склонность к бродяжничеству (*běhoun* 'бродяга'), разгульному образу жизни (*bohem* 'человек, живущий богемной жизнью'), агрессивность по отношению к другим людям (*bašibozuk* '2. дикарь, драчун, забияка'), подражательность (*Amerikán* 'тот, кто аффективно перенимает манеры американцев'), плохие координация движений (*balvan* 'неповоротливый, неуклюжий человек') и работа органов пищеварения (*bzd'och* 'пердун'). Поведение, определяемое культурным уровнем личности, представлено оппозицией признаков "культурный человек: невежа" (*civilisovanec* 'цивилизованный человек': *analfabet* 'невежда, неуч', *balík* 'деревенщина').

С у б ъ е к т и в н о е восприятие личности окружающими, представлено, как и в языке эпохи возрождения, именами, выражающими: симпатию и любовь (*cukrouš* 'дорогуша, любимчик'), сочувствие (*borák* 'бедняга, горемыка'), пренебрежение (*červ* 'червяк, ничтожная личность'), активное неприятие (*čunák* 'ругательство в адрес человека грязного и безнравственного' < *čuně* 'свинья, чушка').

К о м п л е к с н а я характеристика личности представлена именами, как правило, негативно оценивающими ее свойства и качества: внешность и поведение (*bandur* '2. толстый, неповоротливый неуклюжий человек', *baraba* '2. оборванец, голодранец, бродяга, праздношатающийся', *čunče* '2. поросенок, человек, вымазанный сам и пачкающий все вокруг'), внешность и характер (*anděl* '2.

благородный, добрый, красивый, совершенный человек', *bukač* 'толстый, спесивый человек'), поведение и характер (*asiat* 'варвар, дикарь, тиран, жестокий человек', *bastant* 'человек, который живет и ведет себя как господин, спесивый и упрямый', *barbar* 'невежественный, грубый, жестокий тиран', *be'ár* 'бродяга, мерзавец, негодяй, подлец', *čtverák* 'подлец, негодяй, бродяга, скиталец'), темперамент и характер (*čert* 'живой, буйный, необузданный, злой человек'), интеллект и поведение (*balšan* 'глупый, неотесанный человек', *bambula* 'дурак, недотепа, неуклюжий и неловкий человек'), внешность, характер и поведение (*čuně* 'аморальный человек, грязнуля, который что-либо измазал', *baloun* 'невежественный, грубый, невзрачный, неказистый человек'), интеллект, (темперамент), поведение и характер (*babář* 'интриган, легкомысленный, боязливый человек', *bát'a* 'глупый, медлительный, добрый, неуклюжий человек'), материальное состояние и субъективная оценка (*bídák* 'бедный, нуждающийся, несчастный горемыка'), внешность, характер и материальное состояние (*bařtipán* 'толстый, зажиточный и самодовольный человек'), интеллект и материальное состояние (*buřoust* 'богатый, зажиточный, ограниченный обыватель').

В литературном языке современного периода элементами, образующими нейтральную или положительную пару соответствующим негативным наименованиям лица, а также дополняющими или детализирующим описание свойств или качеств человеческой личности, часто становятся заимствования, которые заполняют имеющиеся в языке семантические (или стилистические) лакуны (ср. *basista*, *atlet*, *abstinent*, *asketa*, *beduín*, *abderita*, *avanturista*, *autoritař*, *altruista*, *advokát*, *apologeta*, *arivista*, *autokritik*, *amoralista*, *bandita*, *bigotista*, *bohem*, *aristokrat*, *civilizovanec*, *analfabet* и др.). Вместе с тем имена "чужих" этносов (не только названия национальностей, но и другие названия инородцев), часто приобретают в чешском языке вторичные пейоративные значения. Ср.: *Amerikán* '1. человек, эмигрировавший в Америку или вернувшийся из Америки; 2. тот, кто аффективно перенимает манеры американцев' [9]; *Arab*, *Arabčan* '1. уроженец Аравии; 2. тиран, изверг' [8]; *Asiat* 'житель Азии; – *asiat* 'варвар, дикарь, тиран, жестокий человек' [9]; *Ařant* 'представитель негритянской народности, проживающей в Гане'; – *ařant* '1. негр; 2. буйный, необузданный человек' [9]; *bandur* '1. хорватский пехотинец; 2. толстый, неповоротливый, неуклюжий человек' [9]; *barbar* '1. у греков и римлян – название чужеземцев; 2. дикий, необузданный, жестокий человек' [8]; *bařibozuk* '1. неистовый воин нерегулярного турецкого войска; 2. дикарь, драчун, забияк' [9]; *be'ár* '1. житель венгерской пушты, венгерский пастух; 2. бродяга, мерзавец, негодяй, подлец' [9]; *Byzantinec* 'житель Византии'; – *byzantinec* '1. приверженец восточной культуры 2. подлиза' [9]; *Cikan*, *Ciĝan*, *Cinĝan* '1. народ, кочующий из Индостана в Малую Азию и Египет, и оттуда пришедший к нам; 2. бродяга, гадалщик, лгун и мошенник' [8].

Приведенный материал показывает, что в языке фиксируются прежде всего такие качества и свойства человека, которые выходят за рамки существующей нормы, стандарта. Эти наименования, как правило, имеют отрицательную коннотацию, поскольку часто отображают не лучшие черты человеческой натуры. Преобладание пейоративной оценки над мелиоративной в характеристике человека, а также других природных объектов, отмечается в литературе (см. [16; 17]). Причины этого явления достаточно сложны, имеют не только языковую природу и нуждаются в дальнейших исследованиях. Одно из возможных его объяснений, на наш взгляд, может быть связано не только с объективностью отражения в языке греховной человеческой природы, хотя последнее имеет место и справедливы слова: "Хвалят человека по мере разума его, а развращенный сердцем будет в презрении" (Книга Притчей Соломоновых. Гл. 12, 8), но и с дидактической сверхзадачей языка, которая проявляется в языковых стереотипах. В данном случае используется метод "от противного". Обличение, критика, являясь выражением пристрастного, требовательного, субъективного

отношения, могут играть благую роль, вызывая адресата на конфликт, сопротивление и, может быть (кто знает?), это отражение в зеркале, поставленное перед ним, послужит стимулом для творческого преобразования человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь иностранных слов. М., 1988.
2. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. С. 168.
3. *Топоров В.Н.* Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов // *Славяноведение*. 1997. № 1.
4. *Гумбольдт В. фон.* Об изучении языков или план систематической энциклопедии всех языков // *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349.
5. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 144.
6. *Gebauer J.* Slovník staročeský. Díl I. Praha, 1970.
7. *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978.
8. *Jungmann J.* Slovník česko-německý. Díl I. Praha, 1835.
9. Slovník spisovného jazyka českého. Díl I. Praha, 1960.
10. Staročeský slovník. Úvodní státi, soupis pramenů a zkratk. Praha, 1968.
11. *Grepl M.* Vývoj spisovné češtiny za obrození a jazyková teorie // *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univerzity – Roč. VII – Řada jazykovědná.* A 6. 1958.
12. *Стемковская Ю.Е.* Динамика лексической нормы лексико-семантической категории лица в чешском литературном языке XIV–XX вв. (в печати).
13. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971. S. 55.
14. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. *Р.М. Цейтлин,* *Р. Вечерки и Э. Благовой.* М., 1994. С. 91.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. *Н.И. Толстого.* Т. 1. М., 1995.
16. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. М., 1993.
17. *Вендина Т.И.* Аксиология и словообразование // *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции.* М., 1995.

© 1997 г. КЛЕПИКОВА Г.П.

К "ОБРАЗУ" ЛЯГУШКИ. РУМЫНСКИЕ НАЗВАНИЯ 'ГОЛОВАСТИКА' В "ЗЕРКАЛЕ" СЛАВЯНСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Диалектная лексика терминологического характера, связанная с номинацией явлений живой природы (например, номенклатура фауны, флоры и под.), по-видимому, представляет особый интерес для изучения языковых контактов/взаимодействий и их результатов – заимствований. С одной стороны, подобная лексика характеризуется относительно простой "семантической структурой" (= "четкой семантической очерченностью" [1]), – в силу "прозрачности" отношения *означаемое ~ означающее*, – поэтому процесс заимствования может сводиться к акту лексической субституции «своего» наименования (если оно, разумеется, существует) «чужим», с последующей его адаптацией. С другой стороны, контакт/взаимодействие в лексической сфере может совершаться и на глубинном уровне (в идеальном пространстве "внутренних форм"; далее – ВФ), и поэтому возникает конкуренция способов мотивации, лежащих в основе каждого наименования, и опосредованных соответствующими ментальными структурами, – последние же, в конечном счете, реализуют ту или иную модель мира (далее – ММ). В этом случае процесс заимствования приводит к переориентации на иные мотивационные признаки, релевантные для «чужой» ММ. Вероятно, отказ от «своего» способа мотивации означает, что предпочтение отдается ММ, имеющей более сложную организацию, которая коррелирует с соответствующим уровнем мифологизации универсума, – при том, что определенные кодовые системы (зооморфный, вегетативный и др. коды), используемые "дающим" и "берущим" достаточно близки¹.

В нашем случае речь идет о румынско-славянских схождениях в одном из фрагментов диалектной зоонимии, при этом внимание обращается на следующие аспекты.

1. Ниже рассматриваются румынские и славянские названия детеныша лягушки/жабы (=головастика). Различия между этими в и д а м и бесхвостых земноводных (=лягушачьих) фиксирует научная терминология (*Rana*, *Bufo* и др.)², носители же традиционной культуры³ (языка) не ощущают эти различия как значимые, – показательна в этом отношении картина, зафиксированная в современных славянских диалектах ОЛА: а) противопоставление (сохраняющее, по-видимому, указание на более древнее состояние) следующих наименований 'лягушки' (*Rana*) – **о б щ е с л а в**.

Клепикова Галина Петровна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ "...презумпция состоит в том, что в распознающем и интерпретирующем устройстве потребителя текста есть то, что есть и в самом тексте" [2].

² О разграничении научной (специальной) и "народной" терминологией см. [1. С. 216].

³ Об этом, применительно к текстам мифологического характера – [3].

žab-a ~ русск.(!) leg-ух-а и под. (ср.: ЭССЯ. Вып. 15. С. 56) и б) противопоставление (достаточно позднее) названий для 'жабы' (Bufo) – (частично) ю.-слав., в.-слав. žab-a ~ в.-слав. гор-ух-а и под. ~ (локальные) ю.-слав. xOrst-ač-a и под., ког-н-jač-a и под. // русск. leg-ух-а и под. (ОЛА. № 31, 32. Ср. комм. С. 128).

2. В плане изучения в з а м о д е й с т в и я языков интерес представляют скорее не (родо-)видовые (= "базовые") наименования лягушки/жабы (хотя именно они обычно фигурируют в мифопоэтических текстах), поскольку они меньше поддаются давлению иноязычной лексической системы, – примеров заимствований мало как в славянских (ср., например, словен. krOt-a < нем. Kröte – ОЛА. № 32), так и в румынских диалектах (ср. истрорум. zel'éna jába – ALR. № 733)⁴. И, напротив, часто заимствуются зоонимы, расположенные как бы на периферии в данной группе терминов, – таковы и названия 'головастика'. В румынских диалектах здесь отмечается довольно много неисконных элементов, и прежде всего славянских⁵. Вместе с тем некоторые внешние характеристики детеныша лягушки/жабы (строение туловища, верткость при движении и т.д.) оказываются при номинации релевантными и различным образом мотивируют «форму» территориальных вариантов и в румынском, и в славянских языках, что расширяет совокупные возможности для изменения мотивации (ВФ). При этом, по-видимому, используются и признаки, отсылающие также к м и ф о л о г и и лягушки/жабы, – они как бы "наследуются" молодой особью (хотя последняя и не слишком похожа на взрослое земноводное). Наконец, уже известные материалы (ALR. V. III. № 731, ОЛА. № 33)⁶, позволяют провести вполне корректное сопоставление целых н а б о р о в междиалектных синонимов, с учетом как синхронного, так и диахронического аспектов румыно-славянских контактов/взаимодействий.

3. В качестве исходной выбрана ситуация в румынском – языке-реципиенте. Славяно-румынские лингво-культурные отношения имеют длительную историю (более 1,5 тыс. лет), но в славистике исследование их, по понятным причинам, никогда не становилось приоритетным. В румынской же филологии отмечаются периоды, когда изучение славянского влияния вызывало негативную реакцию, – в нем видели угрозу романскому характеру румынского языка, этноса, культуры (впрочем, при этом признавалось, что славянскую эпоху "следует изучать, как и остальные, потому что на нее приходится большая часть самостоятельной политической жизни румын, и она оставила после себя наибольшие следы" [5]). Но были и периоды интенсивного и заинтересованного анализа различных аспектов этих связей, – в области книжнописьменной (= "славянорумынский язык"), и в области устных контактов, на *диалектном* уровне, ср., например, период создания лингвистических атласов, которые показали истинные масштабы и формы этих контактов и славянского влияния, прежде всего на словарный состав румынского языка. Далее корпус названий 'головастика' в румынских диалектах рассматривается на общеславянском фоне, и таким образом выявляются параллели двоякого рода: А) собственно лексические заимствования из

⁴ Впрочем, в румынском, помимо broască < лат. *broscia (но с сомнением – М. – Lübke. № 1329), отмечаются также gacanel и под. < лат. *rakanus (М. – Lübke. № 7019; при gacanel < [a]racani < rac[!] + ani – Dexpl. P. 777) и старое заимствование из греческого – broatec, brotac и под. < лат. *brothācus, ср. калабр. vrōtiku – М. – Lübke. № 1331); об "исходных" греческих формах см.: Cioranescu. № 1125; Rosetti. V. II. P. 66. Об этимологии греч. βράχος (βράκος и под.) 'лягушка' < βράρον 'основание' [4].

⁵ Редко – из венгерского, например, kiřabogu (северозапад), ср. венг. диал. vizibórnú (ALR. V. III. № 731) < víz 'вода' + bogú 'теленос' (см. далее).

⁶ Они, конечно, не дают исчерпывающих наборов подобных названий, ср., например, помимо рум. lingurița и др. (ALR) также lingirița-ținei (DLR. V. VI. P. 676), lingura popii (CADE. P. 801); для многих болгарских наименований 'головастика' инославянские параллели отсутствуют, ср. родоп. пал'уенка, гушевица, пил'уатка, казанче, попова шапчица (при литер. попова лъжица) (БД. Т. V. С. 197, 199); кроме того, отмечены названия, имеющие соответствия в иных (южно)славянских языках – жапка, бабушка, главоц (глийоч) и др. Список "народных" названий животного см. и в: Геров. Т. 4. С. 6 (в ОЛА болгарский материал не картографировался).

славянского, имеющие различное распространение в говорах и различную хронологию, и Б) параллели, основанные на тождестве (госр. близости) "внутренней формы", для которых также предполагается славянский источник (о некоторых иных возможных причинах общности ВФ в славянских и румынском языках см., например, [6]).

А. Отметим представленное в румынских говорах юга и юго-востока (Мунтения, Молдова и за Прутом) наименование *moŋmolóc* (*moŋmólóg*, *moŋmolác*) (ALR, но и *moŋmolíc*, *moŋmogóc* и др. – DLR), литер. *moŋmolóc* (Dexpl. P. 569; Скурт. П. 265). Обычно указывают на его южнославянское происхождение; величина, компактность и расположение ареала как будто свидетельствует о достаточной древности данного элемента. Существенно однако (как это часто бывает с такими единицами словаря), что не может быть указан источник – точная форма, хотя обычна отсылка к серб. *mŋmoljak* 'головастик' (DLR и под.); это, однако, порождает известные трудности – необходимость объяснить рум. *moŋm-* из серб. *mŋm-* (<*mъgm=) (кстати, в сербских говорах Румынского Баната – *jmŋmol'ak* – ALR, ср. и хорв. *ža:mōrak*, в.-герцег. *žmú:rak* – ОЛА), кроме того ареалы рум. *moŋmoloc* и серб. (Воеводина) *mŋmólak*, *mŋmodo:l'ák* (ОЛА) синхронно оказываются оторванными друг от друга, еще более удален от румынского ареал макед. *mŋmolec*, *mŋm'ogec* и т.п. 'то же' (ОЛА; ср. и единичные русск. – волог., вят. *moŋmъ'šel*, *mŋmъ'šonok*; сводка близких форм, но с иными значениями – 'жучок, рачок и под.' – см. [7]; при всей близости румынской и (южно) славянских форм, обратим внимание на использование в трех ареалах различных словообразовательных моделей (серб. -'ак ~ макед. -ec ~ рум. -oc < слав. окъ ?), а также на возможность различных этимологических решений, – так, например, ЭССЯ противопоставляет, с одной стороны, *mъgmъсь/*mъgmольсь < *mъgm-(< *vъgm-) 'червячок и под.' (см. сомнения в звукоподражательном характере этимона (Т. 20. С. 251), а, с другой, – *moŋmogъсь (=архаичная редуцированная основа – из *moŋgvъ ~ лат. *formica* < *moŋmī- – Т. 19. С. 237), рефлексом которого является болг. диал. (родоп.) *мраморец* 'водный рачок, жучок' (Геров. Т. 3. С. 47, и *мамарец* и др. ср.: БД. Т. V. С. 188). Однако рум. *moŋmoloc*, с отсутствием метатезы слав. *torŋ (о регулярном отражении последней в румынском – Rosetti. V. III. P. 110), следовательно, должно рассматриваться как возникшее на румынской почве, – или в ходе различных трансформаций (ассимиляций и под.) некоей исходной славянской формы, или контаминации нескольких таких форм, или иным путем⁷. Болг. диал. *мармалок* 'то же' (Добруджа) [9] и, тем более, *мърмълук*, *мърмере* (на территории Румынии) [10] – поздние заимствования из румынских говоров⁸.

В Банате для обозначения 'головастика' отмечены названия, содержащие, как полагают, славянский корень *gqd- 'гудеть' – *gindălac* (при *gindac* 'вид насекомых', диал. 'змея' и 'мышь' – CADE. P. 548; ALR. № 745, 747, 750, 751), *gîngălac* (может быть, под влиянием *gîngălie* 'змея', 'насекомое' – DLR. V. II. P. 221); однако они не имеют прямых соответствий в славянских языках (ОЛА), и, вероятно, их следует рассматривать как собственно румынские образования (впрочем, может быть, следует иметь в виду и единичные севернославянские названия 'дождевого червя' (!) – рефлексy qd-ак-ъ и родств. (кашуб., с.-польск. *vendak*, *vq3bąk* и др. – ОЛА. № 36).

Локальным заимствованием из славянского, при этом достаточно поздним, является букв. *puhîhóc*, – вероятно, с метатезой и диссимилацией в украинской диалектной форме с корнем *golv- (например, подобной укр. букв. *puhołowitá* – ALR) и сменой словообразовательной модели – с суфф. -oc. Наконец, лексический источник

⁷ Ср. удвоение и.-е. *maŋ- в хетт. *ma(r)-maŋ-ra* 'болото', соотносится со славянским мифологическим женским именем *Матигіена* и под., ассоциирующимся с сюжетом об обращении детей Громовержца в *хтонических животных* [8].

⁸ Болг. диал. *мармарък* 'любая часть какого-либо орудия' (р-н Плевна – БЕР. Т. III. С. 671 – "неясно") может быть сопоставлено с нерассматриваемыми здесь случаями использования лексем со значением 'лягушка/жаба' в качестве *terminus technicus* [3. С. 148], о рум. *broască* 'то же' – DLR; ср.: Rosetti. V. III. P. 71 (о калькировании болг. *жабка*).

отмеченного только в ALR диал. bolot^uбс (север Молдовы), blotošél (с.-вост. Трансильвания) – возможно, в.-слав. boloto (< *bolto) + -oc(-cel) (?), т.е. мотивирующий признак в наименовании ‘головастика’ – ‘грязь, топь; болото’ и под. Хотя подобная мотивация в славянских названиях не зафиксирована (ОЛА), тем не менее связь семантических “полей” «грязь, топь(вода); болото» & «водное животное» реализуется в славянских языках в гнезде слов с корнем *žab- (ср., например, русск. жаба ~ жабые ‘топкое болото’, укр. жабур ‘водоросли’, ‘лягушачья икра’, жабарь ‘лужа, болото’ и др. (сходные примеры обнаруживаются в балтийских и германских языках [11])⁹. Ср. различные аспекты связи ‘лягушка & вода (низ), сырость, вязкая грязь и под.» в мифологических сюжетах (=зооморфный и космологический коды) [3. С. 146], [4. С. 158], (МНМ. С. 84). Таким образом, рум. bolotos и под. скорее всего – собственно румынская инновация, результат уникальной контаминации заимствованных формальных элементов и способа мотивации.

Б. Румынско-славянский параллелизм в названиях ‘детеныша лягушки’ на уровне общности ВФ установлен в следующих случаях.

В Банате и на юге Олтении отмечены linguřiță, l'ingurițe, l'ingurâș (ALR; при linguřiă ‘то же’ – CADE. P. 714, также lingura popii, linguřiță-zînei – DLR), в основе мотивацией признак «ложка (ложечка)», вероятно, по внешнему сходству. В южнославянской зоне соответствие обнаруживается только в болг. попова лъжица (лъжиче) и под. (ср. – БЕР). Предположение о направлении заимствования ВФ из славянского в румынский подтверждается и тем, что сходный признак в названиях ‘головастика’ широко известен в восточнославянских диалектах, реализуясь, по данным ОЛА, в двух разнокоренных вариантах: а) U-pol- – сев.-укр. оро'лонук, оро'лонус'а оро'лонус'ок и др. ~ центр., вост. бел. ара'лон'ик, ра'лон'ик, та'рон'ик ~ ю.-зап. русск. ра'лоjn'ик, ра'тын'ик, оро'ловn'ič'ок и под. (: ‘уполовник, большая ложка’ < русск. упол ‘накипь’ и др. – Фасмер. Т. IV. С. 164) и б) ро-vAg- – только в некоторых русских говорах: рова'гошки, рова'гощец'ка, рова'гопок и др. (: ‘поварешка, большая ложка’ < русск. вар, варить – Фасмер. Т. I. С. 273)¹⁰. О единичных случаях с использованием ВФ из сферы ‘посуда’ (ОЛА. Комм. к карте 33).

Интерес представляет локализм буџта ‘головастик’ (Банат), представляющий изолированный случай в целой балканской области; по-видимому, здесь более вероятна связь с botă (bot и др.) ‘вид пастушеской палки’ (< венг. bot ‘палка’) (кстати, название botă ‘пастушеская палка’ отмечено там же, в Банате – ALR. V. II. № 395; та же лексема, как обозначение “палкообразных” деталей в ткацком станке, зафиксирована в Банате и на севере Румынии – ALR. V. II. №№ 473, 477, 498), а не с botă ‘вид деревянного сосуда’ (DLR. V. I. P. 627). Допущение ВФ ‘палка’ кажется тем более обоснованным, если учитывать, что “фоном” для отмеченного румынского зоонима служат следующие севернославянские названия ‘головастика’: в большинстве польских говоров: ki'janka, ki'jonka (ср. и kijanka ‘палка для стирки белья, в а л е к’, подробнее – MAGP. № 288), редко то же – в зап.-белорусских говорах (ЭССЯ. Т. 13. С. 256 и сл.); иная лексическая реализация – в восточнославянских диалектах: ю.-зап. бел. 'rgan'ik, 'rgan':ik, 'grašyk, graš ~ с.-вост., центр. укр. 'graška, 'grašuk и др. (ОЛА, о русск. пральник ‘валек’ к прать ‘стирать’: Фасмер. Т. II. С. 253, 255) (ср. также данные о названиях ‘валька’ в национальных атласах – ДАБМ. № 252; АУМ. Т. I. № 177, Т. II. № 148; ДАРЯ. Т. III. № 29). Использование признака «палка-валек» в названиях ‘головастика’ объясняется, помимо прочего, и возможностью сохранения носителями традиции представлений о палке как о магическом орудии (‘палица’ ~ ‘молния’) в некоторых сюжетах, относящихся к “мифологии лягушки”. Характерно,

⁹ Ср. интересную параллель в румынских говорах – сев. bolótă (pl. bolót'ë) ‘лужа (от дождя)’ (Марамуреш – ALR. V. III. № 830) ~ bolotos ‘головастик’: broscăriți ‘сырое место’ (p-н Сучавы – ALR. V. III. № 845) ~ pui de broască ‘головастик’.

¹⁰ По-видимому, обратное влияние, на уровне мотивации, наблюдаем в terminus technicus – рум. lingu-ga (gotarului) ‘вид сверла (при изготовлении колес)’ ~ болг. диал. (p-н Констанцы) lăiță (ALR. V. III. № 569).

что среди магических трансформаций *палки* известен (как раз) и 'валек для белья' (подробнее: [3. С. 145, 140]). Из "дальних", европейских соответствий к указанной ВФ упомянем англ. *tadpole* (< toad 'голова' + poll <?>, – возможно, к лат. *palus* 'палка' – OED. V. XVII. P. 536; V. XVIII. P. 171 "toad"; V. XII. P. 16 "poll").

Локальным названием 'головастика' в румынском является и молд. *pêștiți cîniului* (ALR; ср. ю. Мунтения – Фетешть), также *rește cînesc* (DLR. V. VIII. P. 495), – собственно, 'рыба (собака)', для которого в славянских диалектах могут быть указаны единичные, более близкие или более отдаленные, параллели; практически точное соответствие – макед. *kućeška giba*, но и *ežupska giba*, *poruva giba*, ср. также в.слвц. *čigajnske girki*, укр. (лемк.) *čugaňska gírka*, а также большое число фиксаций-"метонимий", в результате чего название 'рыбы' и 'головастика' выступают как омонимы; наиболее показательны в этом отношении чешские говоры, где *pulec* (*pulc*, *špulec* и под.) употребляются в обоих значениях (ОЛА; подробнее – Machek. S. 406); в других языках подобный способ номинации редок (ср. слвц. *či:k*, *paňski sliš*, укр. *kočblyk* – ОЛА). Отметим, что та же ВФ, что в рум. *pêștiți cîniului*, отмечена и в венг. *ebihal* 'головастик' (с XVI в.; из *eb* 'собака' + *hal* 'вид рыбы, Hundfisch' – MNyTESz. K. I. L. 703; ср. слвц. – в Венгрии – *ďbixal* 'то же' – ОЛА). На наш взгляд, вероятность кальки со славянского "образца", с использованием мотивационного признака «рыба» весьма велика, вместе с тем подобные названия хорошо представлены (ОЛА) прежде всего в разных языках карпато-балканской зоны (ср., впрочем, и кашуб. *kaulkvara* – ОЛА).

Разумеется, в румынских диалектах, наряду с рассмотренными выше, известны и названия, которые являются реализацией собственных (или универсальных) способов номинации, – таковы описательное *puî de broască* (= "детеныш лягушки"), вполне самостоятельное образование *vițelar* (собственно – 'п а с т у х телят'), которое, возможно, заимствует один из мотивационных признаков, присутствующий в упоминавшемся выше венг. диал. *víziborjú* – 'водяной т е л е н о к' (ср. *borjú* 'теленки, молодое животное' – MNyTESz. K. I. L. 345); впрочем, может быть, здесь – и отголосок представлений о лягушке как п о м о щ н и ц е человека <?> (МНМ. С. 85). Характерно и отсутствие фиксаций в румынском названий, использующих такие мотивационные признаки, как '(большая) голова' (ср. фр. *têtard*)¹¹ или 'вертеть(ся)' (ср. ит. *girino* ~ *girare* 'глагол').

Проблема языковых (и этнокультурных) контактов охватывает различные исследовательские аспекты. Обычно, что вполне естественно, изучаются следствия таких контактов для "получающего" языка, а ситуация в языке "дающем" остается как бы в тени. Именно на последний аспект обращает внимание В.Н. Топоров в некоторых своих работах [12; 13]. По его мнению, двухсторонние (многосторонние) контакты/взаимодействия следует понимать как о б м е н, при котором для о б е и х сторон факт взаимодействия не проходит бесследно, – оба взаимодействующих языка оказываются в выгоде (и в этом смысле обмен эквивалентен, хотя и не паритетен). Первый язык обогащается за счет новых элементов (=новый смысл или новая форма для обозначения уже известного смысла), и таким образом "чужое" становится "своим". Но и "дающий" язык, "...ничего из своего не теряя, выигрывает для этого "своего" новое пространство экспансии" [12. С. 45]. Общая формула контакта языков и культур определяется следующим образом – "...экстенсивное» ("пространство" культуры, "место") обменивается на «интенсивное» ("новый" элемент культуры, заполняющий уступленное "место") [13. С. 70]. Такой подход позволяет в полной мере осознать значение результатов языкового взаимодействия для каждой из сторон – для языка-реципиента как очевидные, а для языка-источника – как опосредованные, "отраженные" заимствующим языком. Поэтому и представляется правомерным рассматривать контактирующие языки в качестве "системы зеркал" [13. С. 71], которые способны отразить в том или ином языке нечто существенное, иным

¹¹ Ср. единичное рум. диал. *burtăș* (= 'с большим бр ю х о м') (Зап. Трансильвания – ALR).

образом не эксплицируемое. В нашем случае таким "зеркалом" является фрагмент румынской зоонимии – как эвентуальный источник собственно славистических исследований.

Впрочем, помимо осознания важности данного аспекта проблемы, необходимо, чтобы наукой уже был накоплен соответствующий материал, и прежде всего диалектный, – достаточный по объему корпус славянских заимствований (о балто-славянской ситуации см. [12. С. 49–52]). Применительно же к (дако)румынской зоне такая база существует, она – результат создания румынского национального и региональных атласов (ALR), которые представляют на своих картах большое число славизмов, принадлежащих к различным лексическим группам; существенно при этом, что синхронная дифференциация румынского диалектного пространства осуществляется на основании пучков изоглосс, образуемых как исконными, так и заимствованными элементами (славизмами, унгаризмами и др.).

Правда, как раз последнее обстоятельство, по мнению румынских ученых (например, Э. Петровича), делает невозможной в принципе диахроническую интерпретацию изоглосс славизмов в румынском, которая была бы направлена на решение собственных задач славистики: эти изоглоссы "не могут дать нам хотя бы приблизительной картины реального состояния славянских диалектов перед ассимиляцией славян в Румынии... Конституирование современных изоглосс соответствующих славянских элементов имело место после ассимиляции славян. Эти изоглоссы являются не с л а в я н с к и м и, а р у м ы н с к и м и (разр. наша. – Г.К.), поскольку процесс их становления происходил на румынской почве. Часто ареал того или иного славянского элемента в румынском не контактирует ни с одним соответствующим ареалом на территории соседних славянских языков" [14. Р. 75–76]... "Истинные славянские изоглоссы, которые дали бы нам указание на территорию распространения различных славянских диалектов, на которых некогда говорили в Румынии, можно получить лишь на базе топонимии, созданной славянами, с этими изоглоссами славянских топонимов не совпадают изоглоссы славянских элементов румынского языка" [14. Р. 77–78], – то есть *апеллативов*. Именно в невозможности установить корреляцию между современной ареалогической ситуацией (=изоглоссы славизмов в ALR) и некоторыми предшествующими стадиями "иррадиации", "экспансии" этих элементов румынские лингвисты видели препятствие для своего участия в работе над ОЛА (поскольку предполагалось выявленные, на основании Вопросника ОЛА, славянские заимствования в румынском далее, "на равных", сопоставлять с фактами собственно славянских диалектов). Э. Петрович в этой связи писал: "...Румынские (и вообще неславянские) данные могли бы создать на картах ОЛА поистине и н о р о д н ы е части и исказить (разр. наша – Г.К.) представление о распространении на территории Румынии различных славянских лингвистических явлений" [14. Р. 78]¹². Заметим, что подобные опасения являются, в известной мере, обоснованными, – диахроническая интерпретация славизмов в румынском, действительно, сложная задача. Так, многие старые лексические славизмы, датируемые "общерумынской" эпохой (не позднее XII в.), ныне известны во всех говорах (или в большей их части), хотя очевидно, что заимствование осуществилось в период, когда древние румыны (=потомки романизованного населения Дакии и Мезии), до своего расселения, жили на достаточно ограниченной территории (равнинные и гористые местности вдоль Дуная), испытывая при этом постоянное давление варварских племен, мигрировавших с севера, через Карпаты (Rosetti. V. II. Р. 31 и сл.; V. III. Р. 27 и сл.). Более поздние заимствования обычно характеризуются сравнительно небольшими ареалами, примыкающими к территории бытования того или иного славянского языка. Таким образом, динамика ареалов (их изменения) на протяжении веков могла быть значительной, и поэтому древние ареальные ситуа-

¹² Близка к изложенной и точка зрения П. Кирая относительно обследования в ОЛА в е н г е р с к и х говоров [15].

ции восстанавливаются с трудом, оставаясь в определенной степени гипотетическими.

Критические замечания в связи с позицией Э. Петровича и др. еще в 60-е годы высказал С.Б. Бернштейн [16], но они не были услышаны (впрочем, тогда не были явно эксплицированы и мотивы, которые могли стоять за той или иной точкой зрения, – а именно различия в оценке хронологии ассимиляции славянского населения Румынии¹³). Однако ныне также кажется спорным отрицание румынскими лингвистами значения данных румынских диалектов (resp. лингвогеографии) для славистики, то есть возможность последних *быть "зеркалом"*, достаточно адекватно отражающим определенные фрагменты истории славянских языков.

Между тем пересмотру указанной точки зрения румынских ученых могут способствовать успехи самой славянской диалектологии: современный этап ее развития характеризуется созданием большого числа атласов, не только национальных и региональных, но и полилингвальных, описывающих как генетически гомогенные диалектные континуумы (ОЛА), так и генетически гетерогенные (ОКДА, ЛАЕ). Подобные макроатласы позволяют предложить новые, системные интерпретации соотношений изоглосс в языке-источнике (славянские) и языке-реципиенте (румынский), выявить диахроническое значение отдельных изолиний и их пучков, пересекающих границы национальных языков и формирующих на синхронном уровне полидиалектные (полиязыковые) ландшафты, а также трактовать их как "развернутую в пространстве диахронию" (Н.И. Толстой), как кодированный особым, ареалогическим, образом фрагмент истории, *общий* для славянских и румынского языков. Конечно, изучение славизмов в румынском должно исходить из того, что их первичные ареалы с течением времени преформировались – увеличивались, уменьшались, "дрейфовали" (например, в результате разрыва прямых контактов с основным массивом диалектов языка-источника, инфильтрации элементов "неисконного" происхождения или новообразований и под.), что, разумеется, затемняет историю их изучения, и тем не менее восстановление отдельных ее этапов возможно. На вопрос – сможет ли исследователь в "зеркале" рассмотренных выше румынских зоонимов увидеть нечто интересное для славистики, для истории отдельных славянских языков, – должен быть дан, по нашему мнению, утвердительный ответ.

При этом, если объективное свидетельство совершившегося контакта – изоглосса (ареал) того или иного названия – примыкает к славяноязычной территории, где зафиксировано то же название, то тем самым прямо указывается источник заимствования (и опосредованно, через величину ареала, – время заимствования), и славист учитывает этот конкретный факт, – в частности, при изучении двухсторонних отношений (ср. рум. *linguriță* и др. ~ болг. *попова лъжица*, рум. *puhiș* ~ украинские названия с корнем *golv-). Более сложной является ситуация, когда ареалы близких форм в румынском и славянских языках не образуют единства, ср. изолированное *botă*, коррелирующее с севернославянскими названиями, содержащими близкие ВФ ('палка, валец'), – альтернативой возможному славянскому источнику может быть возникновение данной мотивации на румынской почве; альтернатива допускается и для названия *peștile(cînelui)*, – с одной стороны, унифицирующее воздействие общего для диалектов карпато-балканской зоны мотивационного признака, с другой, – существует возможность независимого развития в румынском подобного обозначения 'головастика'. Для дистантных ареалов – рум. *погмолос* ~ серб. *погмол'ак* ~ макед. *погмолес* – в принципе может быть реконструирована стадия большей «континуированности» зон соответствующих «форм» и «смыслов», с помощью специальных ареалогических методов (например, метода ретроспективной экстраполяции), что позволяет сблизить эти зоны; одновременно эвентуальные славизмы (рум. *погмолос*)

¹³ Так, румынские ученые полагали и полагают, что процесс ассимиляции славян к северу от Дуная завершился к XI–XII вв., ср., например, [17], тогда как С.Б. Бернштейн (вслед за Л. Милетичем и др.) полагал, что они сохраняли свой язык гораздо дольше (до XVI в.) [18].

должны вовлекаться в поле углубленных славистических исследований, не только ареальных, но и историко-этимологических, – именно благодаря последним выясняется, что история рум. *topoloc* и под. достаточно запутанна, – даже если принимать версию о безусловно славянском источнике лексемы. Рум. *gîndălac* и под., вообще не имеющее достоверных соответствий в славянских языках, может оцениваться как возникшее на собственной почве, но из заимствованных элементов (ср. и *bolotoc* и др.), – процесс, детально описанный Э. Петровичем применительно к топонимической сфере (ср., например: *Dealul-Vîrtoapelor, Drăgoteni, Poieniță* и др. [19]).

Рассмотренная выше лексика показывает, какой непростой задачей оказывается верификация в румынском *подлинных* и установление «фантомных» славизмов.

Сказанное выше приводит к мысли, что концепт-метафора «зеркало (=язык-реципиент) ~ отражение (=язык-источник)», являясь, несомненно, продуктивным, нуждается в известной детализации. Идея "зеркала" как бы настраивает на ожидание *пассивного* ("механического") "отражения"; между тем "искажающий" (=приблизительный) характер воспроизведения отражаемого в заимствующем языке (отмеченный В.Н. Топоровым [13. С. 72]) говорит скорее об *активности* самого "зеркала" (resp. "зазеркалья") и важности движения/прохождения в н у т р ь, – где, по-видимому, и возможны изменения "объекта", и "отражение" (=обратное движение и з н у т р и) – лишь констатация такого изменения. Ср. ощущение поэтом этой подвижной (*про-ницаемой и изменяющей*) природы зеркала вообще:

"...Сумев отгородиться от людей,
я от себя хочу отгородиться,
не изгородь из тесаных жердей,
а зеркало тут больше пригодится.
...В него в л е з а ю т сумерки в окно,
край пахоты с огромными скворцами
и озеро...

Того гляди, что из озерных дыр
да и вообще – через любую лужу
сюда п о л е з е т посторонний мир
иль этот у п о л з е т наружу".

Или: "...все, что придумал Бог и продолжать устал
мозг, п р е в р а щ е н о в камень или металл.
Это – конец вещей, это – в конце пути
зеркало, чтобы в о й т и".

Также: "...Зеркало – местный стеклянный в ы х о д//вещей из тупика" [20].

С о к р а щ е н и я

АУМ – Атлас української мови. Київ, 1984. Т. 1. 1988. Т. 2. БД – Българска диалектология. София. БЕР – Български етимологичен речник. 3. София. 1986. БСИ – Балто-славянские исследования. М. Геров – Геров Н. Речник на българския език. София, 1974–1978. Т. 1–6. ДАБМ – Диялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963. ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка: М. Вып. III (в печати): МНМ – Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Лексико-словообразовательная серия. М., 1988. Вып. 1. Скурт – Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М., 1974. – Вып. 1. ALR – Atlasul lingvistic român. Serie nouă. București, 1956–1972. V. I–VIII. CADE – Candrea I., Adamescu Gh. Dicționar enciclopedic ilustrat. București, 1931. Cioranescu – Cioranescu A. Diccionario etimológico

rumano. La Laguna, 1958. V. 1. Dexpl – Dicționarul explicativ al limbii române. București, 1975. DLR – Dicționarul limbii române. București, 1913. V. I. Machek – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. MAGP – Mały atlas gwar polskich. Wrocław–Warszawa–Kraków. 1959–1970. T. I–XIII. M.-Lübke – *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1935. MNyTESz – A magyar nyelv történeti etimológiai szótára. Budapest, 1967–1976. K. 1–3. OED – The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. V. I. Rosetti – *Rosetti A.* Istoria limbii române. București, 1964. V. II, III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 216.
2. *Топоров В.Н.* Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования. М., 1981. С. 275.
3. *Судник Т.М., Цивьян Т.В.* О мифологии лягушки (балто-балканские данные) // Балто-славянские исследования. М., 1982. С. 138.
4. *Топоров В.Н.* Др.-греч. βᾶτραχος и др. // Балто-славянские исследования. М., 1981. С. 156 и сл.
5. *Bogdan I.* Insemnătatea studiilor slave pentru Români. București, 1894. P. 6–7.
6. *Клепикова Г.П.* Балкано-карпатская специфика в сфере «внутренней формы»: возможности интерпретации // Образ мира в слове и ритуале. М., 1992. С. 129.
7. *Осипова М.А.* К этимологии рус. *мормышь, мормышка* // Этимология, 1989. М. С. 164. и сл.
8. *Топоров В.Н.* К древнебалканским связям в области языка и мифологии // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 46–48.
9. Добруджа. София. 1974. С. 407.
10. *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993. С. 236, 169.
11. *Топоров В.Н.* Прусский язык (Е–Н). М., 1979. С. 125, 122.
12. *Топоров В.Н.* О балто-славянской диалектологии (несколько соображений) // *Dialectologia slavica* (Исследования по славянской диалектологии. 4). М., 1995.
13. *Топоров В.Н.* В какой мере оправдана метафора зеркала при исследовании контактов между разными языковыми и этнокультурными традициями // Славянские языки в зеркале неславянского окружения (Тезисы). М., 1996.
14. *Petrovici E.* Raportul dintre isoglosele dialectale slave și isoglosele elementelor slave ale limbii române // Studii de dialectologie și toponimie. București, 1970. P. 76.
15. *Кирай П.* Ответ на вопрос: "Что может дать для Общеславянского атласа обследование неславянских территорий...?" // Вопросы языкознания, 1962, № 4. С. 61–62.
16. *Бернштейн С.Б.* Неславянские языки в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 40, 46 и сл.
17. *Михаилэ Г.* Изучение старославянско-румынских языковых отношений на современном этапе // *Polono-slavica Varsoviensa*. Warszawa, 1992. S. 17, 19.
18. *Бернштейн С.Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948. С. 363.
19. *Petrovici E.* Români creatori de toponime "slave" // Studii de dialectologie și toponimie. București, 1970. P. 295, 301, 302.
20. *Бродский И.* Часть речи. М., 1990. С. 76, 203, 425.

© 1997 г. ЛИПАТОВ А.В.

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ. ДИАЛЕКТИКА УНИВЕРСАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО

Генезис национальных литератур был вненационален. Эта констатация парадоксальна лишь для той традиционной оптики, которую ввел романтизм и которая вот уже почти двести лет предопределяет восприятие прошлого, создавая национально идеологизированные стереотипы научного мышления.

Генезис и начальный период истории будущих национальных литератур не могли быть национальными не только потому, что в ту пору не было наций (а лишь отдельные племена), не было общенационального языка (а племенные наречия), не было национального государства (а раздробленные — и при этом также разнородные — объединения). Анахронизм национального критерия применительно к литературному процессу Средневековья обусловлен прежде всего тем, что письменность у абсолютного большинства народов Европы возникает и развивается вместе с распространением наднационального христианства и носит универсальный характер как по своим вероучительным принципам, составу памятников, церковно-институциональной соподчиненности, так и самому языку. Древнееврейский, древнегреческий и латынь, а также восходящий к кирилло-мефодиевской традиции древнеславянский¹ (церковнославянский) как языки сакральные были надэтническими функционально, при всей этничности своего генезиса². Тем самым будущие национальные литературы возникали в качестве локальных составляющих европейской литературной общности, а первыми носителями письменной культуры были прибывшие извне представители общехристианских культурных центров³. Позднее первые писатели местного происхождения продолжили традиции универсальной литературной культуры. Создаваемые ими тексты — даже те из них, которые были связаны с местной историей — оставались "внешне" (по своему жанровому облику, стилю, языку) и "внутренне" (по типу мировосприятия) частью литературной общности — более того: задумывались и осуществлялись авторами, воспринимались читателями (слушателями) как локальная часть христианского целого. Об этом

Липатов Александр Владимирович – д-р филол. наук, ведущий сотрудник Института, славяноведения и балканистики РАН.

¹ Так квалифицирует язык славянской письменности Н.И. Толстой, учитывая более широкую (нежели только церковная) сферу его функционирования. См. [1].

² Даже самый молодой из них — древнеславянский, общий и понятный для разных славянских этносов, функционировал как язык связанной с православием письменности на территориях нынешних Молдавии и Румынии, а также Литвы (здесь до XVII в. на нем составлялись также и государственные документы).

³ Славянские примеры: великоморавская миссия Кирилла и Мефодия как начало литературной общности Pax Slavica Orthodoxa, а позднее — в ее рамках — сербско-болгарской и украинско-белорусской общностей; возникшая благодаря деятельности греческого и болгарского духовенства литература Древней Руси, ставшая общим истоком украинской, белорусской и русской литератур; длительная чешско-словацкая литературная общность и последующее формирование словацкой литературы.

свидетельствует и сама циркуляция текстов внутри многонационального пространства единой литературной общности. Ее постепенная дифференциация на протяжении позднего Средневековья не была следствием этнических факторов, но отражала принципы двуединства христианских культурных кругов, квалифицированных как *Rex Latina et Rex Orthodoxa*. Иначе говоря: первоначально общая для обновляемой христианством Европы литература внутренне дифференцировалась не по этническим, а культурно-конфессиональным принципам.

Христианская цивилизация в отличие от других изначально формировалась как многокрасочная и разновариантная, опираясь на живое наследие высокоразвитых культур иудаизма, греческой и римской античности. Распространяясь в огромном геополитическом пространстве, она в разных его частях обретала разный локальный колорит благодаря соприкосновению с множеством этнических традиций. По мере вхождения в мир местных представлений и укоренения в местном этническом сознании, христианство, привнося сюда свои универсальные ценности, стимулировало формирование на их основе отдельных национальных культур.

Дифференциация самого христианства первоначально находилась в связи не столько с доктринальными факторами (что усугубится позднее), сколько с порожденными самим огромным географическим пространством нового вероучения причинами геополитического свойства, сопряженными с характером местных традиций (включая локальные особенности распространения и самоорганизации христианства), культурной преемственностью, системой правления и типом отношений Церкви с государством, что в сумме предопределяло специфические нюансы и в самом менталитете христианского Востока и Запада. Так, в ромео-греческой Византии преобладала преемственность расцветшей на этих землях греческой античности, тогда как в латинском мире — античности римской. Перенесение столицы империи в Византию Константином Великим в начале IV в., с одной стороны, и коронация Карла Великого папой Леоном III в 800 г. — с другой, тесная связь со светской властью сперва Восточной, а затем в определенной степени и Западной Церкви — все это наряду с разными универсальными языками (древнегреческий на Востоке, латынь на Западе), особенностями развития философско-теологического мышления (неоплатонизм и мистичность восточного христианства; аристотелизм и аналитичность, породившие в IX в. схоластику, в христианстве западном) предопределило внутренние различия в общей сфере христианской религиозно-культурной целостности.

Эта цивилизация, организующей основой которой в духовной сфере было христианство, а в социально-государственной — римское право, обретает геополитическую целостность и континентальную завершенность с вхождением в нее на протяжении относительно общего отрезка времени (IX—X вв.) крупнейших государственных объединений славян (Великая Моравия, Болгарское царство, Хорватия, Чехия, Польша, Древняя Русь), Швеции, Норвегии, Дании, Венгрии. Первоначально ведущим центром духовности и культуры этой Новой Европы и главным очагом преемственности традиций античности во времени возобладавшего христианства была Византия. Разрушенный варварами Рим еще пребывал в руинах. Медленно возрождаясь и создавая собственные ценности, он в то же время был обращен к византийскому Востоку — его богословию, искусству, литературе, эстетическим концепциям в сфере поэтики и риторики. И вполне закономерно, что именно тот географически близкий Византии юг Европы, чей культурный облик был сформирован античностью, ранее других воспринял христианские ценности. Отсюда они постоянно распространялись на север и запад континента. В Центральной же и Юго-Восточной Европе позднейшие непосредственные воздействия Византии встречались и соперничали с деятельностью миссионеров романо-германского мира, что имело последствия и для славянских племен⁴. К началу XI в. та значительная их часть, которая приняла христианство по латинскому обряду, уже воспринималась как очевидная

⁴ Балканы были средой обитания греко-романо-славянских этносов, земли позднейшей Австрии и Германии — этносов германо-романо-славянских.

составляющая *Pax Latina*. Об этом свидетельствует миниатюра, на которой император Оттон III, воплощая единство западнохристианского мира, изображен в аллегорическом окружении четырех его частей с надписями "Roma", "Galia", "Germania", "Clavinia". Одновременно это и свидетельство геополитической дифференциации по-прежнему — несмотря на трения между Константинополем и Римом — конфессионально единого христианского мира: все остальные этносы, включая часть славян, которые приняли христианство по восточноцерковному обряду, составляли *Pax Orthodoxa*.

Начальный этап истории древнеславянских литератур (IX—XI вв.) характеризуется формированием трех общностей. Они складываются в процессе одновременного распространения христианства и связанного с ним типа письменности и ее языка византийским Востоком и латинским Западом.

Первая общность — гетерогенная (сосуществование двух христианских обрядностей и связанных с ними письменностей). Она охватывает все славянские земли за исключением Болгарии и Руси. Вторая — гомогенная — охватывает связанные с Византией Болгарию и Русь.

Нарастание роли письменности на древнеславянском в одних, а латыни в других составляющих первую общность приведет к ее полной реинтеграции: сербский ареал со второй половины XII в. войдет во вторую (гомогенную) общность, а ареалы польский, затем хорватский, а с XI в. также чешский, словацкий и серболужицкий составят хронологически третью общность — также гомогенную, но иной — латинской — ориентации. Этот процесс завершится к XII в., когда после разделения Западной и Восточной Церквей (1054) окончательно сформировавшиеся в границах византийского и латинского кругов славянские литературные общности обретут свой облик в рамках *Pax Slavia Orthodoxa et Pax Slavia Latina*.

До XIV в. болгарская, древнерусская и сербская письменности составляли достаточно однородную относительную целостность благодаря преобладающему наличию в каждой из них общих для них всех памятников на общем для них всех языке [1]. В общих чертах подобная картина и в *Pax Slavia Latina*. Однако особые последствия для каждой из этих общностей имел ее литературный язык.

Миссия Кирилла и Мефодия не только ввела значительную часть славян в культурный контекст Новой Европы, но и возвысила их язык до ранга высших ценностей, придав ему, наряду с древнегреческим и латынью, литургические функции. Только во времена Реформации многие языки европейских народов латинского круга обретут аналогичные права. Ренессанс же в процессе секуляризации утвердит роль народных языков преимущественно в светской литературе. В то же время усвоение древнеславянского имело в исторической перспективе не только плюсы, но и минусы [2. С. 54]. В сравнении с эволюционирующим Западом православие было более консервативным, а после гибели Византии (XV в.) как живого и развивающегося центра — также и культурнозамкнутым. Древнеславянский изначально ограничивал и само приобщение славян к богатой грекоязычной литературе Византии, в то время как латынь изначально — "напрямую" и непосредственно — объединяла связанных с западным обрядом образованных представителей славянства с интеллектуальной элитой, литературой, наукой и самой системой образования Запада, что способствовало усвоению как античного наследия и достижений высокого Средневековья, так и — впоследствии — распространению ренессансных, а затем и барочных веяний. В этом проявилась общая для литератур *Pax Latina*, а отчасти — позднее (с XVI в. для Украины и Белоруссии; с XVII в. для России) — и *Pax Orthodoxa* историческая закономерность: необходимо было освоить чужой (универсальный) язык литературы, чтобы на его основе (опираясь на связанную с ним литературную культуру) выработать свое филологическое мышление и научиться творить на родном языке, создав его письменной вариант со свойственными ему нормами и эталонами. Этот генетически свой, но хронологически новый язык стал национальным эквивалентом универсального койне, его историческим порождением и своеобразным эстетическим продолжением.

На протяжении XVI—XVII вв. вследствие внешних контактов украинской и белорусской литератур с литературами *Pax Latina* (прежде всего и особенно — польской), а также вследствие внутренних контактов этой части *Pax Orthodoxa* с литературой русской возникает обновленная восточнославянская литературная общность, которая, создав свой вариант Барокко [3—8], обозначила свое постепенное вхождение в славянскую часть литературной общности *Pax Latina*.

В возникновении и развитии этого процесса именно латынь стала тем ключом, который открыл украинским, белорусским, а затем и русским писателям перспективу в мир современных для Запада поэтик, риторик, литературного творчества, способствуя освоению современных художественных средств, стилей и жанров. Тем самым в этот исторический период латынь для восточнославянских писателей стала тем, чем она была для писателей Запада со времен Средневековья до времен Барокко: школой литературной культуры.

Эмансипация личности, секуляризация общества и иной тип дифференциации роли Церкви и государства во времена Ренессанса создают новый тип соотношения универсального и национального. Возникают государственные литературы, которые вследствие развивающегося процесса формирования наций обретают также и все усиливающийся этнический колорит. Их пути, направленность, тематическое своеобразие и проблемная специфика наряду с собственно эстетическими особенностями существенно иные, нежели в преимущественно религиозной литературе Средневековья. Все это знаменует выделение беллетристики из общего (как это было в средневековые времена) русла письменности и означает исторически новый этап изменений и самих последующих формирований литературных общностей. Теперь их составляют уже *светские художественные литературы на светских — национальных — языках*. При всей значимости конфессий в государственной и культурной реальности, равно как и в индивидуальном бытии, здесь — в среде художественного творчества, а отсюда — и формирования литературных общностей — на первом плане выступают категории стилей, литературных направлений, жанровых особенностей. Литературные общности обретают надконфессиональный характер. Отчасти Ренессанс, а уже во всей полноте Барокко при всей своей внутренней идейно-художественной дифференцированности охватывают в той или иной степени литературы народов всех конфессий — католиков, протестантов, православных. Это знаменует первый этап формирования нового — общеевропейского — литературного процесса, охватывающего *Pax Latina et Pax Orthodoxa*. Его характеризует взаимодействие теперь уже *национальных литератур* и — что с этим связано — *национальных литературных языков*, которые пришли на смену языкам универсальным. Общевропейская роль итальянского и внутриславянская польского во времена Возрождения и Барокко, общеевропейская роль французского и внутриславянская польского и русского — во времена Просвещения — все это отражение специфики последующих этапов истории европейских литератур, когда национальное своеобразие обретало реализацию в соотношении с общеевропейскими литературными устремлениями, обуславливая особенности формирования новых литературных общностей.

Так, например, барокко как литературное направление в украинско-белорусской части литературной общности *Pax Slavia Orthodoxa* формируется под непосредственным польским воздействием, воплощающим национальное освоение свершений *Pax Latina*. В течение XVII в. украинско-белорусский опыт, освоенный русскими литераторами, открывает им пути прямого общения с той же польской литературой. Тем самым восточнославянский вариант барокко, возникающий на стыке *Pax Latina et Pax Orthodoxa*, создается собственно славянскими усилиями, знаменуя одновременно *начальный этап общеевропейского литературного процесса* [9].

Этот процесс возникает и существует благодаря системе литературных связей отдельных национальных составляющих двух макролитературных общностей (*Pax Latina et Pax Orthodoxa*) и материализуется в динамике изменений не только отдельных

литератур, но и общностей, которые они составляют. Это последнее происходит в силу того, что возникающие связи отдельных литератур, относящихся к разным литературным общностям, являют собой национальное преломление качеств, ценностей и свойств тех типологических общностей, которые эти литературы представляют и составляют. Тем самым национальные межлитературные связи такого рода (т.е. внешние) одновременно предстают (и проявляются) как связи типологически разных литературных общностей. Поэтому-то восточнославянские литературы, воспринимая польский вариант барокко, в течение XVII в. образуют качественно новую литературную общность, которая теперь уже входит в давний *Rex Latina*. Давний, ибо сформировавшаяся во времена Ренессанса новая литературная система, утрачивая средневеково-конфессиональную привязанность и универсальный язык (латынь), обретает надконфессиональный характер, многонациональный облик и общеевропейский масштаб. Именно это предопределяет характер дальнейших исторических изменений внутри европейских литератур равно как взаимосвязанную с такого рода факторами направленность эволюции и динамику трансформаций составляемых ими литературных общностей на протяжении последующих этапов общеевропейского литературного процесса.

В разработке хронологически последующей проблематики XIX—XX вв., трактуемой в категориях литературных общностей, особая роль принадлежит Д. Дюришину и его коллективу⁵. В условиях кризиса современной компаративистики и существующих методов литературоведческого синтеза это словацкое направление в науке имеет, пользуясь определением А.Н. Веселовского, "встречные течения" на Западе (разработки Р. Пиккио)⁶ и в России [1; 13—18]. На крупных конференциях последних лет⁷ насущность разработки новых принципов интерпретации литературного процесса, новых подходов к вопросам взаимодействия универсального и национального, а в связи с этим — и нового понимания истории литературы, осмысления новых аспектов освещения отдельных эпох, характера их взаимосвязей, особенностей исторической преемственности и новаторства неизменно оказывались в центре внимания. И это естественно, ибо, отражая все более назревающее в литературоведении европейских стран осознание недостаточности существующих методик, научная среда стремится к выработке таких концепций и созданию такого аналитического инструментария, которые соответствовали бы накопленным к концу XX в. целостным (трактуемым в духе холизма) представлениям о нашей цивилизации.

Именно это и является контекстом данной статьи. В нем — пункты соотнесения содержащихся здесь наблюдений, логика размышлений, прагматика предложений и конкретика выводов. Тем самым все изложенное — не конечный результат, а очередное звено в решении задач, постановка которых обусловлена как имманентным движением научной мысли, так и изменяемыми историей культурными потребностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
2. Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв. М., 1980.
3. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

⁵ Анализ концепции Д. Дюришина в сопоставлении с другими современными научными предложениями см. в [10; 11].

⁶ Анализ концепции Р. Пиккио см. в [12].

⁷ Среди них в качестве примера можно назвать XI Международный съезд славистов (1993) в Братиславе, Международную конференцию "П.И. Шафарик и славистика" (Прешов, 1995), Международную конференцию "Литературный процесс: типология и компаративистика" (МГУ, Москва, 1995). В основе этой статьи — доклад, прочитанный на пленарном заседании последнего из названных научных форумов.

4. *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.
5. *Морозов А.А.* Новые аспекты изучения славянского барокко // Русская литература. 1973. № 3.
6. *Липатов А.В.* Литературный облик польского Барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское Барокко. М., 1979.
7. *Робинсон А.Н.* Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.
8. *Сазонова Л.И.* Поэзия русского Барокко. М., 1991.
9. *Lipatov A.* Barok i literatury wschodniosłowiańskie // Studia polono-slavica orientalia. Acta Litteraria. Wrocław, 1990.
10. *Lipatow A.* Nowý smer w slavistike a koncepcia D. Ďurišina // Osobitné medziliterarne spoločensva. 5. Slovanské literatury. Dionýz Ďurišin a kolektiv. Bratislava, 1993.
11. *Липатов А.* Литературный процесс в оптике исторической поэтики. (Новое направление в славистике и концепция Д. Дюришина) // Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994.
12. *Липатов А.В.* Общие закономерности истории славянских литератур и концепция Р. Пиккио // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. № 4.
13. *Лихачев Д.С.* Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов. М., 1968.
14. *Липатов А.В.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс эпохи Средневековья // Советское славяноведение. 1978. № 4.
15. Славянские литературы в процессе становления и развития. М., 1987.
16. *Липатов А.В.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс // XI Международный съезд славистов. Славянские литературы. М., 1993.
17. Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994.
18. *Липатов А.В.* Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литератур как системы // Барокко в славянских культурах. М., 1982.

© 1997 г. РОБИНСОН М.А., САЗОНОВА Л.И.

ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
"СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ": К ВЫХОДУ В СВЕТ
«ЭНЦИКЛОПЕДИИ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"»

Выход в свет пятитомной энциклопедии "Слова о полку Игореве" [1], безусловно, крупное научное событие. С момента открытия "Слова" в конце XVIII в. вокруг этого шедевра древнерусской литературы сложилась богатая и разносторонняя научная отрасль, насчитывающая тысячи исследований. Фундаментальный труд, подводящий итоги почти двухвековому изучению "Слова о полку Игореве", отвечает коренным интересам науки. В сущности, это первая осуществленная в таком масштабе в нашей науке энциклопедия, посвященная одному произведению¹, ею решена задача систематизации накопленного обширного материала по изучению "Слова" в аспектах не только филологии и истории, археологии и текстологии, истории языка и фольклористики, но также искусствоведения, этнографии, биологии, астрономии и т.д. Тем самым обобщающий справочный свод является одновременно памятником самому "слововедению" – отрасли, занимающейся "Словом" в многообразии аспектов его изучения.

Энциклопедия "Слова о полку Игореве" создана по инициативе академика Д.С. Лихачева небольшим авторским коллективом, главным образом, сотрудниками Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН (ответственный редактор О.В. Творогов), и вышла в издательстве "Дмитрий Буланин" в рамках Федеральной программы книгоиздания. Особая заслуга в создании энциклопедии принадлежит О.В. Творогову и покойному Л.А. Дмитриеву, взявшим на себя труд по разработке общей концепции издания, его редактирования. Ими же написано примерно третья часть всех статей.

По замыслу авторов, энциклопедия призвана представить читателю исчерпывающую информацию по любому вопросу, связанному как с самим "Словом", так и с его местом в истории мировой культуры" [1. Т. 1. С. 4]. Энциклопедия включает статьи, содержащие комментарий к тексту "Слова" и упоминаемым в нем реалиям – исторического, лингвистического, географического, историографического характера; подробно освещена проблема толкования "темных мест"; обобщена традиция изучения поэтики, жанра, стиля и языка памятника; отражено влияние "Слова" на литературу и искусство нового времени; приведены сведения о публикациях памятника и

Робинсон Михаил Андреевич – канд. ист. наук, заведующий группой Института славяноведения и балканистики РАН.

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

¹ Краткий энциклопедический словарь М.Г. Булахова [2] не ставил перед собой столь монументальной задачи.

его переводах на языки мира. В ряде случаев энциклопедия является единственным источником сведений об исследователях, интерпретаторах, переводчиках и иллюстраторах "Слова о полку Игореве". Каждая статья сопровождается библиографией.

Безусловного признания заслуживает установка энциклопедии на принципиальную открытость – стремление охватить самые разнообразные, часто противоречащие друг другу, точки зрения, мнения, суждения, гипотезы. Здесь нашли, в частности, отражение взгляды ученых, усомнившихся в древности и подлинности "Слова о полку Игореве", эти взгляды не только не замалчиваются, как это имело место еще в недавнем прошлом, а напротив, отмечена определенная стимулирующая роль скептического подхода: в спорах защитников "Слова" и скептиков "оттачивались многие методологические принципы, они побуждали в поисках аргументации выходить в смежные научные дисциплины" [1. Т. 1. С. 3].

Некоторые статьи энциклопедии заслуживают особого упоминания.

В статье О.В. Творогова «Скептический взгляд на "Слово"» изложены основные положения наиболее известных отечественных и зарубежных скептиков, охарактеризованы две самые крупные дискуссии XX в., инициированные А. Мазоном и А.А. Зиминим. Особенностью первой из них стало то, что вначале против концепции А. Мазона выступил цвет филологической науки русского зарубежья. Вторая же прошла в условиях жесткого прессинга со стороны "как партийных, так и академических инстанций" [1. Т. 4. С. 309]. Автор статьи справедливо напомнил, что протесты некоторых оппонентов А.А. Зимина против закрытого характера обсуждения его доклада не возымели действия. Дискуссия с А.А. Зиминим подвигла науку на углубленное изучение широкого круга проблем, в результате чего были получены новые дополнительные подтверждения древности "Слова". Заметим, однако, что одно из направлений, особенно развившееся после дискуссии – «взаимоотношения "Слова" и летописей и его историческая достоверность (Б.А. Рыбаков, А.Г. Кузьмин)» [1. Т. 4. С. 309], – привело к чрезмерной историзации подхода к этому литературному произведению. Издержек подобного подхода оказалось, на наш взгляд, гораздо больше, чем результатов. Энциклопедическая статья сопровождается обширной библиографией, начиная с 1812 г. Следовало бы отметить здесь, что к дискуссии было выпущено под грифом Института истории СССР АН СССР номерное, т.е. для "служебного пользования", ротاپринтное издание работы А.А. Зимина "Слово о полку Игореве. Источники. Время создания. Автор" (М., 1963) объемом 661 страница, но тиражом... 101 экземпляр.

Проблемы взаимоотношения "Слова" и "Задонщины", являющиеся стержнем серьезных дискуссий, затрагиваются в статье Р.П. Дмитриевой "Задонщина", которую по объему информации можно считать одной из фундаментальных и образцовых в энциклопедии (только библиография занимает более трех страниц): обстоятельно освещается история открытия и изучения "Задонщины", подробно, но доступно для читателя-неспециалиста распутывается сложная проблема соотношения списков и редакций "Задонщины".

Тем же качеством фундаментальности отличаются статьи А.Г. Боброва "Каяла (Каялы)" и "Сюурлий". Автор не только подробнейшим образом представил все мнения, касающиеся этимологии гидронима "Каяла" и проблем его символического толкования, но и сделал сводку всех географических отождествлений "Каялы" с реальными реками, коих набралось 25 (!), из чего следует, на наш взгляд, поучительный вывод о том, что при имеющихся сейчас данных найти Каялу не представляется возможным. Аналогично к упоминаемой только в летописи реке Сюурлий приведено восемь соотношений с реальными реками. Приведенный материал, свидетельствуя о бесплодности подобных географических разысканий, включает в себе небесполезный опыт для будущих исследователей.

Среди персоналий заслуживает особого внимания информативная статья Д.М. Буланина о крупнейшем польском слависте А. Брюкнере, где кроме краткой биографической справки, которую, кстати, нелегко разыскать в других изданиях на

русском языке, читатель найдет яркую характеристику позиции ученого как страстного, порой резкого защитника аутентичности "Слова" в спорах со скептиками: «Леже он именует "тупицей", "скепсис Кржижановского называет безумным"». Брюкнер стремился подчеркнуть принадлежность "Слова" к общеевропейской культуре, "для него лучшая похвала Плачу Ярославны – сравнение его с шедеврами германской и романской литературы" [1. Т. 1. С. 158], он особенно ценил светский характер "Слова" – явление, столь редкое в древнерусской литературе. Ученый выступал и как комментатор "Слова", высказал ряд идей, нашедших впоследствии подтверждение и развитие в науке.

Богатая традиция художественного освоения "Слова" живописцами, графиками, сопровождаемая профессиональным искусствоведческим анализом, представлена в статье О.А. Белобровой «Иллюстрации к тексту "Слова"». Здесь нашли отражение не только работы известных художников, создававших иллюстративные циклы, но и по крупицам собран часто малоизвестный материал, дающий представление о многообразии художественного воплощения "Слова". К слову сказать, О.А. Белобровой принадлежит цикл статей о художниках-иллюстраторах: Н.С. Гончаровой, В.А. Фаворском, И.С. Глазунове, Д.С. Бисти и др., о художественных выставках, посвященных "Слову".

"Слововедение" имеет столь много аспектов, которые нашли отражение в энциклопедии, что коснуться всех даже в обширной рецензии практически невозможно. Подытожив изучение "Слова" за долгие годы, труд вобрал в себя все многообразие гипотез, толкований и различных предположений и догадок, как отвергнутых наукой, так и принятых и существующих в настоящее время. Энциклопедия, обнаруживая со всей очевидностью как достижения, так и издержки в изучении "Слова", побуждает к размышлениям, приглашает к дискуссии, ставит перед исследователями новые вопросы, возобновляет интерес и к некоторым старым проблемам интерпретации произведения.

Одной из остро дискуссионных в "слововедении" по-прежнему остается проблема Автора "Слова" (здесь и далее понятие "Автор" применительно к творцу "Слова" дается с прописной буквы). Чрезвычайно показательной и поучительной во многих отношениях является статья Л.А. Дмитриева "Тимофей ("премудрый книжник")". Ученый приводит все реально известные исторические сведения о "книжнике Тимофее", которые ограничиваются всего лишь несколькими строками из Ипатьевской летописи, относящимися к событиям в Галиче 1210 г., и дополняет их информацией 1226 г. о некоем Тимофее – духовнике галицкого князя, ибо некоторые ученые склонны отождествлять обоих Тимофеев. Приведенный далее Л.А. Дмитриевым материал наглядно иллюстрирует процесс создания известными отечественными историками легендарной биографии Тимофея. Первым литературную деятельность Тимофея связал с сыновьями князя Игоря Л.В. Черепнин, под пером которого Тимофей превратился не только в возможного автора возможно существовавших повестей, но и в идеолога части галицкого боярства. Далее В.Т. Пашуто, объединив в одном лице двух Тимофеев, сделал его автором фрагментов Киевской летописи, легшей в основу княжеского свода Даниила Галицкого. Но основной вклад в создание литературной "биографии" Тимофея внес Б.А. Рыбаков. На основании бесчисленных предположений Тимофей превратился в летописца. Тимофей (книжник-духовник) активно перемещается по Руси: он живет в Киеве, где становится автором повести о "походе в 1185 г. Игоря Святославича против половцев, которая дошла до нас в составе Ипатьевской летописи", в Новгороде, где является хронистом князя Мстислава Удалого – «автором первоначального вида "Повести о битве на реке Липице"». Но попал Тимофей в энциклопедию прежде всего потому, что еще в 1846 г. Н. Головин предположил, что Тимофей, выступивший против притеснений галичан венгерским палатином Бенедиктом Бором, может являться автором "Слова о полку Игореве". Основой аргументации является определение "премудрый книжник". Л.А. Дмитриев привел серьезную аргументацию против подобных предположений, выдвинутую

Н.П. Сидоровым, который ясно показал, что под понятием "премудрый книжник" имелся в виду «тот, кто умел истолковывать "темные места" Писания» [1. Т. 5. С. 115]. Нам представляется, что статья Л.А. Дмитриева наглядно демонстрирует, как лишенное конкретики расширительное толкование термина "премудрый книжник", а также "малолюдь" русских летописей подвигли не только искателей имени Автора "Слова", но и видных исследователей русского летописания к созданию мифа.

Многие исследователи задавались вопросом о месте рождения Автора, его социальном положении, вопросом о том, к окружению какого князя он принадлежал, каков был характер его творчества – устный или письменный, опирался ли он в своем творчестве на какие-либо источники. Л.А. Дмитриев, резюмируя в статье «Автор "Слова"» большинство существующих в науке мнений о социальном статусе Автора, констатирует, что он скорее всего принадлежал к высшему классу общества. Нельзя не согласиться с Л.А. Дмитриевым в том, что попытки «атрибутировать "Слово" определенному лицу XII столетия свидетельствуют о том, что поиски имени Автора, основанные на данных самого "Слова" и тех источников, которыми мы сейчас располагаем, не могут завершиться успехом» [1. Т. 1. С. 33]. Подчеркнем, что вообще большинство дискуссий об Авторе упирается в полное отсутствие каких-либо документальных сведений о нем. Попытки видеть в Авторе уроженца Чернигова, Киева, Галицко-Волынской Руси, Новгорода, рассуждения о том, был он участником похода или нет, заканчивались всякий раз, по нашему мнению, безрезультатно, да и вряд ли они вообще представляют какой-либо интерес при изучении "Слова". Образцовым и одновременно показательным можно считать перечень персонажей русской истории XII–XIII вв., предложенных на роль Автора. К чести филологической науки, большинство подобных предположений сделаны не профессиональными учеными. Среди претендентов на авторство "Слова" названы и такие хорошо известные личности, как Кирилл Туровский и Даниил Заточник, уже упоминавшийся "премудрый книжник" Тимофей и "словутный певец" Митуса, информация о которых ограничивается в летописи парой строк, значит среди "Авторов" и воевода Ольстин Олесич, и бояре Беловолод Просович, и Петр Бориславич. Особую линию, подробно прослеженную и очень аргументированно отвергнутую Л.А. Дмитриевым, представляют "Авторы"-князья: это сам Игорь Святославич, его двоюродный брат Святослав Всеволодович, племянник Святослав Рыльский, его шурин Владимир Ярославич Галицкий и уже совсем экзотическая фигура – вдова старшего брата Игоря, Олега Святославича, Агафья Ростиславна.

Думается, что анонимность "Слова" не является случайной утратой имени его творца, а предстает как закономерность поэтики: безымянно большинство произведений героической эпики в отличие от хорошо известного авторства средневековой лирики и некоторых других жанров. Как видно из энциклопедии, к настоящему времени существует несколько десятков гипотез о том, кто из исторических лиц мог написать поэму. Взаимоисключая друг друга, они только подтверждают справедливость мнения Н.К. Гудзия, которое было бы уместно в статье об Авторе "Слова", но в ней отсутствует: «Бесполезными считаю довольно распространившиеся в последнее время догадки о конкретном авторе "Слова"» [3].

Единственное, что можно предположить с достаточной достоверностью, – то, что Автор входил в окружение князей Ольговичей, скорее всего старшего из них – Святослава Всеволодовича (эту гипотезу наиболее основательно разработал А.В. Соловьев), и что скорее всего он был профессиональным поэтом-певцом (в настоящее время это суждение поддерживает Д.С. Лихачев).

Многие из гипотез, толкований, догадок и предположений, соответствуя уровню науки своего времени, обнаруживают зависимость ее – особенно в советское время – от методологических, идеологических и даже политических идей, господствовавших в обществе. Даже попытка выяснить, кто же был Автором "Слова о полку Игореве", несет на себе следы такой зависимости. Материал, посвященный этому вопросу, можно найти как в обобщающей статье Л.А. Дмитриева «Автор "Слова"», так и в

многочисленных статьях об исследователях, писавших на эту тему, а также в специальных статьях о различных исторических личностях, выдвигавшихся на роль Автора.

Нельзя не сказать и о той особой роли, которую уготовили исследователи Автору "Слова" в общественной жизни Древней Руси. Нам представляется, что решающее значение в процессе формирования представлений об Авторе как о государственном политике общерусского масштаба сыграло знаменитое определение К. Маркса: "Суть поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ" ("Маркс Карл") [1. Т. 3. С. 222]. С начала 30-х годов началось активное толкование этой мысли Маркса с акцентом на вторую часть высказывания, отсюда – начало чрезмерной историзации и политизации образа Автора и всего произведения в целом. Отметим, однако, что еще в конце 20-х годов П.Н. Сакулин, один из первых литературоведов-марксистов, высказал мысль о том, что Автор "Слова" "был, несомненно, выдающимся гражданином своей эпохи, политическим мыслителем, который хорошо знал историю своей страны, свободно разбирался в запутанных междукняжеских отношениях, отдавал себе отчет в политическом состоянии Руси и исповедовал определенные политические идеалы..." [1. Т. 4. С. 261]. Далее подобные мысли особенно активно прозвучали на праздновании 750-летнего юбилея "Слова" (1938 г.). Во многих публикациях упор был сделан на то, что Автор "Слова" не только гениальный поэт, но и "вдумчивый политический мыслитель и страстный борец" (С.А. Адрианов, см. [1. Т. 1. С. 37]). Во время следующего юбилея – 150-летия первого издания "Слова" высказывается мнение, что Автор поэмы "выражает общерусскую патриотическую идею..., следует лучшим традициям политической общественной мысли конца XII – начала XIII века" (И.У. Будовниц, см. [1. Т. 1. С. 161]). Постепенно Автор "Слова" превратился в философа, политика, талантливого историка и публициста, что нашло наиболее яркое воплощение в легендарной "биографии" очередного претендента на авторство "Слова" – боярина Петра Бориславича, бывшего, по мнению Б.А. Рыбакова, одним из "замечательнейших людей XII столетия" [1. Т. 4. С. 97].

Утвердившееся мнение об Авторе как мудром и объективном мыслителе и политике, выражавшем к тому же народные интересы, неизбежно должно было породить самые разнообразные проблемы в интерпретации "Слова". Назовем, в частности, одну из них – проблему Владимира Мономаха. Этот князь, без всяких сомнений, выдающийся деятель конца XI – начала XII в., практически отсутствует в "Слове", он всего лишь однажды упоминается в ситуации, которая до сих пор является предметом различных толкований. Если Автор "Слова" обладал перечисленными высокими достоинствами, знанием, как ему приписывается, не только "Повести временных лет", но и каких-то недошедших до нас летописей, то отсутствие в поэме Владимира Мономаха, последнего объединителя Киевской Руси, победителя половцев, должно удивлять читателей.

Основной спор исследователей развернулся вокруг упоминания в "Слове" "старого Владимира": одни видят в нем Владимира (Святого) Святославича, другие – Владимира Всеволодовича Мономаха. Мы полагаем, что разрешение этого спора необходимо искать в тексте самого памятника. В "Слове" читаем: "О, стонати Руской земли, помянувш^е *пръвую* (здесь и далее курсив наш. – М.Р., Л.С.) годину и *пръвых* князей! *Того* старого Владимира..." (здесь и далее текст "Слова" цит. по: [1. Т. 1. С. 8–14]). К сожалению, при комментировании текста, причем и не только в этом случае, происходит разрыв контекста произведения (в большинстве случаев комментируемый фрагмент просто начинают со слов "того старого..."), все внимание переносится на следующее далее сравнение времен "старого Владимира" и разногласий современников князя Игоря – братьев Рюрика и Давида Ростиславичей. Мы же обращаем внимание на то, что "старый Владимир" относится к "первым временам" и "первым князьям", причем на это специально указывает определение "того". Владимир Мономах никак не соответствует этим определениям.

Преувеличенно восторженное отношение к деятельности этого князя заставляет искать в "Слове" "утраченные страницы". В статье, посвященной Владимиру Мономаху, О.В. Творогов совершенно справедливо, на наш взгляд, но слишком мягко характеризует подобные попытки Б.А. Рыбакова: «Менее убедительна гипотеза ученого, согласно которой в "Слове" утрачен фрагмент текста, в котором говорилось подробнее о Владимире Всеволодовиче, но этот утраченный фрагмент мог отразиться в упоминаниях этого князя в "Слове о погибели Русской земли"» [1. Т. 1. С. 203]. Мы полагаем, что называть "гипотезой" столь произвольное обращение с текстами двух литературных памятников непозволительно, а самый принцип Б.А. Рыбакова – "взглянуть на получившуюся реконструкцию с точки зрения исторической действительности" [4] – несостоятельным. Обаяние фигуры Владимира Мономаха подействовало и на О.В. Творогова. Идеальный образ князя заставляет его отказаться от прямого, буквального прочтения текста "уши затыкал" в статье "Уши", касающейся фрагмента "Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тмутороканъ. То же звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожь, а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ". Исследователя заставляет «искать иные толкования сочетанию "уши закладаше"», по его мнению, "неясность образа (почему Мономах – смелый воин и мудрый политик затыкает себе уши жестом испуганного ребенка)" [1. Т. 5. С. 153]. Напомним, что весь пассаж о Мономахе как "смелом воине" и т.д. никаких подтверждений в тексте "Слова" не находит, и отметим, что сам О.В. Творогов придерживается того мнения, что "старый Владимир" – это Владимир Святой. На данное суждение повлиял, конечно, не только миф о Владимире Мономахе, но и, безусловно, сконструированный образ мудрого и объективного Автора "Слова". Добавим, что текст "Слова" указывает на связь Автора с родом князей Ольговичей и что с этим согласны большинство исследователей. И опять-таки все исследователи признают враждебность отношений родоначальника Ольговичей – Олега Святославича (Гориславича) и Владимира Мономаха, ибо кроме многочисленных сведений летописи они отражены, что для нас важнее, и в самом тексте "Слова". В таком случае уместно задать вопрос: почему Автор, "профессиональный поэт-певец" двора Ольговичей, должен был питать особую симпатию к Владимиру Мономаху?

Вообще нам представляется, что исследователи недооценивают естественный субъективизм всех оценок Автора, его достаточно вольное изложение исторических событий, как бы забывают прочно утвердившееся и разделяемое большинством из них мнение о том, что Автор все-таки "не историк и не летописец" (Д.С. Лихачев). Приведенный нами пример с Владимиром Мономахом – не единственный случай попыток навязать древнерусскому поэту свою собственную логику. Таковыми же, в сущности, являются почти все предложения по "реконструкции" текста "Слова", подробнейшим образом разобранные О.В. Твороговым в статье «Перестановки в тексте "Слова"». Ученый не только обстоятельно объясняет два случая перестановок в тексте, принятых большинством исследователей, но и приводит перечень относительно недавно предложенных и, по-видимому, никем, кроме самих авторов, не разделяемых нескольких десятков перестановок Б.А. Рыбакова и С.П. Пушкика. Согласно справедливому выводу О.В. Творогова, всякий автор, затевающий подобные "реконструкции", обязан "убедительно объяснить, каким образом первичный, по его мнению, текст памятника смог преобразоваться в текст нынешний". Ни с точки зрения редакционных, ни тем более кодикологических преобразований текста ничего объяснить не удастся, и обоснования "такого рода становятся все менее убедительными по мере возрастания числа предлагаемых перестановок" [1. Т. 4. С. 83].

Отметим также, что прием переделки текста с точки зрения восстановления исторической последовательности событий во многом опирается на предполагаемую путаницу страниц, допущенную неведомыми переписчиками. Мы полагаем, что чем меньше исследователи понимают "Слово" как произведение литературы, тем больше

они видят в нем исторический "источник" или пытаются, как, например, С.П. Пушик, "открыть мифоструктуру произведения", расшифровать "календарь похода" [1. Т. 4. С. 193], тем безответственнее они относятся к целостности текста "Слова". В этой связи хочется вспомнить резкое замечание И.П. Еремина полувековой давности, которое имеет в виду попытки всевозможных поправок и тем самым может быть отнесено в принципе также к спорной и непродуктивной идее каких-либо перестановок в тексте: «Следует положить конец конъектурным поправкам там, где это не вызывается необходимостью, т.е. где текст первого издания понятен и сам по себе, без какого-либо вмешательства с нашей стороны. Обилие поправок, часто ненужных, недостаточно обоснованных, – серьезная угроза "Слову о полку Игореве"» [1. Т. 2. С. 169].

В начале рецензии мы отметили, что историзация "Слова" способна нанести и вред его изучению. Безусловно, знание истории всего периода, охватываемого описываемыми в "Слове" событиями, а также и начала XIII в., причем знание, опирающееся на реальные источники, лишнее идеологизации, модернизации и идеализации тех или иных персонажей и мотивов их поведения, для исследователя обязательно. Необходимо учитывать и отраженные в летописи и освященные, как правило, христианской моралью представления о законности и справедливости тех или иных феодальных прав и внутрияжеских отношений, на них основанных. Часто возникающее безоговорочное уравнивание в правах сведений летописных рассказов и "Слова", а также "проверки" "Слова" летописью – прием неблагоприятный. О вольном или невольном навязывании "Слову" идеализированного образа Владимира Мономаха мы уже писали. Разбиравшийся нами отрывок, начинающийся "звоном" стремени Олега, вызывает давние и многочисленные дискуссии, касающиеся как персонажей, в нем описанных, так и освещаемых событий. Издержки политических оценок, клеймящих поведение Олега Гориславича ("Вот кто активный виновник распада Киевского государства!" – писал Б.Д. Греков в 1938 г. [5]), постепенно уходят в прошлое, оценки приобретают более спокойный и объективный характер, начинают учитываться все характеристики Олега, данные Автором "Слова". Так, в статье Г.М. Прохорова подробно излагается на основании летописей биография этого князя, а в оценке Олега, данной тому в "Слове", исследователь опирается на суждение А.В. Соловьева, который считал, что Автор вспоминает Олега Святославича "не только с укоризной, но и искренним восхищением" [1. Т. 3. С. 351].

Оживленную полемику вызвал не только термин "уши" (уши ли это в буквальном смысле, как органы слуха или, как полагают некоторые, проушины ворот), но и то, когда же Владимир их "закладывал". Мы не будем останавливаться подробно на популярном у многих исследователей толковании "звон" как "шум княжеских раздоров" (мнение Д.С. Лихачева 1950 г.) [1. Т. 5. С. 152], который Владимиру Мономаху, противнику раздоров, был "невыносим", как на не имеющем в самом тексте "Слова" каких-либо подтверждений. Владимир Мономах "Слова о полку Игореве" слышал действительный грозный звон стремени эпического героя Олега Гориславича, и этот звон ему не мог доставить никакой радости, ведь занимаемый им долгие годы Чернигов – "отень стол" Олега. Кстати, не один Владимир обладает в "Слове" возможностями особого рода слуха, другой герой "Слова", Всеслав Полоцкий, слышит в Киеве звон колоколов полоцкой церкви св. Софии.

Как свидетельствует "Повесть временных лет" под 1094 г., Владимир Мономах, потерпев поражение под Черниговом, "пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего" [6. С. 245]. Сам Владимир Мономах также свидетельствует в своем "Поучении": "И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль" [6. С. 405]. О святости и общепризнанности прав на отцовское наследство свидетельствует и следующий эпизод борьбы Олега за него в 1096 г., связанный с Муромом. Олег требовал у сына Владимира Изяслава уступить город, говоря: "Это волость отца моего". Как сообщает летописец, "не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на

правду свою, ибо прав был в этом..." [6. С. 245]. В результате Изяслав был разбит и погиб. И, как писал Владимир Мономах о смерти сына тому же Олегу, "не следовало ему искать чужого и в печаль вводить" [6. С. 413]. Сам Олег Святославич, безусловно, неоднократно нарушал подобное право своих противников. Но в данном случае важно подчеркнуть, что у Автора "Слова", так же, как и у летописца, борьба Олега за Чернигов – дело несомненно правое.

Большинство комментаторов относят события этого фрагмента "Слова" только к первому походу Олега на Чернигов и последовавшей за ним битве на Нежатиной ниве. О.В. Творогов, выдвигая возражение против толкования "уши – проушины ворот", указывает, что "такое понимание текста не соответствует конкретной исторической ситуации: в 1078 Владимир не сидел в осажденном Чернигове", он сам осаждал детинец города [1. Т. 5. С. 153]. Напротив, Б.А. Рыбаков, размышляя над этим же фрагментом, приходит к выводу, что Автор "очень точно отразил в своих строках положение в сентябре – начале октября 1078" [1. Т. 5. С. 153].

Уже это столкновение мнений наводит на мысль о несовершенстве проверки поэзии историей. О.В. Творогов отвергает предположение А.П. Комлева и К.К. Белокурова, относящих ситуацию с Черниговом к 1093–1094 гг., когда Олег во второй раз вышел из Тмутаракани в поход на Чернигов, где правил тогда Владимир Мономах, «на том основании, что образ "уши закладаше" относится исследователями к событиям, которые произойдут два десятилетия спустя и на которые в "Слове" нет и намека» [1. Т. 5. С. 154]. Не соглашаясь с толкованиями А.П. Комлева и К.К. Белокурова (и "уши" – "проушины", и "не хотел слышать звона княжеских усобиц"), мы вполне можем допустить, что в "Слове" отразились и события 1093–1094 гг. Но как нам представляется, для Автора такая хронология событий не была особенно важна, он отражал их суть – борьбу Олега с Владимиром Мономахом за Чернигов. Обратим также внимание на самое начало фрагмента. "Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъчи Олговы, Ольга Святъславлича". Совершенно очевидно, что для Автора "походы Олеговы" это целая эпоха, а отнюдь не события одного года.

Абсолютно не согласуется с оценкой летописи следующий фрагмент "Слова": "Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя". Подавляющее же большинство толкований прямо возводится к летописной оценке поведения Бориса: "...Похваливъся велми не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даеть благодать...", и далее: "Первое убиша Бориса сына Вячеславля, похвалившася велми" [6. С. 212]. Один из немногих исследователей, кто «отрицает правомерность перевода слова "слава" как "хвастовство", ибо речь идет о желании славы» – Н.М. Дылевский [1. Т. 2. С. 153].

Влияние летописного рассказа столь велико, что даже в «Словаре-справочнике "Слова о полку Игореве"» именно для этого фрагмента введен специальный подраздел с определением "слава" как "гщеславие, похвальба, хвастовство; суетные поиски славы" [7] и отсылками к цитатам из христианско-назидательной литературы. Нет даже попытки объяснить читателю, чем же этот случай употребления термина "слава" отличается от других многочисленных его употреблений в "Слове" в ситуациях аналогичных. Мы считаем необходимым в подобных случаях обращаться к тексту "Слова", воспевающему храбрость воинов, идущих в бой: "...Ищучи себѣ чти, а князю славы". Героически погибший Изяслав Василькович, не получивший поддержки своих братьев, "притрепа славу дѣду своему Всеславу". Подобные примеры из "Слова" можно было бы умножить. Мы полагаем, что текст произведения не дает никаких оснований для противоположного толкования изображенной здесь гибели в неравной битве двух князей. Напротив, подробное развернутое поэтическое описание гибели Изяслава Васильковича – "изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла", дает нам дополнительные основания считать определение "храбра и млада князя" в инверсивной конструкции характеристикой погибшего Бориса Вячеславича. Кстати, и весь контекст отрывка не дает оснований относить эти слова к Олегу Святославичу, его эпическая фигура слишком велика, его походы – эпоха в истории Руси, при нем

"въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишась", ему Автор дает прозвище по итогам его жизни "Гориславич".

О.В. Творогов, автор статьи о Борисе Вячеславиче, останавливаясь на существующих толкованиях, пишет: «Анализируя слова "слава на судъ приведе", Лихачев подчеркивает, что присущая летописи религиозная трактовка ("Бог гордым противится") в "Слове" снята: "Не Бог, следовательно, приводит Бориса Вячеславича на суд, а сама "слава"..."» [1. Т. 1. С. 141]. Может сложиться неверное впечатление, что Д.С. Лихачев как-то разделяет оценки "Слова" и летописи, однако, по его мнению, «и в летописи, и в "Слове" смерть Бориса Вячеславича рассматривается как возмездие за его похвальбу» [8]. В русле той же летописной оценки следует и Б.И. Яценко: «Автор придерживается летописного толкования исторического события ("...слава на судъ приведе" – "...убиша Бориса..., похвалившегося велми")» [9. С. 303]. Но уже ничего, кроме удивления, не могут вызывать следующие его умозаключения: «Князь Борис явно не пользуется симпатией автора "Слова"... Поэтому слова "храбра и млада князя" могут относиться только к Олегу, а не к князю Борису, о котором автор "Слова" пишет с оттенком неприязни и осуждения» [9. С. 304]. Мы никак не можем согласиться с Е.Г. Водолазкинским, автором статьи в энциклопедии о Б.И. Яценко, что выводы последнего относительно Бориса Вячеславича «представляют интерес не только для комментариев к "Слову", но и для понимания событий 70-х XI в.» [1. Т. 5. С. 301]. Также мы не можем согласиться и с некритическим изложением умозаключений Б.И. Яценко О.В. Твороговым, необоснованно называющим их "гипотезой". Ибо невозможно серьезно относиться к выводам, основывающимся на отрицании данных хорошо известных источников (в "Повести временных лет" и Олег, и Борис сражаются с дядьями-стрыями), на толковании сведений не очень ясных и косвенных, на отсылках к "Истории" В.Н. Татищева с его "неизвестными источниками". В результате Борис Вячеславич, двоюродный брат Олега Гориславича, превращается в его не известного истории двоюродного дядю (внука Владимира Святого), претендующего на великокняжеский киевский стол. Заключение же Б.И. Яценко о судьбе легендарного отца этого Бориса – Вячеслава Владимировича, отсутствующего во всех списках имен детей Владимира Святого (кроме сведений В.Н. Татищева), способно поставить в тупик любого исследователя. "Изъятие имени Вячеслава из летописей, – пишет Яценко, – лучшее доказательство того, что этот князь не умер в безвестности, не исчез бесследно из политической жизни Руси" [1. Т. 1. С. 140].

Совершенно прозрачный по смыслу текст "Слова" сообщает о том, что *слава* привела Бориса Вячеславича на битву, в которой храбрый молодой князь погиб за благородное дело восстановления справедливости – за *обиду*, нанесенную его двоюродному брату Олегу. Чтобы не быть голословными, приведем следующее суждение летописи, сопровождающее описание погребения Изяслава Ярославича, убитого в той же битве, что и Борис: «Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за *брата своего*, не стремясь ни к большому владению, ни к большому богатству, но за *братню обиду*. О таких Господь сказал: "Кто положит душу свою за други своя". Соломон же говорил: "Братья в бедах помогают друг другу"» [6. С. 215]. *Слава* же уложила Бориса Вячеславича на зеленую траву, ставшую для князя погребальным покрывалом. Для нас совершенно очевидно, что если бы летописный рассказ не содержал данной там оценки поведения Бориса, ничего подобного рассуждениям Б.И. Яценко не могло бы возникнуть.

Следуя далее за Автором "Слова", мы видим, что абсолютная историческая точность для него несущественна. Исследователи и комментаторы "Слова" столкнулись с таким описанием битвы на Нежатиной ниве, которое, как справедливо указывает О.В. Творогов, "все еще остается не до конца объясненным" [1. Т. 2. С. 280]. Сведения, сообщенные Автором о том, какой погибший князь, каким образом и к какой церкви был отвезен, ни в чем не совпадают со сведениями "Повести временных лет": Святополк – Ярополк; "между угорскими иноходьци" – на лодье;

церковь св. Софии – церковь св. Богородицы. Мы же обратим внимание на то, что Автор даже *не назвал по имени* погибшего киевского князя, возглавлявшего коалицию противников Олега. Это обстоятельство также привело к поискам иной кандидатуры, на основании летописных сведений было выдвинуто даже предположение, что это половецкий хан Тугоркан – тесть Святополка, убитый в битве под Переяславлем в 1096 г., т.е. поиски оторвались от контекста "Слова", безусловно ориентированного на события, связанные с Олегом Святославичем.

Попытка поверить текст "Слова" летописью вызывает у исследователей трудности и недоумения, их смущают и хронология, и оценки, которые дает Автор тем или иным событиям и главному герою. О.В. Творогов в статье "Всеслав Брючиславич" отмечает, что все события, упоминаемые в "Слове", отмечены в летописях, "но в интерпретации их в памятнике много странного", перепутана хронология. «Странно: другое, – продолжает О.В. Творогов, – вопреки известным нам по "Повести временных лет" фактам, Всеслав Брючиславич представлен активным искателем великокняжеского стола, тогда как он был возведен туда по воле изоставших киевлян» [1. Т. 1. С. 258]. Мы думаем, что ничего странного в изложении Автора нет, просто самый взгляд на "Слово", идущий от летописи, ее информации и оценок, непродуктивен и неперспективен. Автор произведения отмечает наиболее значительные вехи в жизни Всеслава, Автор – поэт, а не историк, ему, очевидно, важно создать определенный образ, достойный восхищения и сострадания. Тут и вокняжение в Киеве (без ненужных Автору подробностей), и взятие Новгорода, и огромная власть ("княземъ грады рядяше"), и роскошное описание битвы, в которой исторический Всеслав потерпел поражение, и частое страдание от бед. А возможным объяснением, почему битва так безлюдна, служит то, что слушателями Автора были Святослав Всеволодович (правнук одного из победителей – Святослава Ярославича) и его жена Мария Васильковна (правнучка побежденного Всеслава Полоцкого).

Обращение Автора к судьбам героев-предков содержит много сходных черт. Соответствующие фрагменты – об Олеге Святославиче и Всеславе Брючиславиче – образуют систему соотражений, выступающую как художественный прием. Предлагаем читателю схему, в которой под римскими цифрами указаны девять случаев обнаруженных нами соотражений; под цифрой 1 обозначены контексты, относящиеся к фрагменту об Олеге, под цифрой 2 – о Всеславе.

I. Только оба эти рассказа соотносятся в *хронологическом* плане с до сих пор неясной фигурой *Трояна*:

1. "...в@чи Трояни..."

2. "...в@ц@ Трояни..."

II. Оба князя – эпические герои-воины:

1. "...мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь..."

2. "...дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго...", "...разшибе славу Ярославу..."

III. В обоих фрагментах описано по одной битве, каждым из героев она проиграна:

1. Сражение на Нежатиной ниве под Черниговом.

2. Сражение на Немиге под Минском.

IV. В обоих случаях присутствует чудесный, слышимый на огромных расстояниях *звон*:

1. "То же звонъ слыша..."

2. "Тому въ Полотскѣ позвониша..."

V. В обоих фрагментах упомянуты два языческих *солнечных*² бога:

1. "...погибашеть жизнь *Дажь-Божа* внука..."

2. "...великому *Хрѣсови* влъкомъ путь прерыскаше".

² Из последних работ см., например, [10], здесь же приведена основная историография проблемы.

VI. Оба князя претерпели *много невзгод*:

1. "...при Олзѣ Гориславличи..."
2. "...нѣ часто бѣды страдаше..."

VII. В обоих фрагментах упоминается город *Тмутаракань*:

1. "...въ градѣ Тьмутороканѣ".
2. "...до курь Тьмутороканя..."

VIII. Только в указанных фрагментах присутствует метафора *Божий суд* – смерть:

1. "...слава на судѣ приведе..."
2. "...суда Божія не минути!"

IX. Только в данных фрагментах упоминаются храмы *Софии*, киевский³ и полоцкий:

1. "...ко святѣй Софїи къ Кїеву".
2. "...въ Полотскѣ ... у святыя Софеи..."

Подход к поэме как к историческому документу приводит к буквальному прочтению текста в ущерб поэтическому значению. Так, фраза в обращении к галицкому князю Ярославу Осмомыслу – "Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле" – традиционно воспринимается как "историко-топографическая реальность": Галич расположен на горе, указывается также ее высота, а о "златокованом престоле" говорится, что эта деталь подчеркивает богатство князя [1. Т. 5. С. 290]. Однако, на наш взгляд, образ высокого золотого престола – один из поэтических символов могущества князя. В качестве типологической параллели можно привести пример из песен труверов XII в.: "Пример вам будет Людовик – / Он многих многим превзошел, / Богат и властью велик, / И выше всех его престол" (Песни второго крестового похода, 1147–1149 гг.) [11]. Поэтическая метафора может сосуществовать с этикетным государственно-политическим термином, выражающим тот же смысл, как, например, в обращении старца Филофея в Послании великому князю Василию – "высокопрестольнейший государь". Очевидно, что при комментировании "Слова" недостаточно учитывать только реальный исторический и реальный географический план, необходимо принимать во внимание в первую очередь тот символично-метафорический смысл, которым Автор наделяет реалии и который определяет поэтическую природу "Слова".

Традиционную область в отечественном "слововедении" занимают поиски соответствия материала "Слова" не только историческим и географическим, но и биологическим реалиям. Проблемы исторических реалий мы уже касались, проблема географических реалий вызывает гораздо больше вопросов, чем дает ответов, иногда заводя поиск в тупик (Каяла, Сюрлий). Проблемам животного мира "Слова" посвятил ряд специальных исследований биолог Н.В. Шарлемань. В очень обстоятельной статье, ему посвященной, О.А. Белоброва верно отметила: «Работы Шарлеманя построены на прочтении текста "Слова" как строго документального описания, а не поэтического произведения» [1. Т. 5. С. 217]. Шарлемань занимался "Словом" в период обострения дискуссий со скептиками – А. Мазоном, а затем А.А. Зиминым, и его работы давали дополнительные аргументы сторонникам подлинности. Став очень популярными в среде исследователей "Слова", реальные комментарии Шарлеманя превратились к настоящему времени в факт историографии. В большинстве статей энциклопедии о животном мире присутствуют объяснения Шарлеманя, но сейчас их недостатки особенно очевидны. Если Шарлемань считал, что Автор "Слова" точно воспроизводит поведение животных, то Г.В. Сумаруков, тоже биолог, напротив, указал на случаи небиологичности в их действиях. Эти верные замечания Сумарукова могли, казалось, послужить толчком к отходу от реального комментария к необхо-

³ Возможно, именно в этом чисто литературном параллелизме следует искать решение проблемы несоответствия информации "Повести временных лет" и "Слова" о месте захоронения Изяслава Ярославича. В летописи это – церковь Богородицы (Десятинная).

димому комментарию поэтическому. Сам исследователь предложил видеть в животных "Слова" не изображение реальных животных, а знаки половецких тотемов (в науке, кстати, пока не известных). Эти знаки для него, однако, не поэтические символы, а исторические реалии, таким образом, произошло возвращение на прото-ренный путь все того же, правда уже не биологического, реального комментария. В статье, посвященной Г.В. Сумарукову, приводится пример, свидетельствующий о неприемлемости подобного рода толкований: «В объяснительном переводе сцены "Побег Игоря" мы читаем: "И полетел соколом под облаками, избывая Гусей и Лебедей к завтраку, обеду и ужину [т.е. отбиваясь и утром, и днем, и вечером от половец из орд тотемов гуся и лебедей]"» [1. Т. 5. С. 86]. Нам трудно определить, какой тип комментария – Шарлеманя или Сумарукова – уводит дальше от понимания поэтической образности "Слова".

К сожалению, традиция реального комментирования в обоих вариантах является основополагающей в статьях о животном мире "Слова". Возьмем, для примера, уже упоминавшийся фрагмент "Слова" о побеге Игоря: "А Игорь князь поскочи *горностаемъ* къ тростию и *бѣлымъ гоголемъ* на воду, въвржесе на брѣзь комонь и скочи съ него *босымъ влъкомъ*, и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подь мъглами, избывая *гуся и лебеди* завтраку, и обѣду, и ужинѣ". В статье "Горностаи" О.А. Белоброва дает описание его природных и поведенческих особенностей и отмечает, что «уподобление Игоря живому, юркому зверьку дополняется сравнением с водной птицей – *"бѣлымъ гоголемъ"*» [1. Т. 2. С. 48]. Статья "Гоголь" также невелика по объему, О.А. Белоброва относительно нашего случая отмечает, что "Игорь уподобляется водоплавающей птице, способной незаметно переплыть реку" [1. Т. 2. С. 32].

Очень богатую пищу для толкований предоставляет частое упоминание в тексте "Слова" волка. В соответствующей статье (О.В. Творогов) представлен весь спектр суждений по теме. Почти половина статьи "Волк" посвящена попыткам понять, что же такое "босый волк". Сведение проблемы "босый" к цвету шерсти у волка – светлый, беловатый, после весенней линьки и потому "стремительно" передвигающийся – ведет все к тому же реальному комментарию [1. Т. 1. С. 225], (см. также: Л.В. Соколова [1. Т. 5. С. 199]). Попытки понять символическое значение образа значительно больше соответствуют поэтике "Слова". О.В. Творогов выделяет мнение исследователей, начиная с В.А. Гордлевского, считавших, что в термине "босый" отразился не столько цвет, "как теперь в тюркских языках", но "уже утраченный тотемистический смысл", что термин "босый" мог восприниматься как «синоним слов "священный", "таинственный"» [1. Т. 1. С. 224]. Древний культ волка у тюркских народов широко известен.

В статье "Гусь" (О.А. Белоброва) приемы реального комментирования явно преобладают [1. Т. 2. С. 75]. Ни у О.А. Белобровой, ни у О.В. Творогова, автора статьи "Лебедь", не возникает сомнений, что в "Слове" "речь идет о прозаической охоте князя-беглеца...", хотя, добавляет О.В. Творогов, действия Игоря «описаны в форме ...образной антитезы "сокол-лебедь"» [1. Т. 3. С. 134]⁴. В статье "Гусь" справедливо критикуется "тотемизм" Г.В. Сумарукова и говорится о недооценке символического значения птиц, однако какие-либо толкования "гуся" в этом ключе не приведены. Зато есть рассуждения о том, каким способом Игорь бил птицу ("простыми палками" – Н.В. Шарлемань, или из луков – Г.В. Сумаруков) [1. Т. 2. С. 75].

Нам представляется, что названные статьи (за исключением статьи "Волк") ориентированы исключительно на реальное комментирование и не содержат поэтического осмысления приведенного фрагмента. Хотелось бы заметить, что все описание побега Игоря из плена по своему образному строению фольклорно-литературно, и прежде всего это относится к изображению многочисленных превращений князя в разных

⁴ Заметим, что большая часть статьи О.В. Творогова посвящена очень интересному описанию иных примеров "лебединой" символики "Слова".

животных. Былинный герой, князь Волх Всеславич, как известно, учился "обвертываться" соколом, волком, туром, оборачивался он и *горностаем* [12. С. 33, 35]. В былине об Иване Гаденовиче читаем: "Скоро он вражду чинил: / Обвернется гнедым туром, / Чистыя поля туром перескакал, / Темныя леса сободем пробежал, / Быстрыя реки соколом перелетал" [12. С. 80].

Перед комментатором, например, должен вставать вопрос: почему в "Слове" в данном фрагменте *гоголь* назван *белым* и вкладывал ли Автор в это определение особый смысл? Реальный комментарий способен только констатировать, что гоголь – птица отнюдь не белая и что "среди современных названий птиц такого названия нет" [13. С. 39]. Предложить сейчас какое-либо решение мы не можем, но хотели бы обратить внимание на то, что в былинах неоднократно упоминается "ярый гоголь", причем "ярый" толкуется как "белый, светлый" [12. С. 484]. "Ярый гоголь" сравнивается или с кораблем [12. С. 65, 91], или в былине о Садко – с пущенными по воде "жеребьями" [12. С. 179]. Еще раз в "Слове" в ситуации, лишенной такого специфического момента как оборотничество, упоминается уже *не белый*, а просто гоголь, который наряду с другими птицами стережет покой князя Игоря. Нам представляется неудачным категорическое суждение Л.В. Соколовой: «Прилагательное "белый" не имеет в "Слове" символического значения...». Естественно, и объяснение интересующего нас места идет в том же русле: «В "Слове" "белый" встречается всего два раза как *простое цветообозначение*: [...] "*бѠльмь* (курсив наш. – М.Р., Л.С.) гоголемъ» [1. Т. 5. С. 198]. Данное утверждение не выдерживает критики ни с точки зрения данных реального комментария, ни явно символического контекста, в котором функционирует *белый* гоголь. Чудесному бегству Игоря из плена соответствуют и необычные животные, в число которых попадает и *белый* гоголь.

Что же касается "прозаической охоты", то и она имеет прозрачные параллели в былинах. В достаточно близкой по образной форме былине о Волхе Всеславиче: "Он обвернется ясным соколом, / Полетел он далече на сине море, / А бьет он гусей, белых лебедей, / ... А поил-кормил дружинишку хораброу" [12. С. 34]. Кстати, небезынтересна и возможная параллель к "полетъ соколомъ подъ мъглами": "Обвернется Вольх ясным соколом, / Взвился он высоко по поднебесью, / Полетел он далече во чисто поле..." [12. С. 35].

К сожалению, в энциклопедии не нашла отражения интересная попытка целостного прочтения данного фрагмента, предложенная Н.С. Демковой на основе «не историко-героической, эпической, а на мифологической – за счет использования мотивов "богатырской сказки"» [14. С. 102]. Опираясь на положения В.Я. Проппа, Н.С. Демкова полагает, что "бегство из плена уподоблено выходу героя сказки (мифа) из смерти" [14. С. 103]. Мы же думаем, что бегство князя Игоря по своему типу укладывается в поведение эпического героя с присущим тому мотивом оборотничества. Выскажем также осторожное предположение, что предшествующие фразы "Слова" – "князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава..." – возможно соотносить со словами о вороже из былины об Иване Гаденовиче: "Скоро он вражду чинил...", и Волхе Всеславиче: "А стал он, Вол(ь)х, вражду чинить..." [12. С. 34]. Косвенным подтверждением нашего осмысления описания бегства Игоря из плена является начало всего фрагмента: "Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мѣрить отъ Великаго Дону до Малагао Донца". Желание исследователей "поверить географией поэзию" имеет место и в этом случае. Изысканиям по поводу того, что такое Малый Донец, много внимания уделил Б.А. Рыбаков. О.В. Творогов в статье "Донец" полагает на основании летописных сообщений, что в данном случае контекст "Слова" представляется "более определенным" именно в русле историко-географическом [1. Т. 2. С. 135]. Если реально комментировать конец фразы, то так же реально следует интерпретировать и ее начало. Между тем в ней представлена фантастическая картина: Игорь одновременно и "спит", и "бдит". В этих описаниях состояния Игоря мы вновь можем усмотреть фольклорно-литературную параллель из уже упоминавшейся былины о Волхе Всеславиче: "Дружина спит, так Вольх не спит: /

Он обернется серым волком" [12. С. 33–34]. Игорь в ситуации, предшествующей превращению в того же волка, сам и спит, и не спит. Автор создает образ необъятного пространства, которое предстоит преодолеть Игорю как эпическому герою. Для обозначения условных границ этого пространства Автор использует названия реальных рек, но переводит их в поэтический план. Не случайна метонимическая соотнесенность понятий "малый" – "великий", "Дон" – "Донец". Следует заметить, что определения "малый" и "великий" не являются составной частью названия рек. Нужно ли в километрах вычислять расстояние между Доном и Донцом, как это обычно делается, если уже через две строки в "Слове" возникает описание чудесного избавления Игоря из половецкого плена? Формула "от великого Дона до малого Донца" имеет эпический характер и относится к области поэтической географии "Слова", как, например, и то, что Ярославна собирается полететь на Каялу "зегзицей" по Дунаю.

Статья, посвященная "зегзице", вокруг которой продолжают споры о том, кто это – кукушка или какая-либо из разновидностей чайки, фиксирует лишь два употребления слова "зегзица" (в форме "зогица") в памятниках древнерусской литературы: это кочующие из комментария в комментарий цитаты из "Моления" Даниила Заточника и "Задонщины". Не учитывается уже более десяти лет назад введенный в научный оборот еще один пример (в форме "загозица") из "Казанской истории", на наш взгляд, принципиально важный. Овдовевшая и плененная казанская царица Сумбека и ее придворные дамы оплакивают свою горькую участь: они "яко [...] загозицы жалобно плачевныя гласы горкия во весь градъ испущаху" [15]. Литературные персонажи Ярославна и Сумбека находятся в сходной ситуации. Толкование "зегзица" как "чайка" является попыткой прочтения текста, опирающейся на внелитературный биологический буквализм, ведь смысл метафоры не в том, что Ярославна собирается полететь над рекой, а в изображении ее в состоянии печали и горя.

Проблема выявления и интерпретации христианских и особенно языческих элементов в "Слове" давно занимала исследователей. Рассмотрение этих сюжетов в энциклопедии могло бы стать предметом специальной рецензии. Мы хотели бы остановиться только на некоторых толкованиях, связанных с фигурой Бояна. Нам представляется, что чрезмерное сближение вплоть до включения его творчества в *языческую* традицию неоправдано. Этой проблеме посвящены размышления Л.В. Соколовой, анализирующей зачин "Слова".

В свое время Д.М. Шарыпкин, пытаясь соотнести поэзию Бояна со скальдической традицией, выдвинул положение о том, что "в зачине он (Боян – М.Р., Л.С.) как песнотворец охарактеризован – в метафорическом смысле – формулой тройственного превращения" и что "эта формула выражает архаическое представление о творчестве как волховании, сверхъестественном знании" [16]. Опираясь на это мнение, Л.В. Соколова полагает: «В таком случае формула тройственного превращения Бояна истолковывается как шаманское путешествие Бояна [...] Такое толкование образа Бояна подтверждается тем, что и в *других фрагментах* (курсив наш. – М.Р., Л.С.) "Слова" он выступает как обладатель сверхъестественных способностей (см., например, эпитет "вещий"), как шаман, волхв, основной функцией которого было посредничество между людьми и сверхъестественными силами – богами и духами» [1. Т. 3. С. 295]. Аналогичное положение высказано Л.В. Соколовой и в статье "Песнотворец" [1. Т. 4. С. 91]. Для более подробного ознакомления «с какой целью автор "Слова" характеризует Бояна как языческого певца-шамана», Л.В. Соколова отсылает читателя к своему исследованию [17], в котором она высказывает определенное и достаточно смелое положение: "Боян, следуя традиции языческих певцов и, видимо, сам будучи языческим певцом (курсив наш. – М.Р., Л.С.), несмотря на то, что жил в XI в., спел бы Игорю нечто однозначное..." Автор мотивирует свое утверждение тем, что "языческие представления, обычаи, образы жили еще много веков после принятия в Киеве христианства" [17. С. 71].

Чтобы наша оценка подобных построений не выглядела голословной, мы считаем необходимым напомнить, что абсолютно *все* известия о Бояне имеют своим источником только текст "Слова". Мы располагаем развернутым *описанием* игры и пения Бояна, насыщенным символами, метафорами и сравнениями, двумя фрагментами кратких запевов – *подражаний* Бояну и двумя "припевками", которые традиционно считаются прямыми *цитатами* из Бояна⁵.

Мы полагаем, что чрезмерное увлечение сближением *несохранившегося* творчества Бояна с *несохранившимся* же творчеством певцов-язычников неоправдано. Можно лишь констатировать, как это уже сделал М.Д. Шарыпкин, что, рассуждая о Бояне, Автор воспроизвел сформировавшееся еще в языческие времена "архаическое представление о творчестве как волховании". Ни в каких "других фрагментах" "Слова", вопреки мнению Л.В. Соколовой, мы не обнаружим ничего, что давало бы какие-либо основания считать, будто Боян в них действует "как шаман, волхв". Однако, обратившись к тексту "Слова", действительно можно с высокой степенью вероятности решить вопрос о том, был ли Боян "языческим певцом" или христианином. В "припевке", которую "вещьй Боянь" посвятил Всеславу Полоцкому, сказано: "Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда *Божія не минути!*". Таким образом, цитата бесспорно содержит *христианскую сакральную формулу*, наличие которой у Бояна никакими изысканиями в области язычества объяснить невозможно.

Тема поэтического отражения языческого наследия и, в частности, оборотничества, как известно, примером с Бояном не исчерпывается. Нам представляется методологически важным отметить определенную закономерность в том, как последовательно Автор вводит христианскую топику во все сюжеты, связанные с оборотничеством русских князей. Так, первая фраза в описании бегства Игоря из плена начинается словами: Игореву князю *Богъ* путь кажетъ...". Фрагмент же о том, как Всеслав Полоцкий "великому Хрьсови влькомъ путь прерыскаше", продолжается словами: "*Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша*". Таким образом, тема оборотничества – литературный прием, Автор лишь *изображает* творческую манеру Бояна и необычное поведение князей, его герои – добрые христиане, а не практикующие язычники.

Обратившись к уже привлекавшимся нами былинам, нетрудно заметить, что их эпические герои так же, как исторические герои "Слова", безусловно, принадлежат к миру христианскому. Еще до своих волшебных превращений Иван Гаденович "Спасову образу молится..." [6. С. 7], а Волх Всеславич идет в поход на "Индийское царство" в ответ на похвальбу его царя разорить Киев, "а божьи церкви на дым спустить / И почестны монастыри розарить" [6. С. 33].

Предлагая сводку научных суждений, гипотез, догадок, энциклопедия позволяет заметить, что они имеют тенденцию повторяться, не состоя при этом в прямой зависимости друг от друга; одновременно труд предоставляет возможность установить, какому исследователю принадлежит приоритет в выдвигании той или иной идеи. В качестве примера можно привести историю толкования слова "папороз", для которого, как указывает А.Г. Бобров в соответствующей статье, было предложено три конъектуры: "паперси" – верхняя часть брони (Ф.И. Буслаев, В.Н. Петец); "паропци (паробци)" – младший член дружины (А.С. Орлов, Д.С. Лихачев); "паворзи" – вариант, предложенный Ю.М. Лотманом, хотя еще Д. Дубенский и О. Гонсировский писали о возможности такой конъектуры. Однако давние работы последних двух авторов могли быть Лотману неизвестны, исследовательская мысль подчас движется типологически сходными путями. Согласно Лотману, «"железные паворзи" – это чешуйчатые ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку» [1. Т. 4.

⁵ Настойчивые попытки раскрыть в тексте "Слова" пласт каких-либо других "цитат" из песенного творчества Бояна [18] неудачны и грешат дилетантизмом [см. 19].

С. 12]. Попутно заметим, что словосочетание "павороз железный" встречается в сочинении "Страсти Христовы" вместе с толкованием – цепь: "Воини же жидовьстии емше Иисуса и связаша ему руже назад и на шию его святую возложиша павороз великий железный еже есть цепь и начаша бити его немилостивно". В лицевой рукописи на акварельной миниатюре изображен Христос, через плечо которого перекинута цепь с утолщением (рукопись 80-х годов XVIII в. [20], на нее наше внимание обратил А.Г. Бобров).

Авторы энциклопедии берут на себя задачу изложения чужих точек зрения, но при этом не всегда адекватно их отражают. Удобнее это показать на примерах наиболее нам близких. Не углубляясь в существо проблемы, связанной с толкованием образа из "золотого слова" Святослава "сокол в мытех", которой мы посвятили специальную работу [21], с сожалением констатируем, что наши взгляды не вполне корректно изложены в статье "Сокол". Предлагаемое нами решение проблемы требует не "переосмысления" контекста "золотого слова", как пишет О.В. Творогов [1. Т. 3. С. 297], а, напротив, приведения образа сокола в мытех (в линьке) в соответствие с его контекстом.

Излагая различные мнения исследователей, Л.В. Соколова в статье "Солнце" [1. Т. 5. С. 24–27] значительное место уделяет полемике с работами А.Н. Робинсона о солнечной символике в "Слове" [22]. Мы не собираемся вдаваться в суть этой концепции, которая представляется многим исследователям спорной, и обратим внимание лишь на аргументированность полемики. Итак, Л.В. Соколова пишет: «А.Н. Робинсон объясняет уподобление в поэме князей солнцу тем, что солярный культ мог иметь глубокие традиции в истории рода Ольговичей на том основании, что многие князья этого рода умирали естественной или насильственной смертью либо до, либо после солнечного затмения. Признать это мешает тот факт, что метафора "князь-солнце" использовалась в древнерусской литературе не только по отношению к Ольговичам: и смерть любого князя могла сопоставляться с солнечным затмением (примеры см.: Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 89)» [1. Т. 5. С. 25].

Сутью концепции А.Н. Робинсона отнюдь не является попытка объяснить чем-либо уподобление князей солнцу. В его статье присутствуют и интерпретируются *все цитаты* из произведений древнерусской литературы, помещенные и в книге В.П. Адриановой-Перетц, на которые указывает Л.В. Соколова. Между тем попытка Л.В. Соколовой опереться на те же цитаты как на подтверждение ее собственного суждения о том, что "*смерть* любого князя могла сопоставляться с *солнечным затмением* (курсив наш. – М.Р., Л.С.)" вызывает недоумение. Приведенные В.П. Адриановой-Перетц материалы свидетельствуют только о том, что уподобления князей солнцу "в летописи связаны с представлением о *смерти князя как заходе солнца*" (курсив наш. – М.Р., Л.С.) [23]. Далее следует отсылка к Ипатьевской летописи, где под 1179 г. читаем: "Уже бо солнце наше зайде...", и та же цитата под 1288 г. Таким образом, книге известного ученого приписывается информация, в ней отсутствующая.

Далее Л.В. Соколова приводит еще два аргумента, долженствующих доказать, что солнцу уподобляются в "Слове" "все князья, а не только Ольговичи". Во-первых, это употребление эпитета "златой", во-вторых, «княжеский род в целом называется в Слове "Дажь-Божьим внуком"». Если золото и "устойчивый символ солнца", то золотые стремяна и шлемы к солнцу имеют весьма отдаленное отношение, это уже символы дружинно-княжеские. А доказательство второго положения само является лишь одной из гипотез.

Л.В. Соколова, описывая действия солнца в "Слове", подчеркивает, что "на парадоксальный образ – солнце как источник тьмы обратил внимание Б. Гаспаров" [1. Т. 5. С. 26]. Исследовательница, очевидно, не заметила того, что этот сюжет подробнейшим образом разработан в рамках той концепции, с которой она ведет дискуссию. А.Н. Робинсон в работе 1978 г., опубликованной шестью годами ранее труда Б. Гас-

парова 1984 г., писал: «Отрицательная тема "тьмы", исходящей, однако, от "светлого" солнца, проходит сквозь повествование в различных модификациях...»; солнце «"светлое", но действует "тьмою"...»; «солнце выступает в качестве единого источника "тьмы" и "света"...» [22. С. 48, 51, 54].

Заметим, кстати, что отнесение Л.В. Соколовой "багряных столпов" к "ложным, миражным небесным светилам" без объяснения того, какое же небесное явление имеется в виду под этими столпами, вызывает большие сомнения в правомерности подобного сравнения.

Нам бы хотелось видеть более определенную реакцию авторов статей энциклопедии на до недавних времен модные, а ныне весьма архаичные взгляды на проблему "народности" "Слова", его Автора и некоторых персонажей. Следовало бы вывести из анализа категорию "народности" (в классовом понимании), не несущую в себе никакого смысла, кроме положительной оценки. К отдельным недочетам энциклопедии следует отнести отсутствие статей о некоторых исследователях "Слова", таких, например, как И. Кляйн, Р. Пиккио, В.М. Григорян; несообразность объемов статей-персоналий, так, неправоммерно завышенными представляются нам статьи о Е.И. Бобровой, М.И. Горецком, Е.И. Де-Витте, Н.С. Державине, Г.Ф. Карпунине, А.А. Косорукове, А.Л. Никитине, В.И. Невском, В.А. Чивилихине на фоне кратких статей о Н.А. Баскакове, И.Г. Добродомове, С.И. Коткове, К.Г. Менгесе (заметим, что меньше всего повезло серьезным исследователям, особенно востоковедам-тюркологам); кстати, об ориентализмах в "Слове" написано в энциклопедии скупое и, по-видимому, стоило бы привлечь специалистов; статья о Р.О. Якобсоне нам представляется неудачной, при отсутствии аналитического подхода ее содержание ограничено краткой формальной библиографией; в отношении одних ученых имеются указания на то, что они были репрессированы, а о других такие указания отсутствуют, в частности, это касается В.Н. Перетца, М.Н. Сперанского, Г.И. Ильинского, В.Ф. Ржиги – все они проходили по так называемому "делу славистов" 1934 г.; неточно передана фамилия известного средневекового немецкого поэта Вальтера фон дер Фогельвейде [1. Т. 3. С. 299]; к сожалению, встречаются опечатки: в публикуемом здесь тексте "Слова": "постала за обиду Олгову" вместо "постла за обиду Олгову" [1. Т. 1. С. 10]; вместо XVIII в. – XVII в. [1. Т. 4. С. 259]; охотничий термин "гнездарь", обозначающий молодую птицу (сокола), еще не успевшую вылететь из гнезда, отнесен почему-то к разряду "языковых изощренностей" и "неологизмов" [1. Т. 5. С. 93].

Энциклопедия фиксирует современный уровень изученности памятника. Каждый занимающийся "Словом" и тот, кто впервые обратится к этому произведению в будущем, должны знать историографию разрабатываемой ими проблемы, чтобы полнее и лучше оценить сделанное и правильно наметить дальнейшие пути исследования. Энциклопедия послужит им отправной точкой в изучении "Слова". Нет сомнения в том, что она станет настольной книгой и специалистов, и просто почитателей "Слова".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедия "Слова о полку Игореве" / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1995. Т. 1–5.
2. Булахов М.Г. "Слова о полку Игореве" в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1989.
3. Сборник ответов на вопросы по литературоведению (IV Международный съезд славистов). М., 1958. С. 26.
4. Рыбаков Б.А. "Слова о полку Игореве" и его современники. М., 1971. С. 84.
5. Греков Б.Д. Автор "Слова о полку Игореве" и его время // Историк-марксист. 1938. Кн. 4 (68). С. 12.
6. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978.
7. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Л., 1978. Вып. 5. С. 158.

8. *Лихачев Д.С.* Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978. С. 86.
9. *Яценко Б.И.* Кто такой Борис Вячеславич "Слова о полку Игореве"? // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 31.
10. *Васильев М.А.* Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. 1987. М., 1989.
11. *Жоффруа де Виллардуэн.* Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984. С. 204.
12. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
13. *Сумаруков Г.В.* Кто есть кто в "Слове о полку Игореве". М., 1983. С. 39.
14. *Демкова Н.С.* Проблемы изучения "Слова о полку Игореве" // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980.
15. Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. С. 64; Памятники литературы Древней Руси. Середина XIV века. М., 1985. С. 412.
16. *Шарыпкин Д.М.* Боян в "Слове о полку Игореве" и поэзия скальдов // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 31. С. 16.
17. *Соколова Л.В.* Зачин в "Слове о полку Игореве" // Исследования "Слова о полку Игореве". Л., 1986.
18. *Никитин А.Л.* Обнаружен новый архаический пласт в "Слове о полку Игореве" // Обзор. София, 1984. № 67.
19. *Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* Несостоявшееся открытие "поэмы" Бояна и "Слова о полку Игореве" // Исследования "Слова о полку Игореве". Л., 1986.
20. Древлехранилище Института русской литературы РАН, Северодвинское собрание. № 883. Л. 53 об. – 54.
21. *Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* Новый опыт комментирования "Слова о полку Игореве" (фрагмент "сокол в мытеть") // "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования. М., 1988.
22. *Робинсон А.Н.* Солнечная символика в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978.
23. *Адрианова-Перетц В.П.* "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 89.

© 1997 г.

КНИГА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН¹

"Круглый стол" на эту тему стал продолжением конференции "Книга в пространстве культуры", состоявшейся в Институте славяноведения и балканистики РАН в 1995 г., тезисы которой были предварительно опубликованы [1]. Общая задача проекта, в рамках которого прошли эти научные мероприятия, состоит в междисциплинарном исследовании функционирования книги в культурно-историческом пространстве разных эпох, что включает в себя анализ культурно-коммуникативной и социальной функций книги, а также рассмотрение феномена книги как формы, вещи и образа, включая использование книги как знака в других сферах культуры и искусства. В выступлениях акцент делался на историко-культурной специфике феномена книги в разных социумах, что при достаточно широком спектре затрагивавшихся конкретных явлений книжной культуры позволяет выявить некоторые особенности "книжной парадигмы" Нового времени.

СОКОЛОВ М.Н. «Обновление парадигмы "вселенской книги" в эпоху Ренессанса». Ренессанс дает новый тип сопряжения в одном художественном образе вербального и визуального начал. В чем именно состоит это новое? Неверно было бы считать, следуя афоризму В.Гюго, что в постгутенберговские века книга просто-напросто "убивает здание", т.е. что текст вытесняет и дезавуирует рукодельное произведение, тайны средневекового ремесла. Реальный процесс значительно сложнее.

Всегда в истории человеческой культуры книга (до возникновения книги-кодекса, в виде свитка или же совокупности пиктографических знаков) играла выдающуюся роль в процессе иконографического самоопределения мировых цивилизаций, олицетворяя собою космос, постигаемый сознанием в грандиозной всеобщности (образ апокалиптических небес, свертывающихся как свиток, или же каббалистическое предание о том, что "тот, кто плохо читает Тору, разрушает вселенную").

Ренессанс, даже с чисто статистической точки зрения, беспрецедентно умножает число книг в искусстве, что во многом связано с бурным ростом книгопечатания. Это проявляется и в атрибутике образов в целом, и в особом роде "книжных натюрмортов брэнности", и в такой, казалось бы, частной, но поражающей своим новаторством детали, как так называемый Rollwerk или "короблёный орнамент", где звенья, паттерны узора вправляются в рамки, напоминающие загибающиеся,

¹ В работе "круглого стола", состоявшегося в Институте славяноведения и балканистики РАН 30 апреля 1996 г., приняли участие сотрудники института д-р филол. наук В.И. Злыднев, Ю.И. Ритчик, канд. ист. наук Г.П. Мельников, а также сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств д-р искусствоведения М.Н. Соколов. Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 96-04-3311). Материалы "круглого стола" подготовил Г.П. Мельников.

"короблённые" края свитка; тем самым архитектура и предметы декоративного искусства, им украшенные, обретают дополнительную "книжность", т.е. иллюзию затейливой визуальной вербальности.

Если же говорить не о статистике мотивов, но о новом иконологическом ракурсе в целом, то следует отметить формирование специфического понимания темы, которое занимает особую нишу, соприкасаясь с древнеязыческой и средневеково-христианской космичностью. Наиболее интересным для творческого, равно как и для воспринимающего, сознания становится не книга как сакральная данность, а *книга как процесс*, процесс угадывания разноуровневых смыслов, придающий всему картинному (собственно, любому художественному) пространству поистине фабульную увлекательность. Если прежде, в древности и Средневековье, для того, чтобы "перелистать" смыслы, требовалось крайне строгое, ритуально-жреческое руководство, то теперь любой гуманистически подготовленный человек мог войти в картинный текст, одновременно любуясь и обучаясь. Новая "эстетическая приманка", возникшая в результате обособления искусства как суверенного фактора культуры, сделала живописную картину радушно-открытой.

Необходимо учесть следующие условия такого "входа". Во-первых, это пронизывающий весь Ренессанс эффект *межэстетического эха*, беспрецедентно усилившегося взаимообщения и взаимообратимости всех видов искусства. С невиданной интенсивностью в литературе и изотворчестве воплощается гораццианский девиз "ut pictura poesis" ("поэзия — как живопись"), предполагающий теснейшее вербально-визуальное общение. В результате масса литературных текстов обращается в открытые или скрытые экфразы, т.е. описания реальных или воображаемых произведений пластических искусств. С другой стороны, специфическая витиеватая фабульность, затейливая острота сюжета-символической интриги предопределяет теперь структуру всех видов творчества — от мелких декоративных предметов до грандиозных градостроительных комплексов.

Второй важный фактор — самозабвенная любовь Ренессанса к *эмблеме*, распространяющейся и в специальных "книгах эмблем", и, что еще важнее, в виде значимых деталей-"вставок" во все виды изотворчества и архитектуры. Рассчитанная (в отличие от средневекового символа) не на соборное, но на индивидуально-личностное восприятие, эмблема служит дорожным указателем в процессе воспитательного путешествия в образе — в равной мере нацеливая зрителя на распознавание как "добрых", так и "злых" символических нюансов. Зритель имеет возможность самостоятельно "считывать" произведение, получая информацию не в виде каких-то голых рациональных формул, а как эстетическое переживание, внутри которого восприятие эмблемы (подобно восприятию символической буквы или маргинального знака в рукописи) естественно сочетается с восприятием основного художественного текста, не перебивая последний, тогда как позднее, в особенности в нашем веке, скрытый символ зачастую как бы взрывает текст, изнутри разоблачая его. Благодаря такого рода сочетанию концентрированно-значимых (т.е. эмблематических) и всех прочих — не менее чреватых смыслом, но не столь нарочито-дидактичных — деталей и форм, ренессансное произведение уподобляется книге, чтение которой в принципе можно начинать с любой страницы, если правильно усвоена общая программа (как в современном видеодиске).

Соотношение центра и периферии здесь радикально меняется. По отношению к строго центрическому Средневековью Ренессанс в своих семантических полях не делает принципиального различия между центром и маргиналиями; высшие истины могут тут быть выражены под самыми банальными обличиями. Так, чешский автор XVII в. Богуслав Бальбин утверждал, что "нет ничего под солнцем, что не могло бы стать материалом эмблемы".

Исследуя аналогии между картиной и книгой, следует также постоянно учитывать *риторику* и *мнемонику* — специальные античные дисциплины, обретшие сейчас новую популярность. Вся эстетика Ренессанса, последовательно интел-

лектуализирующаяся, любующаяся самим "эйдетизированным" в картине процессом мышления, особо ценит дар красноречия, равно как и науку тренировки памяти, которые наглядно проявляются в картинах, архитектуре и в бытовых декоративно-прикладных вещах, например, в печных изразцах с эмблематическими нравоучениями. Поэтому столь уместными тут кажутся слова Цицерона о риторике ("Об ораторе", II), формирующие "активные образы, спешащие навстречу душе и быстро проникающие в нее". Можно ли придумать определение, более пригодное для произведений Ренессанса и менее пригодное для большинства средневековых произведений, отнюдь не "спешащих" навстречу публике.

Итак, благодаря межэстетическому эху, эмблематике, риторике и мнемонике художественное произведение, самоопределяясь, выступает на равных правах с книгой и, более того, увлеченно соревнуется с ней за звание наиболее интеллектуального вида творчества. Обилие книг в иконографии — знаменательный симптом. Визуально-пластическая сфера культуры начинает деятельно "поглощать" печатное слово, пока последнее, уже в нашем веке, не займет отчетливо подчиненное положение. Вспышка "галактики Гутенберга" (М. Макклюзн) оказывается, таким образом, знаменем сравнительно близкого — с точки зрения вечности — ее конца.

МЕЛЬНИКОВ Г.П. "Чешская книга эпохи барокко в концепции М.-Э. Дюкрэ". В работах современной французской исследовательницы Мари-Элизабет Дюкрэ обозначился принципиально иной, по сравнению с традиционным, подход к функции книги в культуре чешского барокко [2]. Дюкрэ несколько лет руководила Французским институтом общественных наук в Праге, ныне она возглавляет парижский Centre de Recherches Historiques EHESS. В Праге она интенсивно работала в архивах и старых библиотечных фондах, интересуясь документами по истории рекатолизации Чехии в XVII—XVIII вв. Придя к выводу, что существенной частью рекатолизации стала книжная политика, исследовательница стала изучать книжный репертуар эпохи, способы чтения и отношение к книге как к гипотетическому источнику ереси. В результате возникает широкая социо-культурная панорама, доминантой которой оказывается проблема книги и чтения.

Чехи в эпоху барокко очень любили читать. Но поскольку католических книг было мало, читали старые (XVI в.), поэтому каждый книголюб неизбежно подозревался властями в ереси. Любовь к книге и чтению Дюкрэ определяет как многозначный топос. В нем она выделяет ряд аспектов. Книга является материальным носителем идеи, поэтому чешский читатель XVII—XVIII вв., воспринимая саму идею, не дифференцировал разноуровневые тексты. Так, народное сознание не различало Библию и богословские тексты, ее комментировавшие, поэтому происходило смешение сакральных текстов и религиозно-конфессиональных. Любые толкования Священного Писания, будь они протестантскими или католическими, воспринимались как тексты о "божественном". В этом смысле народное религиозное христианское сознание было внеконфессиональным. Это, очевидно, хорошо понимали инквизиторы, поскольку они в Чехии выработали новое отношение к еретикам, считая таковых обманутыми "плохими" книгами необразованными простаками, которые, однако, кое-что знают, поэтому ведут споры о вере. В связи с этим возник ряд проблем, связанных с отношением к тексту. Прежде всего это проблема соотношения чтения книги самим человеком и слушания чтения или пересказа. Наибольшему наказанию подвергался читающий публично, ибо он способствовал распространению ереси, "совращал" простецов. Четко обозначаются такие дефиниции, как книги правильные ("хорошие") и неправильные ("плохие"), т.е. католические и протестантские. Тем самым качество книжных текстов становится синонимом их конфессиональной принадлежности. Устанавливается и обратная логическая зависимость: католическая книга — значит хорошая. В сущности понятие качества текста становится равно его идейному содержанию. В чем привлекательность для читателя запрещенных "плохих" книг? Ответ отцов-иезуитов универсален для всех эпох: такие книги нравятся прежде всего потому, что они

запрещенные. Здесь решающую роль играет сам фактор запрета, тайны. Проблема качества текста вновь сводится к социо-идеологической функции книги. Исходя из этого католическое духовенство в Чехии стремилось десакрализировать переводы Библии на чешский язык. Очень важно наблюдение о том, что читатель отождествлял себя с текстом, как бы присваивал его. Поэтому грамотей для дела рекатолизации был опаснее невежды. Недаром в обществе укрепилось мнение, что если неграмотный — то католик, если начитанный — то скрытый еретик. Общехристианское отношение к книге, когда она рассматривается лишь как инструмент интериоризации правды, проявилось и в эпоху рекатолизации Чехии. Особо строго преследовались не читатели "плохих" книг и даже не их распространители, а те люди, которые, отстаивая протестантизм, уже не нуждались ни в каких книгах, поскольку считали себя боговдохновенными пророками или мучениками за веру. У них происходило освобождение от материального отношения к тексту, они сами становились как бы воплощенными книгами, точнее говоря, идеями этих книг. От себя замечу, что подобное отношение к книге вошло в плоть и кровь культуры европейского типа. Это замечательно демонстрирует футурологическая антиутопия "451° по Фаренгейту" Р. Бредбери и ее экранизация, сделанная Ф. Трюффо, где живые люди буквально становятся воплощенными книгами. Интериоризация текста, трактуемого как "правда", позволяет использовать книгу как средство обращения в веру, поэтому в процессе рекатолизации Чехии книжная политика постепенно трансформируется от преследования и запрета старых книг к сочинению и изданию новых, сугубо католических по духу, что дает к середине XVIII в. свои плоды — расцвет чешской простонародной литературы. Таким образом отношение к книге было осью процесса рекатолизации, что позволяет говорить не о падении книжной культуры, а об изменении самого типа этой культуры в барочной Чехии. Это утверждение составляет основу рассматриваемой концепции М.-Э. Дюкрэ.

ЗЛЫДНЕВ В.И. "Книга в болгарской культуре эпохи национального возрождения". В этот период культура печатной книги в Болгарии за короткий исторический период проходит, причем очень интенсивно, большой путь развития. Первой печатной книгой в Болгарии явился сборник видного болгарского просветителя Софрония Врачанского "Кириакодромион, сиречь Недельник", который был напечатан на территории современной Румынии (в Рымнике) в 1806 г. Он включал около ста проповедей и поучений религиозного характера, предназначенных для недельных и праздничных чтений в болгарской церкви. В них выражались и просветительские идеи, благодаря чему "Недельник" по своему содержанию стал книгой переходного характера от Средневековья к Новому времени и пользовался популярностью у болгар, о чем свидетельствуют его переиздания в эпоху национального возрождения и после освобождения Болгарии от османского ига.

В последующие за изданием сборника два десятилетия вышло лишь 13 книг: молитвенники, наставления, чудеса Богородицы, а также три светские книги — болгарские буквари, из которых самым знаменитым стал "Букварь с различными поучениями" Петра Беровича (Берона), напечатанный также в Румынии (в Брашове) в 1824 г. За изображение в конце книги дельфина и кита в народе книгу называли "Рыбный букварь". По содержанию это была полностью светская книга, написанная на разговорном языке. Она выполняла функцию учебно-просветительского издания и предназначалась в первую очередь для обучения и воспитания детей. В "Букваре" содержались не только элементарные сведения о болгарском языке, арифметике, объяснения естественно-научного характера о животных, птицах, рыбах, но и различного рода советы, наставления, басни, афоризмы и поучения античных мудрецов. П. Берон при составлении "Букваря" использовал опыт греческих и европейских учебных пособий, утверждая у юных и взрослых читателей рациональное сознание. "Букварь" пользовался огромной популярностью и до середины 1860-х годов выдержал пять изданий. Видный болгарский просветитель И. Богоров писал, что "Букварь" этот воспринимался в Болгарии как "драгоценный дар" и многие взрослые

"проникались ревностью ввести его в школу", а писатель И. Блысков вспоминал, что в середине века даже в сознании малообразованных людей "Букварь" "сделал переворот", и потому многие новые учебные пособия следовали ему "по духу и направлению".

С середины 1830-х годов в связи с появлением школ современного типа, а позднее и образованием библиотек-читален число печатных книг резко возрастает. К концу 1860-х годов в Болгарии появилось уже более 170 книг — религиозных, учебных, просветительских, сборников народного творчества, оригинальных и переводных художественных произведений [3]. Взрыв интереса к болгарской печатной книге был связан с ростом общественно-хозяйственной жизни в стране, подъемом торговли, формированием национального сознания и огромным интересом болгар к образованию, развитию своей периодической печати. И. Блысков писал, что в середине XIX в. книга для болгарина была "предметом священным", наступать на нее было таким же большим грехом, как наступать на хлеб. Рождался культ книги, она выполняла огромную роль в развитии национально-патриотического и гражданского сознания. До конца национального возрождения вышла уже 1871 книга.

Издание и распространение болгарской книги было занятием дорогим и трудным. Не было своих типографий, условия чужеземного ига не давали возможности развития своих изданий. В 30—70-е годы XIX в. в Болгарии существовало лишь две типографии — в Самокове и Пловдиве. Они выпустили не более двух-трех десятков книг. Основная масса болгарских книг разного содержания печаталась в Стамбуле; в румынских городах — Бухаресте, Брашове, Браиле; в сербских — Белграде, Нови Саде, Крагуеваце, а также в типографиях Будапешта, Вены, Лейпцига, Одессы, Москвы. Издания осуществлялись при значительной благотворительной поддержке богатых болгар — торговцев, предпринимателей, ремесленников, а также сельских и городских общин, школ, читален, народных обществ. Коллективных и персональных благотворителей называли дарителями, вспомоществователями, подписчиками. Нередко их имена указывались в издаваемой книге. Анализ списков вспомоществователей дает возможность представить географическую и социальную среду распространения болгарской печатной продукции. Вспомоществователи болгарских книг были из 1500 болгарских сел и городов, что охватывает практически всю территорию страны. Больше число вспомоществователей было среди жителей прибалканских крупных сел и небольших городков: Калофер, Карлово, Копривштица, Панагюриште, Казанлык, Котел, Елена. В них патриотический дух населения проявился с наибольшей силой. Если в селе или городке насчитывалось от 4 до 6 тыс. жителей, то вспомоществователей здесь было от 2 до 3—4 тыс., что практически означало, что каждый второй житель был вспомоществователем и активным читателем книги. Широкое распространение книга получила и в городах Пловдив, Плевна, Габрово, София, Видин, Сливен. Интересно отметить, что в Стамбуле, насчитывавшем в 1860-е годы около 30 тыс. болгар, было примерно 12 тыс. вспомоществователей.

Какие же книги имели наибольшее число вспомоществователей, т.е. какие из них пользовались наибольшей популярностью? Оказывается, что в 30—50-х годах XIX в. таковыми были буквари и грамматики, учебные пособия по арифметике и геометрии, по земледелию, истории и географии. До конца возрождения вышло около 100 букварей разного типа. В 50—70-е годы XIX в. болгарские читатели проявляли наибольший интерес к отечественной периодической печати, к оригинальной и переводной художественной литературе. Успехом пользовались сентиментально-романтические произведения и сочинения национально-патриотического содержания. Из болгарских авторов наибольшей известностью пользовались П.Р. Славейков, И. Блысков, Д. Войников, В. Друмев, Л. Каравелов, Х. Ботев. Читались стихи и повести, публицистические статьи и фельетоны. Из русских авторов в переводах были популярны повести А. Вельтмана и Н. Карамзина, "Недоросль" Д. Фонвизина, басни И. Крылова, стихи А. Пушкина. Из западноевропейских авторов в переводах

распространялись романы Э.Сю. Ф. Фенелона, Д. Дефо, Х. Бичер-Стоу, пьесы Ж.-Б. Мольера, К. Шмида и др.

Таким образом болгарская печатная книга в эпоху национального возрождения была весьма разнообразна. Она выполняла важную роль в развитии образования, в формировании национального сознания, способствовала росту культуры, воспитанию художественного вкуса. Она стала важным фактором духовного развития нации.

РИТЧИК Ю.И. "Из истории русского библиофильства конца XIX — начала XX в.". Сначала необходимо уточнить соотношение таких понятий родственного ряда, как "книголюб", "библиофил", "библиоман", "библиофаг" и т.д. Я предлагаю ввести термин "библиофил творящий" для тех деятелей книжного мира (писатели, художники, издатели, меценаты), которые при создании книги (от замысла до тиражирования) ставят своей целью сделать каждый экземпляр *единственным* в смысле придания ему индивидуальных особенностей (нумерованные и именные экземпляры, различие графических шрифтов, особые типографские приемы и пр.). Тем самым библиофилы творящие, с одной стороны, создают неповторимые произведения книжного искусства, ангажируя для их создания самых различных "смежников", с другой стороны, они постоянно подпитывают родник книгособирательства — существеннейшей формы духовной деятельности, способствующей сохранению культурных ценностей. Лучшие образцы библиофильских изданий, вопреки тайно пестуемому мнению об их элитарности в смысле неполезности, полностью оправдывают закон единства содержания и формы, являют собой "пиршество глаза и ума" (А.А. Сидоров).

В русском книгоиздательстве появление такой ипостаси библиофильства относится к преддверию "серебряного века" и связано, в том числе, с именем замечательного историка русской литературы и библиографа П.А. Ефремова (1830—1907). Речь идет, в частности, об отпечатанных им среди обычных экземпляров изданного под его редакцией в 1885 г. И. Глазуновым шеститомного собрания сочинений В.А. Жуковского нескольких экземпляров на красной и зеленой бумаге специально для библиофилов, о чем говорится в его письме к Ф.И. Стравинскому — знаменитому певцу и страстному книголюбу [4].

Великолепные плоды русского библиофильства как суверенной формы художественного и духовного бытия, будь то издательская, коллекционерская или научная сферы, были органически связаны с общим высоким уровнем и достижениями многообразной русской культуры. Разлом 1917 г., изменивший всю Россию сверху донизу, вдоль и поперек, естественно, кардинально повлиял на библиофильство, символическим отражением судьбы которого стала судьба крупнейшего библиофила этой поры Дмитрия Васильевича Ульянинского (1861—1918). Интерпретация его вклада в русскую библиографическую науку и трагического ухода из жизни в исследованиях советского периода страдала по меньшей мере односторонностью, легко объяснимой, но тем не менее неприемлемой. Поэтому мы оспариваем, в частности, трактовку биографии и наследия Ульянинского, даваемую П. Берковым [5], который утверждал, что Ульянинский "заметного следа в истории русской библиофильской литературы не оставил" [4. С. 265]. Между тем практика московского книгособирательства свидетельствует о непререкаемом авторитете книг Ульянинского в деле оценки книжного наследия. Будучи малотиражным, его основной труд "Библиотека Д.В. Ульянинского. Библиографическое описание" (М., 1912—1915. Т. I—III. 1717 с.) был искомым справочником для государственных книгохранилищ, работников книготорговли, частных коллекционеров, так как помимо безупречных "технических" параметров того или иного издания подтверждал его общую культурно-историческую ценность. За следующие три четверти века у Ульянинского появился лишь один соперник в этом жанре, лучше сказать, соратник и последователь — известный деятель эстрады и неистовый библиофил Н.П. Смирнов-Сокольский, выпустивший в 1969 г. "Мою библиотеку", ставшую для новых поколений книголюбов настольной книгой-руководством.

Я категорически отвергаю попытку Беркова объяснить смерть Ульянинского как несчастный случай и развеять легенду об отмеченном перстом судьбы трагическом "мученике книги" [4. С. 266]. Наиграно удивление Беркова по поводу якобы бытующего упрека в том, что "в первые революционные месяцы советская власть не предоставила специальной квартиры для его ценной библиотеки" [4. С. 264]. Такого упрека никто никогда не высказывал, ибо все прекрасно понимали, что у советской власти в эти годы были куда более великие и неотложные задачи. Современники просто констатировали тот факт, что в феврале 1918 г. Ульянинский был "лишен советским правительством места и квартиры", которую, как мы можем судить по рассказам близких ему людей, никак нельзя назвать хоромами, взывающими к экспроприации. Удар еще более страшный потому, что наивный книголюб, отнесшийся, по всей видимости, индифферентно к смене власти, даже обратился в новые учреждения за помощью в предоставлении казенных архивов цензуры, необходимых для полноты его последней работы — исчерпывающей библиографии официальных изданий по печати. Ясность вносят свидетельства 1918 г., зафиксированные по горячим следам. "Лишенный советским правительством места и квартиры, он совершенно потерялся при мысли о судьбе своего книжного сокровища, пошел на Курский вокзал и лег под поезд" (Р. Брандт). "2 февраля славный русский библиограф нашел себе смерть под колесами паровоза" (Б. Боднарский) [6].

В начале 1920-х годов возникло Русское общество друзей книги (РОДК). Скучность и самоцензорская сдержанность относящихся к РОДК материалов, особенно мемуарного жанра, заставляют реконструировать деятельность этого сообщества библиофилов по немногим, но весьма красноречивым фактам. Членами этого объединения стали видные искусствоведы, художественные критики, философы, коллекционеры, музейные работники, сформировавшиеся в своих культурно-эстетических пристрастиях, конечно же, до революции, и в новых общественных условиях стремившиеся под сенью такого союза не только длить свое духовное общение и лелеять библиофильские прихоти, но и каким-то образом даже сделать из этого союза корпоративное подспорье в борении с удручающими материально-бытовыми обстоятельствами, выпавшими на их долю в те годы.

Анализ ста заседаний, состоявшихся в 1920—1922 гг., т.е. практически еженедельных встреч с обязательным чаепитием, что для многих было роскошным действом по тем временам, неопровержимо свидетельствует о по меньшей мере прохладном отношении членов РОДК к шумевшим за стенами здания Английского клуба (первое пристанище РОДК) событиям. Темы докладов, сообщений, обзоров, выставок касаются исключительно истории книги, книжной иллюстрации, библиофильства, истории экслибриса и т.д. Можно отметить лишь четыре более или менее "актуальных" доклада, например, "Художественный облик книг Московского Госиздата".

Подспорьем для членов РОДК служили книжные аукционы — единственное место в первые годы советской власти, запретившей торговлю старыми книгами, где владелец книги мог с ней расстаться, если к тому его вынуждали материальные трудности. Ряд членов Общества подрабатывал за прилавками книжных лавок. Как вспоминал А.А. Сидоров, "торговали очень культурно и осторожно такие мои знакомые, как Г.Г. Шлет, Б.Р. Виппер" [7]. РОДК был тесно связан с появившейся в те же годы Государственной Академией художественных наук (ГАХН). Благодаря членам РОДК, которые были инициаторами и авторами издания, появилось, пожалуй, самое серьезное в советский период обобщающее исследование по истории русской книги — двухтомник "Книга в России" (1924—1925). Когда и почему прекратило свое существование РОДК? В исследованиях, мемуарах, периодике нет сведений о каких-либо акциях РОДК в конце 1920-х годов, о последних заседаниях Общества. По косвенным признакам можно определить, что усилившаяся идеологическая униформизация, чистка "надстроечных" учреждений заставили членов РОДК малопомалу прекратить свои встречи. Да и личные судьбы основных членов-учредителей

РОДК это подтверждают. Г.Г.Шпет в 1927 г. был обвинен в превращении ГАХН в "цитадель идеализма", а в 1937 г. расстрелян. А.В. Чаянов еще до того, как был привлечен по делу Трудовой крестьянской партии в 1932 г., фигурировал на знаменитом процессе Промпартии, где в преступных связях с ним с 1927 г. каялись некоторые подсудимые. Постоянно жили под тем же дамокловым мечом А.А. Эфрос, в 1937 г. сосланный в Ростов Великий, А.А. Сидоров и другие. РОДК исчезло с авансцены культурной жизни незаметно, без административных санкций, как исчезали в конце 1920-х—1930-е годы многие нестандартные творческие объединения, общества, кружки. История русского библиофильства этих десятилетий может дать много интересного материала для характеристики эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.
2. *Ducieux M.-E.* Kniha a kacířství, způsob četby a knižní politika v Čechách 18. století // Česká literatura doby baroka. (Literární archiv. R. 27. Sborník příspěvků k české literatuře 17. a 18. století. Památník národního písemnictví.) Praha, 1994. S. 61—87; *Ducieux M.-E.* Lire à en mourir. Livres et lectures en Bohême au XVIII siècle // Usages de l'Imprimé. Paris, 1987. P. 253—303; *Ducieux M.-E.* La reconquête catholique de l'espace bohémien // Revue des Etudes Slaves. 60. 1988. P. 685—702.
3. *Стоянов М.* Българска възрожденска книжнина. София, 1957.
4. *Стравинский Ф.* Статьи, письма, воспоминания. Л., 1972. С. 114.
5. *Берков П.* Русские книголюбцы. Очерки. М.-Л., 1967.
6. Памяти Д.В. Ульянинского. Отд. оттиск из "Библиографических известий". 1923.
7. *Сидоров А.А.* Друг книги — советский библиофил. М., 1981. С. 162.

*К двадцатилетию издания свода
"Древнейшие источники по истории народов
Восточной Европы"*

Задача исследования и издания древнейших источников по истории России и Восточной Европы тех времен, когда складывались основные этносы, когда возникали первые государства, когда проникало и распространялось христианство, осознавалась историками еще на заре исторической науки в России в XVIII в. Конечно, прежде всего объектом таких изданий были наиболее ценные отечественные источники — летописи, акты, жития, исторические повести и др. В результате работы нескольких поколений русских археографов, источниковедов и историков к началу XX в. основные памятники древнейшей истории страны на древнерусском и церковнославянском языках, опубликованные в различной форме и по разным принципам, были введены в науку.

Иначе дело обстояло с иностранными свидетельствами по истории этого региона Европы. "Россика" зарубежных источников начала привлекать внимание историков Древней Руси также еще в XVIII в. (публикация византийских источников И. Шриттера), интерес к ней резко возрос в середине—второй половине XIX в., когда появились научные издания арабских, скандинавских, латиноязычных и других свидетельств о Руси. К началу XX в. русские историки располагали ограниченным корпусом сведений о древнейшей истории страны по византийским, арабским, немецким и скандинавским источникам. Большая заслуга в введении в научный оборот таких важных для русской истории сведений принадлежит В.М. Истрину, В.В. Бартольду, С.А. Аннинскому, Е.А. Рыдзевской и др.

Однако попытки подготовки полного

и систематического корпуса зарубежных письменных источников, предложенные в Академии Наук и в 1910-х, и в 1920—1930-х гг. В.Н. Бенешевичем, И.Ю. Крачковским и др., оказались неосуществленными или выполненными лишь в небольшой степени. Обстоятельства, сложившиеся в эти десятилетия, не способствовали ни свободной разработке данной проблематики, ни созданию коллектива ученых, которые обладали бы одновременно и филологической, и исторической подготовкой.

Дело изменилось в конце 1950-х гг., когда Л.В. Черепнину удалось создать в руководимом им секторе Института истории специальную группу по истории Древней Руси, а при формировании Института истории СССР в 1969 г. выделить сектор истории древнейших государств на территории СССР, который возглавил В.Т. Пашуто. Одной из задач сектора, наряду с изучением социально-политической истории Руси, Кавказа, Средней Азии раннего времени, стала подготовка и издание корпуса иностранных письменных источников по истории античных государств на территории Северного Причерноморья, восточного славянства, Древней Руси и сопредельных территорий. Созданный в Институте истории СССР (ныне — Институт российской истории) постоянный коллектив, состоящий из молодых филологов и историков-русистов, скандинавистов, арабистов, латинистов, византинистов, в течение нескольких десятилетий подготовил и издал целую серию книг, содержащих в себе исследование и публикацию иностранных свидетельств по истории нашей страны раннего времени. При планировании свода¹

предполагалось также издание серии, посвященной неизученным ранним правовым памятникам народов СССР, однако подобрать специалистов и наладить работу по этой теме оказалось значительно труднее, и отдельные публикации, хотя и подготовленные в том же коллективе, были выпущены вне серии "Древнейшие источники..."².

Принципы подготовки издания, как и основной состав публикуемых в корпусе источников были разработаны В.Т. Пашуто и Я.Н. Шаповым и стали предметом широкого обсуждения специалистов³. В Своде мы находим сочетание исследовательской и публикаторской работы, археографический анализ, исследование текста с филологической и историковедческой стороны, публикации оригинального текста целиком или фрагментами по лучшему современному его изданию с русским переводом и реальными комментариями, ориентированными прежде всего на территорию нашей страны. Что касается хронологических рамок, то было признано целесообразным осветить в Своде историю Восточной Европы с того момента, как она попадает на страницы письменных памятников, т.е. с античного времени, и до середины XIII в. — монголо-татарского нашествия, дабы прояснить этнокультурные и социально-политические процессы в их непрерывном единстве и последовательности. Разумеется, в последующие годы при подготовке отдельных томов Свода эти принципы уточнялись и модифицировались в зависимости от специфики памятников, но в целом они выдерживаются и в настоящее время.

Вышедший в 1977 г. первый том Свода⁴ под общей редакцией В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова (с 1985 г. — под общей редакцией В.Л. Янина) убедительно показал плодотворность и перспективность начатого. Он содержал обширный комплекс практически неизвестных нашей науке сведений о связях скандинавских стран с Прибалтикой и Русью в XI в., содержащихся в 120 надписях, выполненным особым германским руническим письмом на мемориальных стелах XI в. из Швеции, Дании и Норвегии. Информация рунических текстов представляла особый интерес в силу своей достоверности. Данные о походах в Восточную Прибалтику, на Русь и в Византию, о торговле, о жизни скандинавов в Новгороде в своей совокупности рисовали широкую картину устойчивых и постоянных русско-шведских отношений на протяжении всего столетия в противоположность давно сложившемуся на основании древнерусских

источников мнению об их упадке, если не полном прекращении, с середины XI в.

Каждая последующая публикация Свода — за 20 лет было издано 14 томов — приносила либо новую информацию, либо критически переосмысливала, уточняла и дополняла уже известные данные источников, происходящих из всех регионов Европы и Ближнего Востока. Взаимоотношения античных колоний в Причерноморье с "варварскими" народами освещались в трех выпусках Свода, содержащих фрагменты "Истории" Геродота⁵, поэтических сочинений Овидия⁶ и латинской эпиграфики Херсонеса Таврического⁷. Обстоятельный историографический комментарий к известиям Геродота о народах Северного Причерноморья и Кавказа подводил итоги более чем столетних исторических, историко-географических и археологических исследований и дополнял их новейшими данными. Значительно расширен был и корпус латинских надписей Херсонеса, комплексное изучение которых обнаружило значительно более тесную, нежели это ранее предполагалось, связь античных колоний с варварским окружением, отдельные представители которого включались в политико-административную систему городов. Среди этих томов особой новизной материала и методики его анализа отличалась книга Подосинова, посвященная поэзии Овидия, который провел в ссылке на Нижнем Дунае около 10 лет. Публикация содержит сведения о местных племенах — сарматах, языгах, гетах, о борьбе гетов против римского проникновения в низовья Дуная, о процессах, которые протекали в греческом полисе, жившем в условиях "варварского" окружения и др. Тонкое понимание специфики поэтического мироощущения Овидия позволило выделить в его описаниях "северных варваров" поэтические стереотипы, не несущие сами по себе достоверной исторической информации (ранее нередко привлекавшиеся в качестве конкретных сведений), но сформировавшиеся в римской литературе как синтез реальных данных с их переосмыслением и переоценкой под влиянием поэтической традиции, политических концепций и пр.

Важнейшие для ближайшей предыстории и ранней истории Древнерусского государства — византийские источники — нашли отражение в двух опубликованных томах Свода, включивших "Хронографию" Феофана и "Бревиарий" Никифора⁸ и трактат "Об управлении империей" Константина Багрянородного⁹. Все три памят-

ника хорошо известны отечественным историкам, однако в интерпретации их данных господствовали тенденциозность и некритичность, что делало особенно важным их новое научное издание. Исследование рукописной традиции сочинений Феофана и Никифора позволило И.С. Чичурову уточнить текст и переводы фрагментов, содержащих сведения о Восточной Европе (отвергнув распространенные, но ошибочные толкования текста), исследовать их источники и определить степень достоверности их информации. Результатом источниковедческого анализа памятников стало выявление ценнейших данных об истории народов юга Восточной Европы, непосредственно предшествовавшей появлению Руси на международной арене. Феофан и Никифор сообщали сведения о социально-политической структуре, этнокультурных процессах в Северном Причерноморье, вхождении этих народов в ранние государственные образования, их связи в системе международных отношений VII—начала IX в. Чрезвычайное значение имело издание хорошо известного труда Константина Багрянородного, опубликованного целиком в отличие от других памятников. В подробном исследовательском комментарии, в первую очередь глав, посвященных Руси, Армении, Северному Кавказу, внесено много нового в интерпретацию сообщений Константина, освещены дискуссионные вопросы и критически пересмотрены существующие точки зрения.

Сведениям восточных авторов был посвящен один том, в котором были собраны фрагменты арабских географических сочинений IX—X вв.¹⁰ Эти древнейшие восточные землеописания включали географическую, этнографическую и частично историческую характеристику восточно-европейского региона, который представлял для арабов особый интерес в связи с торговлей рабами и мехами. Предваряя публикацию собственно исторических трудов, данный выпуск освещал фундаментальные представления арабов о расположении и географии региона, сформировавшиеся на основе синтеза собственных знаний о нем и традиции Птолея.

Исследование западославянских источников завершилось исчерпывающей публикацией фрагментов польских латиноязычных памятников¹¹. В нее вошли фрагменты основных историографических сочинений, написанных не позднее XIII в., памятников права, церковной литературы, эпистографии. Этот выпуск Свода существенно пополнил новой информацией историю

русско-польских отношений раннего средневековья.

Западноевропейские источники представлены двумя томами Свода. Были изданы все тексты, содержавшие данные о Восточной Европе, английского происхождения как на древнеанглийском, так и на латинском языках¹². Начиная с IX в. в Англию поступала информация о Восточной Прибалтике, позднее о Руси, которая находила отражение в историографии, географических сочинениях, переписке церковных деятелей. Введение этих данных в науку значительно расширило наши представления о международных связях Древней Руси. Ценнейшие новые сведения и о связях Руси с Западной Европой, и о собственной политической истории древнерусских княжеств были изданы в томе, посвященном немецким латиноязычным источникам¹³. Разыскания автора в рукописных собраниях Германии привели к возможности дать первые критические издания ряда документов, провести палеографический анализ и соответственно уточнить датировки памятников и их тексты. Особое значение этого выпуска и в том, что в нем изданы древнейшие западноевропейские сведения о Восточной Европе и Руси, освещающие ряд эпизодов древнерусской истории, практически не нашедших отражения в русских летописях.

Последняя группа источников, которой посвящены пять томов Свода, происходит из стран Северной Европы. Это комплекс рунических надписей¹⁴, древнескандинавские географические трактаты¹⁵, исландские королевские саги¹⁶ и исландские саги о викингах¹⁷. Первое полное комментированное издание всего корпуса скандинавских рунических надписей, как найденных в скандинавских странах и упоминающих поездки в Восточную Европу, так и обнаруженных на территории Древней Руси, не только внесло новую информацию о русско-скандинавских связях XI в., но и стимулировало новые открытия памятников рунической письменности в Восточной Европе, число которых ныне доходит до 200. Впервые в международной историографии были выделены в составе рукописей, текстологически и источниковедчески исследованы и прокомментированы географические трактаты, созданные в Исландии и Норвегии в XII—XIV вв. Их полное издание в Своде открыло обширный пласт сведений о географии Восточной Европы, сложившейся в Скандинавии в результате тесных многовековых связей. Подробное исследование известий исландских королевских саг — наиболее часто привлекаемых в истори-

ческих сочинениях скандинавских источников, дало возможность выявить в них литературные стереотипы, исторические штампы, "общие места" и благодаря этому определить тот комплекс информации о Восточной Европе, который отражает реальные события или явления и который может быть использован в историографических построениях. Особый интерес представляет первая публикация и анализ исторической информации саг о викингах — беллетризованных и насыщенных фольклорными мотивами повествований о приключениях викингов, в том числе в Восточной Европе. При том, что конкретные детали этих саг мало достоверны, в своей совокупности они отражают сложившийся в Скандинавии к XIII в. образ Руси.

За 20 лет существования Свод создал прочную и обширную источниковую основу, существенно дополняющую и расширяющую данные древнерусских источников. Он ввел в науку целые пласты новой информации о предыстории и истории Древней Руси, открыл новые страницы международных связей Древнерусского государства, позволил реконструировать "темные места" нашего прошлого. Высокий уровень подготовки, издания и перевода разноязычных текстов поставил Свод в ряд наиболее авторитетных серийных изданий средневековых источников в мировой историографии. Междисциплинарный подход к изданию и комментированию источников поднимает на новый уровень традиции отечественной историко-филологической шко-

лы. Глубокий источниковедческий анализ публикуемых памятников и разработка методов использования информации разножанровых, в том числе литературных и эпиграфических памятников в целях исторических исследований вносят большой вклад в теорию источниковедения и привлекают к Своду внимание медиевистов различных специальностей. Материалы Свода показывают большую роль, которую играли народы нашей страны в истории Европы и Азии, и выявляют неизвестные прежде связи, объединявшие народы Восточной, Западной и Северной Европы и обогатившие культуру этих регионов.

Свод "Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы" — фундаментальный труд, значение которого далеко выходит за рамки академической науки. Продолжение работы над Сводом — одна из первостепенных задач отечественной исторической науки. Планируемое ныне его расширение — подготовка в его составе новой серии, посвященной древнерусским нелетописным памятникам, — явится важнейшим вкладом в отечественное источниковедение. В настоящее время готовятся к изданию тома "Международные договоры Древней Руси" (отв. ред. Я.Н. Шапов), "Записи писцов. XI—XIII вв." (Л.В. Столярова), находится в печати справочник "Письменные памятники Древней Руси" (отв. ред. Я.Н. Шапов).

© 1997 г. Шапов Я.Н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пашуто В.Т., Рыбаков Б.А. О корпусе древнейших источников по истории народов СССР (Материалы к обсуждению). М., 1974; *Они же*. Корпус древнейших источников по истории народов СССР // Вопросы истории, 1974. № 7. С. 49—54.
2. См., например: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Сост. Я.Н. Шапов. М., 1976.
3. Корпус древнейших источников по истории народов СССР. Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР. Под ред. В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова. М., 1973; Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков по Европейскому региону (Материалы для обсуждения). Под ред. В.Т. Пашуто и Я.Н. Шапова. М., 1976. Вып. 1; М., 1980. Вып. 2; Пашуто В.Т.
- Подготовка к изданию Корпуса древнейших источников по истории народов СССР // История СССР, 1976, № 1. С. 223—226.
4. Мельникова К.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977.
5. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. Текст, перевод, комментарий. М., 1982.
6. Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий. М., 1985.
7. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. Тексты, перевод, комментарий. М., 1983.

8. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана и "Бревиарий" Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
9. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989; 2-е изд. М., 1991.
10. *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.
11. *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
12. *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
13. *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
14. *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи.
15. *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
16. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. Вып. 1 (с древнейших времен до 1000 г.); М., 1994. Вып. 2 (первая треть XI в.).
17. *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.

Славяноведение, № 1

А.А. УЛУНЯН. Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII—XIX вв. Библиографический словарь. М., 1996. Т. I. 238 С.; Т. II. 236 С.

В исторической болгаристике произошло событие. Только что увидело свет двухтомное издание библиографического словаря "Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII—XIX вв.", подготовленное старшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики РАН А.А. Улуняном. По сути — это воплощение замысла, на реализацию которого у автора ушло не одно десятилетие. Между остающейся и на сегодняшний день уникальной по своему содержанию и общему уровню трехтомной публикацией "Освобождение Болгарии от турецкого ига", ставшей, как теперь можно с полным основанием утверждать, успешным для А.А. Улунына стартом в болгаристику, и настоящим трудом также почти тридцать лет. И в данном случае важна не только приобретенная школа — неизбежное следствие серьезного участия в подобного рода изданиях, — но и предельная тематическая насыщенность трехтомника, навсегда определившая круг научных интересов автора.

В интервале, ограниченном этими двумя изданиями, несколько монографий, а так-

же множество других, опубликованных российским историком работ, посвященных проблеме борьбы за возрождение Болгарии из пятивекового небытия османского господства. Болгария, обращение к ее истории приобрели для А.А. Улунына значение некоего особого символа, определившего общий уклад и стиль жизни. И случилось это не только в силу сложившихся устойчивых научных интересов, но и в результате многолетних профессиональных контактов, просто человеческого общения с болгарскими коллегами, ставшими друзьями-единомышленниками. Памяти теперь уже ушедших из жизни самых близких из них Б. Матеева, Ц. Генова, А. Накова и посвятил автор настоящее издание.

Появление библиографического словаря глубоко закономерно. Тем самым как бы подчеркивается огромная не только научная значимость темы и в то же время подводится своего рода важный логический итог сделанного в русле ее разработки. Издание вобрало в себя все заслуживающие внимание сведения, почерпнутые из неопубликованных и опубликованных документов из болгарских, советских, а теперь в

большинстве своем российских архивов, таких как: НА на БАН — научный архив Болгарской академии наук; НБКМ-БИА — Болгарский исторический архив при Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия; НМК — Архив Национального музея в Казанлыке; ОДА-Варна — Окружной государственный архив г. Варна; ЦДИА — Центральный государственный исторический архив; АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи; ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив; ЦГИА — Центральный государственный исторический архив; ГАОО — Государственный архив Одесской области и ряд других. Кроме того, в него вошли данные многочисленных энциклопедий, других справочников, литературы мемуарного характера, периодических изданий, юбилейных сборников, но и отметим особо — огромное количества исследований, а также специальных публикаций информативного характера.

Биобиблиографический словарь состоит из 885 персоналий, которым предпослано краткое авторское введение. Ограниченный объем труда, как отмечает А.А. Улуния, обусловил жесткий отбор имеющегося у него материала. Сюда помещены сведения о деятелях национально-освободительного движения (причем далеко не обо всех), принимавших участие не менее, чем в двух его акциях, а также о представителях революционных комитетов, составлявших Собрание в Обориште накануне Апрельского восстания — высшей точки борьбы болгар за национальное освобождение.

Автор, опираясь на осуществленный им анализ вошедшего в издание материала, во введении предложил классификацию опубликованных персоналий, сгруппировав их по социальному (уточним: в ряде случаев — по профессиональному) признаку. При этом, как он сам замечает, может создаться искаженная картина о степени причастности некоторых из этих категорий к национально-освободительному движению, в частности, речь идет о слабо представленном здесь болгарском духовенстве. Это объясняется главным образом как ограниченным объемом издания, так и отсутствием необходимых биографических данных.

Чрезвычайно впечатляют завершающие персоналии в большинстве своем весьма насыщенные легенды. Это богатейший источник и в особенности для впервые проявляющих интерес к проблеме. И хотя

автор подчеркивает, что отбор материала для персоналий осуществлялся по единой схеме, это отнюдь не тождественно жесткой унификации текстов, что вполне логично и объяснимо не только и не столько наличием или недостатком данных, сколько, в ряде случаев, ролью и местом той или иной личности в национально-освободительной борьбе.

Целые страницы словаря отведены для таких ярких имен, как вожди и идеологи этой борьбы Г. Раковский, В. Левский, Х. Ботев и их ближайшие сподвижники. По материалам о них, поданным в живой и насыщенной фактами форме, можно составить представление о течениях в национально-освободительном движении, их идейных и тактических отличиях, о развитии самой борьбы, ее спадах и подъемах, а также от ее неотъемлемой составной — борьбе за самостоятельную болгарскую церковь. В то же время здесь присутствуют краткие, сжатые биографии, а порой всего лишь скромные упоминания несправедливо забытых или вовсе неизвестных участников событий. Сведения о них кропотливо собирались А.А. Улунием в архивах и периодических изданиях, других, не всегда легко доступных иностранным исследователям источниках.

В чрезвычайно насыщенном многообразии представленных в труде мужских имен и псевдонимов особенно ярко выделяются редкие, а потому особенно впечатляющие женские персоналии. Речь идет о легендарной Тонке Обретеновой (Бабе Тонке), ее дочери Петране, Гане Найденовой, Боне Витановой, Райне Футековой поп Георгиевой (знаменитой Княгине Райне) и некоторых других болгарках, нашедших свое место в общей борьбе.

Опубликованный материал тематически шире и информационно гораздо весомее, чем это определено в заголовке издания. В свете такой обоснованной констатации совершенно правомерным выглядит присутствующее во введении утверждение автора о том, что на основании данных словаря можно, к примеру, проследить историю русско-болгарских связей и русско-болгарского боевого сотрудничества. Это вполне объективное отражение одного из аспектов истории болгарского национально-освободительного движения. Обращает на себя внимание и то, что воссоздание большинства персоналий осуществлено в контексте тогдашней болгарской действительности, а хронология труда значительно смещает свою нижнюю границу.

Выход за обозначенные рамки логически

обусловлен и фактически неизбежен: многие из участников национально-освободительной борьбы, кто перешагнул рубеж восстаний 1875—1876 гг., а также русско-турецкой войны 1877—1878 гг., определяли свое место в возрождавшемся болгарском государстве. Некоторые из них стали видными государственными, политическими и общественными деятелями; причем, как правило, период их наибольшей активности приходится на последнее двадцатилетие XIX—начало XX в. Упомянем хотя бы о таких личностях, как С. Стамболов — впоследствии не только создатель Народно-либеральной партии, но и председатель Народного собрания, затем наделенный многими властными полномочиями в течение ряда лет бессменный премьер-министр, фактически единолично осуществлявший жесткое управление в весьма критический для болгарской государственности период; Д. Цанков — активный политик, один из основателей Либеральной партии, а затем лидер отколовшейся от нее самостоятельной партии, недолговременный глава правительства, переменчивый в своих привязанностях и труднопредсказуемый политический партнер; Г. Начович — образованный и яркий политик, государственный деятель, впоследствии — министр многих правительств, входивший в интеллектуальную и политическую элиту Болгарии, и ряд других.

Следует особо отметить продуманную и профессионально подобранную иллюстративную часть словаря, где представлены фотографии участников событий, репродукции картин, титульные листы изданий, тематически связанных с настоящим трудом, и т.д.

Трудно сейчас предугадать, в какой форме будет выражаться последующий интерес к проблеме, и даст ли он новые яркие имена, позволит ли предложить новый вариант ее концепции, уже освобожденной от ортодоксально-марксистского компонента. Ясно одно: в исторической памяти болгар навсегда останется трудный, наполненный драматизмом героический период борьбы за национальную независимость. И в этом плане значение рецензируемого нами труда исключительно велико. Далеко не все из наработанного увидело свет, а ведь за этим стоят имена, судьбы и к тому же дополнительные возможности для заполнения лакун в болгарской истории. Хотелось бы пожелать автору реализоваться в этом плане в полной мере.

У российской болгаристики, как представляется, есть все основания принимать поздравления в связи с ее новым солидным вкладом в историческую болгаристику как таковую.

© 1997 г. *Маковецкая Т.Ф.*

Славяноведение, № 1

Срби у Руској империји / Директор-отговорни уредник Д. Јанићијевић. Београд, 1995. 227 С.

Сербы в Российской империи / Гл. ред. Д. Яничевич

Руси без Русије. Српски Руси / Директор-отговорни уредник Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. 359 С.

Русские без России. Сербские русские / Гл. ред. Д. Яничевич, З. Шлавик

Бывая в Сербии, всегда испытываешь удивительное чувство, что ты находишься среди своих, где знают, помнят и чтут Россию, Россию былую, ушедшую в историческую память и все же остающуюся живой и величественной силой. В истории наших стран бывали темные и страшные страницы, но тем не менее Россия жила и живет в сербской душе, гордой православием и славянством.

И в XIX и в XX вв. выпускалось немало книг с неизменным акцентированием дружбы сербского и русского народов. (Хотя

само понятие "народ" нещадно эксплуатировалось от революционеров до ультрамонархистов. Ругали, кляли, критиковали все и вся, кроме народа. Народ — это неприкасаемо. Какая двусмысленность, не правда ли?) Истоки этой дружбы вполне объяснимы: государственность, культура, наука, просвещение сербского народа связаны с Россией, приложившей немало сил к возрождению сербства.

И все же у нас "украли" славянскую историю. В отечественных городах, все еще пестрящих названиями улиц Урицкого и

Володарского, не встретишь имен, связанных с русско-сербской историей (может быть, за исключением О. Дундича и Й.Б. Тито), в то время как в Сербии справедливо гордятся не только своими предками, положившими жизнь на благо России, славянству, но и россиянами, погибшими за свободу Сербии (вспомним хотя бы Н.Н. Раевского, в честь которого названа улица в Белграде), нашедшими здесь в годы эмиграции родной дом.

Листая книги по отечественной истории, поражаешься, насколько мало в них присутствуют славянские сюжеты. Да, есть специальная литература, но ее мизерные тиражи, академический язык, ставка на людей, обладающих определенным уровнем знаний, — все это отнюдь не способствует ее популярности.

В последнее время на волне или волнах культурного славизма всколыхнулся интерес к культуре российского зарубежья. Проводятся конференции, симпозиумы, конгрессы, выставки, издается соответствующая литература. Но все же именно Сербия продемонстрировала, нет, не пример, не образец, а чувство истинной любви, уважения к России, к истории жизни наших народов, людей, чьи судьбы были неразрывно связаны с Сербией и Россией.

Речь идет о двухтомнике "Сербь в Российской империи" и "Русские без России. Сербские русские", издание которого стало возможным благодаря таким людям как Душан Яничевич, Милан Комненич, многочисленным фирмам и организациям, внесшим посильную помощь в его появление.

Итак, "Сербь в Российской империи". Книга (переплет украшен работой Ольги Иваницкой, чье имя не нуждается в представлении) открывается пушкинским стихотворением "Песня о Георгии Черном" в прекрасном переложении М. Павича. И завершает том статья того же М. Павича об истории знакомства Пушкина (в его кишиневский и одесский периоды) с сербской народной поэзией, историей, культурой через многочисленных в ту пору представителей Сербии в этих южных краях России. Именно от них поэт услышал песни о Карагеоргии, Милоше Обреновиче, черпал сюжеты для своих стихотворений, чей анализ позволяет говорить о том, что для Пушкина Карагеоргий был трагический герой, "солдат свободы и отцеубийца", в то время как Обренович — тривиальный злодей. Весьма интересна и исследовательская мысль М. Павича о влиянии труда Захарии Орфелина о Петре Великом на

Пушкина в его поэме "Полтава" и трагедии "Борис Годунов".

Обзорная статья М. Стойнич "Сербь в России" охватывает тысячелетний период исторических и культурных связей сербов и русских. Воздушный стиль автора позволяет вдохнуть и почувствовать атмосферу веков, славных такими именами как Савва Сербский и Пахомий Логофет, вошедших в историю православной России. Фигуры святых, царей, поэтов, монахов, воинов, дипломатов, писателей, революционеров, ученых в синергетическом хаосе связей и закономерностей выплывают из глубин сербско-русской истории, предстающей перед нами во всем великолепии и смотрящей с рисунков, фотографий, портретов, которыми богато изукрашена книга. Впечатляет само переплетение имен: Дмитрий Донской, митрополит Киприан, Захария Орфелин, митрополит Стефан Стратимирович, Матия Ненадович, Вук Караджич, Матия Змаевич, Измаил Иванович Срезневский, Петр II Петрович Негош, Павел Аполлонович Ровинский, Дмитрий Иванович Писарев, Святозар Маркович, Йован Скерлич, Лев Николаевич Толстой, Александр Белич — вот далеко не полный перечень персонажей статьи М. Стойнич.

Особую грань культурно-исторических связей Сербии и России раскрывает в своей объемной работе "Куль сербских святых в России" С. Петкович. Св. Савва в древнерусской иконописи (например, в Архангельском соборе в Кремле, в Новгороде, Пскове); Житие Стефана Дечанского в Лицевом летописном своде; культ св. князя Лазаря и Житие Стефана Лазаревича в рукописях XVI в. — все это и многое другое является объектом исследования автора. Как объясняет С. Петкович, взлет имен сербских святителей на Руси был связан с царем Иваном IV, в жилах которого текла и сербская кровь. И несколько отвлекаясь от темы стоит подчеркнуть, что святость не подвластна времени. И доныне и вовеки сербские святители принадлежат к сонму православных святых, и в сегодняшней России церковь празднует их имена.

Яркой, необычайной судьбе дипломата, солдата, писателя Симеона Пишчевича посвящена статья М. Павича. Сквозь внешне сухие строчки его биографии брызжет бурный XVIII в., напоминающий время итальянского Возрождения, но в военном мундире. Имя Пишчевича неразрывно связано с переселением сербов в России (вспомним роман М. Црнянского "Сеоба"), с самой русской историей. Достаточно

упомануть русско-турецкую войну 1768—1774 гг., в которой он командовал славным Ахтырским гусарским полком, чьим командиром, кстати, стал в 1812 г. гусар, поэт и забияка Денис Давыдов. Имя Пишчевича принадлежит не только истории Сербии и России, но и истории как науке. До нас дошли его мемуары и написанная им история сербского народа, доведенная до упоминавшегося переселения сербов.

"Граф Савва Владиславич, советник царя Петра Великого" — название очерка С. Лукич. Пожалуй, это та фигура, о которой историкам известно очень много. И все же исследовательница нашла то счастливое сочетание детали и целого, малоизвестного и знакомого, что позволило ей представить читателю свой художественный портрет графа Владиславича-Рагузинского. Свежесть и нарочитая безыскусность авторского повествования создают двойной эффект, позволяют увидеть личность в истории и историю в личности.

Фамилии Милорадовичей посвящен очерк Д. Ацовича. Всем хорошо знакомо имя Михаила Милорадовича, чей портрет находится в Зимнем дворце в галерее героев 1812 г., но немногие знают о других представителях этой семьи, верой и правдой служивших России. Автор сочными мазками рисует портрет первого Милорадовича, бывшего эмиссаром Петра I в Черногории, командовавшего знаменитым Гадяцким полком, испытавшего царскую милость и познавшего горечь падения. Его внуки, как пишет автор, с честью носили свою фамилию, не щадя жизни для славы славянской России в борьбе с турками, этим личным, "племенным" врагом. И конечно, в центре внимания личность М.А. Милорадовича, сына героя русско-турецкой войны 1768—1774 гг. генерал-поручика А.С. Милорадовича. Мастерское владение языком, гордость своим соплеменником позволили автору эффектно и в то же время просто поведать о славной жизни кавалера высших орденов Российской империи М.А. Милорадовице.

Д. Ацович является автором еще одной интереснейшей статьи о династических связях с Россией, в том числе и о кровном родстве Якшичей с Глинскими. Автор легко и увлекательно вводит читателя в мир родословных, политики брачных союзов, любви и убийств. Живость языка и обильная фактология дают яркую картину высокой политики, замешанной на крови.

М. Джокич избрал героем своей статьи профессора Харьковского университета

Анастасия Стойковича. Живописуя его жизненный путь, автор особое внимание уделяет его научной деятельности в области физики, активной работе по развитию школьного дела. Широкий спектр интересов Стойковича позволял ему заниматься и физической географией, физической астрономией, способами борьбы с саранчой, мелиорацией, виноделием, поэзией и прозой. Заслуги Стойковича, как отмечается, были оценены избранием его в 1828 г. членом Российской академии.

В сербском созвездии талантов, засиявших на российском небосклоне, есть имя и Т. Янковича. В современной России он известен больше историкам, нежели педагогам, хотя его деятельность в Петербурге во времена царствования Екатерины II была связана с реформой школы. Автор статьи В.М. Тешич, обозревая его жизненный путь, отмечает вклад в дело подготовки "Устава народной школы", в открытие особого заведения по подготовке учителей, преобразованного впоследствии в педагогический институт. Преданность делу просвещения, не формальный, а творческий подход к организации как русской, так и сербской школы отличали Т. Янковича.

Йовану Раичу — этому славному в истории славянства имени — посвящена статья Б. Терзича. Сжато рисуя портрет Раича, автор пишет о трудах, отмеченных влиянием русской богословской мысли, а равно о его литературных и исторических сочинениях, в языке которых преобладала смесь "русскославянского" и русского литературного языков. Вспомним, что за четырехтомную историю славянских народов он был награжден Екатериной Великой. Рядом с Раичем автор ставит не менее известного Захарию Орфелина с его "Житием Петра Великого". Творчество этих двух великанов, как подчеркивает Б. Терзич, "инспирировано русской духовностью, русской культурой и историей". Их произведения принадлежат и Сербии и России.

О Филипе Филиповиче, но не как об известном югославском коммунисте, а прежде всего как авторе вошедшей в историю математики книги "Педагогика математики", рассказывается в очерке Й.Д. Кечкича. Здесь же сообщаются собранные по крупницам сведения о других сербах, внесших свой вклад в развитие математической науки в России.

Одному из талантливейших артистов русской сцены Василию Лучичу, известному театральной публике под фамилией Далматов, посвящена статья Й. Чирилова.

Карл Моор, Хлестаков, Гамлет, Макбет, Чацкий, Мармеладов, Ноздрев, Крепчинский — вот далеко не полный список ролей, пережитых Далматовым на известных сценах России. Выходец из старинной далматинской семьи, Василий Пантелеймонович на театральных подмостках и в жизни был неподражаем. Актер, драматург, писатель по призванию и таланту и алкивиад по вкусу к жизни и ее наслаждениям, Далматов был необыкновенно популярен. Можно заметить, что об этом свидетельствует вышедшая в 1914 г. книга К.Н. Михайлова "Василий Пантелеймонович Далматов в воспоминаниях, очерках и анекдотах".

С военной историей России тесно связана судьба врача Анте Гвозденовича, о котором поведал Б.Б. Павлович. Участник войн на Балканах в 1877—1878 гг., соратник генерала М.Д. Скобелева по его Ахал-Текинской экспедиции и ее летописец, начальник санитарной службы в корпусе генерала Ренненкампа в русско-японской войне — таковы ключевые моменты сложной биографии генерала Гвозденовича, кавалера российских орденов.

Первая мировая война. Мы знаем до обидного мало о русских солдатах, защищавших тот же Белград, но еще меньше о наших братьях-славянах, сражавшихся в частях русской армии. Памяти сербской добровольческой дивизии, героически воевавшей в составе российских частей, тяжелой работе лазаретов посвящен очерк Б.Б. Павловича. Автор скупыми штрихами рисует историю формирования дивизии и ее санитарных подразделений, воспроизводит боевой путь вплоть до возвращения на Балканы. Эта тема, через призму истории воинских частей, боевых судеб офицеров, подвигов солдат, еще ждет своих исследователей.

В частности, спасая Сербию, императорская Россия погибла. Да, конечно, о причинах этого сказано и написано много верного, справедливого, научно обоснованного. И все же не будем забывать о той готовности, с какой российский император Николай II откликнулся на призыв Белграда о помощи.

Россия корчилась в огне гражданской войны. Во все четыре стороны света потянулись обозы, двинулись эшелоны, пошли пароходы с людьми, спасавшими свою честь и жизнь, а кто-то бесчестие и бриллианты. Одной из стран, где нашли сначала временное прибежище, а потом и постоянное место проживания, стала Сербия.

Именно этой теме посвящена книга

"Русские без России. Сербские русские". Роскошно изданный фолиант открывается обзорной статьей М. Стойнич. Будучи отменным стилистом, она колоритно передает атмосферу жизни беженцев, по своему составу представлявших своеобразный сколок прежней России. "Ананасы в шампанском" для одних и тяжелый, зачастую физический, труд для других. Цвет интеллигенции сравнительно легко находящей поле деятельности, и масса боевых офицеров в мирной стране. Молодые мечты и погасшие идеалы. Все это были полярные точки той жизни, в которой некоторые обретали второе дыхание, другие — утрачивали смысл бытия. Рисуя историческое полотно "взятия" русскими Сербии, автор напоминает, что, обогащая сербскую культуру, беженцы из России и на новом месте отнюдь не стремились раствориться в "сербском море".

Искусство можно уподобить драгоценному камню, блистающему снопами света. И писать о нем тоже надо красиво. Статья С. Турлакова, в основном посвященная русским артистам, сценографам, музыкантам, снискавшим баснословный успех на белградской сцене, написана блистательно. Множество редких фотографий позволяют всмотреться в лица тех, кто пленял своим талантом не только белградскую театральную публику, но и любителей оперы, балета в Европе и Америке. К сожалению, их искусством уже нельзя наслаждаться, но осталась школа, ученики, последователи. Именно это и дает возможность утверждать вечную молодость искусства.

Личность и искусство — так можно назвать серию прекрасных очерков о прекрасном. Елена Полякова, Нина Кирсанова — имена, безусловно известные знатокам истории балета. Артистично владея даром слова, К. Шукулевич-Марковия яркими, чуть приглушенными красками рисует портрет своих героинь в интерьере балетного мира. Третий очерк того же автора посвящен солисту балета и хореографу Анатолию Жуковскому, человеку и артисту со сложной и богатой биографией, отдавшему немало лет Белградскому Народному театру, воссозданию на его сцене национального стиля. О примадонне Белградской оперы Ксении Роговской-Христич, приехавшей в Белград уже будучи знаменитостью, рассказывает В. Петрович. С редкой выразительностью, чувством восхищения и преклонения перед обладательницей изумительного голоса, приведшего в трепет ценителей оперного

искусства, автор передает атмосферу творчества знаменитой певицы.

Судьба играет человеком, а человек "играет" талантом. Здесь хотелось бы только напомнить, что русский глагол "играть" многозначен: бриллиант тоже "играет". Эта короткая реплика оказалась необходимой, поскольку речь заходит о Владимире Жедринском, которому посвящена фундаментальная статья О. Миланович. В. Жедринский, будучи страстным любителем театра, оставляет архитектуру ради нового увлечения — живописи. Талант художника, театрального, подчеркнем, художника, позволил ему "пробиться" в Белградский Народный театр, где он вскоре занял ведущее место как сценограф и костюмограф. Его стиль, как отмечает автор, был тесно связан с русским авангардом, и в то же время несомненно влияние на его творчество таких мастеров как Бранко Гавела, Йосип Кулунджич, Михайло Исайлович, Иосиф Хецел, Юрий Ракитин. Своим талантом В. Жедринский "играл" не только на белградской сцене, которой он отдал два десятка лет, но и на других театральных подмостках Европы.

М. Коджич интересно и живо, без какого-либо признака кокетства, делится воспоминаниями о своей работе и встречах с легендарным режиссером Юрием Ракитным, так много сотворившем на сцене Белградского Народного театра, реализовавшем свои авторские идеи в постановках по произведениям Чехова, Гоголя, Мольера и многих других писателей и драматургов. И все же самое главное — это не перечисление его заслуг, а возможность через воспоминания М. Коджич увидеть не памятник, не монумент, не камень глыбы, а живого Ракитина.

Трогательно и нежно Е. Межинска написала о Елене Андреевне Киселевой-Билимович, ее жизненным пути, больше усеянным шипами, нежели розами. Одаренная художница, выпускница Петербургской Академии живописи, ученица И.Е. Репина нередко принимала участие в выставках живописи. Любящая жена и заботливая мать, она все же находила время для работы за мольбертом. Она не стала знаменитостью, но ее дар все же заставлял человека останавливаться перед ее картинами, коллекцию которых она завещала родному Воронежу.

"Свобода и достоинство подвержены испытаниям даже в волшебном мире сказок, но и сказочный мир всего лишь зеркало наших страхов, страстных желаний и нередко томительных надежд", — этими словами за-

вершается очерк Ж. Богдановича "Георгий Лобачев, или детство, которое не кончается". Мастер "стрипа" (техника рисунка в стиле комикса) Г. Лобачев занимал ведущее место в этой художественной отрасли. Под его талантливым пером рисовальщика оживали герои народных сказок и мрачные фигуры наподобие Франкенштейна, знаменитый Мюнхаузен и персонажи авантюрных "стрипов". Как заключает автор, творчество Г. Лобачева было ориентировано на защиту гуманности и красоты.

Мир русской эмиграции представлен З. Бранковичем в статье "Русские эмигранты в науке, просвещении, здравоохранении и спорте Сербии". Главное здесь — это редчайшие фотографии, в основном посвященные теме школы. Сжато обрисовывая вклад русских знаменитостей в названные выше сферы деятельности, автор не забыл безвестных россиян, трудившихся на строительстве дорог и мостов и, случалось, плативших жизнью за свой тяжелый труд.

Статья С. Пириватрича о Георгии Александровиче Острогорском, чье имя хорошо известно в научном мире, написана несколько сухо, с большим пиететом к его личности. Освещая жизненный и творческий путь ученого, автор, в частности, подчеркивает, что благодаря заступничеству видных ученых, прежде всего историка Васы Субриловича, Г.А. Острогорский в печально известное время Информбюро не был изгнан из Югославии, как многие белоэмигранты. Созданная им белградская византинологическая школа живет и донья.

Памяти филолога-слависта, версолога Кирилла Федоровича Тарановского, профессора Белградского, Калифорнийского, Гарвардского университетов посвящен очерк М. Стойнич. Знаток российской поэзии, блестящий исследователь творчества О.Э. Мандельштама, К.Ф. Тарановский, создавший собственную научную школу, снискавший мировую известность, никогда, как подчеркивает автор, не забывал своей принадлежности к русской нации, как и того, что он не американский, а югославский славист.

Е. Межинска свой очерк посвятила Якову Матвеевичу Хлитичеву (Акопу Хлитчианцу), чья жизнь в Сербии сложилась удачно. Инженер, профессор Белградского университета, академик, создавший научную школу по проблемам теории эластичности и стабильности конструкций речного кораблестроения, Я.М. Хлитчиев был одним из тех эмигрантов, которые сумели в новых

условиях начать все сначала и добиться признания, успеха, счастья.

Портрет Александра Ивановича Игнатовского, одного из первых профессоров медицинского факультета в Белграде, рисует Б.Б. Павлович. Его труд и талант врача, педагога, организатора были неразрывно связаны с развитием молодой медицинской науки в Сербии.

Яркие фигуры летчиков, Владимира Ивановича Стрижевского и Виктора Михайловича Никитина, отличившихся еще в первую мировую войну, а затем вошедших в историю сербского воздухоплавания, стали героями очерков Ш. Оштрича. Увлеченность, с какой автор описывает их полную опасность профессии, требующую нередко самоотвержения, богатство фактического материала — все это приводит к тому, что очерки читаются как бы на одном дыхании.

О мастере фехтования Константине Константиновиче Егере рассказывается в очерке Д. Яничевича. Преподаватель фехтования в Театральной и Военной академиях, один из основателей белградского клуба фехтования, тренер в известных спортклубах, К.К. Егер был, как отмечает знавший его автор, уважаем и любим как педагог, профессионал, друг.

О страничке истории создания русского храма Святой Троицы в Белграде скуповестует его настоятель отец Василий Тарасьев (скончался в мае 1996 г.). Сухие строки о возникновении и деятельности храма заставляют задуматься о значении церкви в жизни беженцев в те далекие годы.

Деятельность российских архитекторов в Югославии уже не раз освещалась в печати. А. Кадиевич в своих статьях (одна из них о Н.П. Краснове), ярко и впечатляюще показывает разнообразие архитектурных стилей, авторских решений, особенно в сфере церковного зодчества, в котором наблюдалось искусное смешение сербских и сербско-византийских традиций.

Несколько иная задача стояла перед М. Миловановичем, который в своих очерках-портретах освещает жизнь Григория Ивановича Самойлова и Андрея Васильевича Папкова, менее известных историкам, чем Краснов или Сташевский, но не уступавших им в одаренности. Самойлов завершил архитектурное образование в Белграде, Папков приехал в Сербию, уже имея диплом Академии живописи. Сжатый экскурс в их творчество, высоко ценимое современниками, дает достаточно объемную картину: здесь и здания гражданской архитектуры, и храмы, и промышленные объекты, и работы по реконструкции.

Деятельность этих двух мастеров значительно расширяет наши знания о том вкладе, который внесли российские зодчие в строительство и архитектуру Югославии.

Вторая часть тома носит название "Свидетельства, воспоминания, судьбы" и открывается признанием в любви — стихотворением Мате Бечковича "Вера Павладольская".

Кому из югославилов не известно имя Момо Капора? Вопрос риторический, но здесь известный писатель, этот анфантарибль сербской литературы, вызывающий оторопь у благонамеренного читателя, предстает совершенно иным — мягким, лиричным, светлым, когда пишет о русском полковнике и сербском генерале Н.Н. Раевском, отдавшим жизнь за свободу Сербии в 1876 г. Безнадёжно писать что-либо о размышлениях автора на месте гибели Раевского, но сами его строки полны души, сердечного чувства и времени, мощно накапывающего на нас из глубин истории и возвращающего нам своих героев.

В совершенно ином жанре подается материал А. Жуковского "Моя исповедь". Признанный мастер балета много и подробно пишет о балетных постановках, своем житье, знакомстве и сотрудничестве с Б. Нушичем и многими другими деятелями культуры и искусства, как сербами, так и русскими. В годы второй мировой войны он испытал горечь поражения югославской армии, кровь боев, немецкий плен. Судьба хранила его, а работа и известность спасли. Войну он закончил в рядах французской армии, куда был принят после бегства из Берлина. Дальнейший путь — это турне по Европе, а затем отъезд в США и долгий, тяжелый труд. Профессор университета в Сан-Франциско, много лет посвятивший фольклорным танцам, сейчас пишет мемуары.

Свои "Воспоминания" написал и П. Анагности — известный архитектор, профессор Белградского университета, автор многочисленных научных трудов. Здесь и отрывки детских впечатлений о семье, Одессе, переезде в Белград, школьных и студенческих годах, первых успехах в архитектуре. Большое место уделено "безвременью" в фашистских лагерях смерти, где он томился, взятый в плен в 1941 г., до победной весны 1945 г. Последние страницы воспоминаний посвящены его творческой, преподавательской и организаторской деятельности.

В материалах Архива внешней политики Российской империи сохранились скудные сведения о молодом талантливом студенте Белградского университета Константине

Петровиче Воронце. Не так часто бывает, чтобы сын пошел по стопам отца, в свою очередь унаследовавшего талант деда. Из семьи Воронцов вышли три профессора, два из которых связали свою жизнь с Белградским университетом. В нашем случае профессор машинного факультета Дмитрий Константинович пишет о своем отце, чья научно-исследовательская деятельность в области теоретической и прикладной механики известна далеко за пределами Югославии. Выдающийся талант ученого успешно сочетался в нем с блестящей педагогической работой по подготовке научных кадров, что на практике привело к созданию известной всеми миру белградской школы механики флуида. Вспоминая детские годы, Д.К. Воронец подчеркивает, что во многих семьях воспитание шло в исключительно русском духе и уважении к традициям.

Фотография, что это такое? Память, скажут одни и будут правы. Искусство, молвят другие, и тоже будут правы. К работам Жоржа Скригина удивительно точно подходят эти два определения. Выполненные в черно-белом цвете с тончайшими нюансировками света, они производят неизгладимое впечатление и недаром отмечены международными премиями. Сам Ж. Скригин весьма немногословен и пишет лишь об одном — любви к фотографии.

О потомке одного из старинных дворянских родов — инженере Александре Владимировиче Ржевском — рассказывает его сын Александр, подчеркивающий, что всю жизнь его отец посвятил "строительству Сербии", приютившей извергнутого красной Россией потомка Рюриковичей. Краткая информация о знаменитом роде Ржевских, прошлых и нынешних его представителей, завершает семейный портрет.

Смерть и жизнь, а между ними память, связующая нить родства. Такие мысли обычны при посещении родных могил. И глубоко символично, что последнее слово принадлежало протоиерею Василию (Тарасьеву), ведущему читателя по русскому кладбищу в Белграде. Величественные памятники и простые православные кресты — все призывает к памяти, воскрешая в ней тех, кто ушел в небытие, но вошел в историю.

И последнее. Стараниями отца Василия (Тарасьева), М. Миловановича и Ш. Оштрича составлены приведенные в книге ценнейшие списки российских эмигрантов, чьи имена были известны Сербии и старой России, а теперь и нам.

© 1997 г. Булатова Р.В., Косик В.И.

Славяноведение, № 1

Переписка славистов как исторический источник. Сб. научных статей. Тверь, 1995. 144 С.

Вопросы истории славян. Сб. научных трудов. Воронеж, 1996. Вып. 11. 148 С.

Несмотря на тяжелое положение, переживаемое ныне гуманитарными науками, включая и славяноведение, изучение истории славян и славистики не прекратилось даже в провинциальных университетах России, где ситуация менее благоприятна, чем в столичных учебных заведениях. Группы ученых-энтузиастов, преодолевая огромные, в основном материальные, трудности, продолжают вносить вклад в историю славяноведения.

Примером тому служат, в частности, два научных сборника, вышедшие из печати в первой половине 1996 г. (хотя тверское

издание имеет на титуле иную дату). Первый из них — "Переписка славистов как исторический источник" — подготовлен сектором исторической славистики Тверского государственного университета. Коллектив сектора, которым руководит И.Г. Воробьева, не является новичком в деле издания научных сборников. Результаты своих исследований, а также изысканий научных сотрудников других учреждений, слависты Тверского университета публикуют регулярно, о чем свидетельствуют научные сборники, увидевшие свет в 1991 и 1993 гг. [1]. Изданию сборников предшествуют проводимые

сектором научные коллоквиумы, в которых участвуют слависты не только из Твери, но и из других городов России и стран СНГ вообще. Особенностью тверских сборников является их тематическая направленность: каждый коллоквиум и сборник его материалов посвящены сравнительно узкой теме – историографии и источникам по славяноведению, иногда даже и какому-то одному типу таких источников.

Рецензируемый сборник открывается материалом Л.П. Лаптевой "Неопубликованная переписка О.М. Бодянского с чешскими учеными". Письма были обнаружены в разное время автором статьи в архиве О.М. Бодянского в Киеве и в архиве А. Патеры в Праге. Среди них два письма 1841 г. знаменитого чешского дваста П.И. Шафарика, до сих пор не публиковавшиеся; письмо 1846 г. не менее знаменитого филолога Й. Юнгманна; письмо чешского литератора К. Винаржицкого (1844). Далее опубликованы семь писем из корреспонденции между Бодянским и Патерой (1864–1865). Написанные по-чешски письма Шафарика, Юнгманна, Винаржицкого и Патеры публикуются в русском переводе, снабжены комментариями, а также сведениями о корреспондентах, так что могут быть использованы не только научными работниками, но и начинающими славистами – студентами и аспирантами, которым в значительной мере и адресован сборник.

Следующей значительной публикацией являются письма А.Л. Петрова, известного в свое время слависта-карпатоведа, ныне почти забытого. Четыре его письма, направленные академиком В.М. Шимкевичу, С.Ф. Ольденбургу и другим ученым, и семь писем чешскому филологу И. Поливке обнаружены научными сотрудниками ИСБ РАН А.Н. Горяиновым и М.Ю. Досталь в российских и пражском архивах. Во вступительной статье авторы, практически впервые в историографии, освещают нелегкий жизненный путь замечательного русского ученого, фанатично преданного науке, сделавшего ряд открытий и окончившего жизнь на чужбине – он умер в 1932 г. в одной из пражских больниц, одинокий и заброшенный. Материалы Горяинова и Досталь открывают новую страницу в истории славяноведения и существенно ее обогащают.

Наряду с публикациями, в сборнике имеются обзоры эпистолярного наследия отдельных славистов. К ним относится статья О.Н. Хохловой "Обзор эпистолярного наследия из фонда А.А. Майкова". Автором выявлено в архивах 155 писем

Майкова и 282 письма к нему. В статье, разумеется, анализируется лишь небольшая их часть: переписка с О.М. Бодянским и Н.А. Поповым, с варшавским профессором-славистом И.И. Первольфом, с С.Н. Палаузовым и др. Весьма интересные сведения можно почерпнуть из переписки Майкова с представителями национально-освободительного движения южных славян, в ней содержатся данные о проблемах их жизни и работы. Из статьи видно, сколь важны материалы эпистолярного наследия Майкова для уяснения многих деталей не только истории русского славяноведения, но и позиций русского общественного мнения по славянскому вопросу.

Статья И.В. Чуркиной анализирует переписку И.А. Бодуэна де Куртене со словенскими учеными. Письма последних хранятся в Петербургском филиале архива (ПФА) РАН, в бумагах Бодуэна, а его письма к словенским исследователям извлечены автором из заграничных архивов. На основании этой корреспонденции Чуркина освещает научные контакты известного лингвиста с Д. Трстеняком, К. Штрекелем, В. Облаком и др. Автор справедливо считает, что переписка Бодуэна со словенскими учеными содержит интересные данные по истории русско-славянских научных связей.

Е.А. Макарова на основании переписки известных славистов М.И. Соколова и В.И. Ламанского восстанавливает детали отношений между учеником и учителем. Автор рассматривает этапы этих отношений, как они отразились в переписке, отмечает духовную близость корреспондентов, доверительный тон писем, богатую информацию о научной и педагогической работе обоих профессоров и т.д. Отмечается, что переписка, продолжавшаяся почти 30 лет, отражает процесс развития славяноведения в России и дает много интересного материала для биографий двух крупных славистов. Сама корреспонденция хранится в Отделе рукописей (ОР) РГБ в Москве и ПФА РАН.

Письма В.И. Ламанского к другому его ученику, Т.Д. Флоринскому, также выдающемуся русскому слависту, изучила М.Г. Дубик. Письма хранятся в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского в Киеве, в фонде Флоринского, всю жизнь проработавшего профессором Киевского университета и погибшего в Киеве в период гражданской войны, в 1919 г. Корреспонденция, охватывающая период с 1878 по 1910 гг., содержит весьма значительный объем сведений,

которые не могут быть изложены в короткой статье, так что автор остановился лишь на некоторых фрагментах. К сожалению, научный аппарат статьи весьма беден.

Аспирантка МГУ А.В. Яхяева описала в своей статье содержание писем А.Л. Дювернуа к Н.А. Попову, проработанные автором в ОР РГБ. Можно отметить, что аспирантские статьи отличаются меньшей научной зрелостью ввиду недостаточного опыта научных исследований, однако дают информацию о малоизвестном материале из области русского славяноведения, в чем и состоит их значение.

И.Г. Воробьева на основании переписки преподавателя Тверской духовной семинарии В.И. Колосова, известного публикатора сочинений Ю. Крижанича, с М.Н. Сперанским, А.А. Шахматовым и В.Н. Щепкиным восстанавливает историю публикации рукописи Ю. Крижанича "Обяснчнје виводно о писмч Словенском", хранящейся в Государственном архиве Тверской области. Освещая предысторию первого издания этой рукописи, автор касается попутно и ряда иных вопросов, относящихся к публикации литературного наследия Крижанича. Материал способствует уяснению многих спорных и даже неизвестных деталей, связанных с творчеством хорватского просветителя.

В статье Е.П. Аксеновой рассматривается положение славяноведения в СССР в первой половине 30-х годов. Автор выясняет судьбу ряда учреждений и отдельных ученых на основании анализа писем Н.С. Державина, Б.М. Ляпунова и Г.А. Ильинского.

Завершает сборник статья Ивана Педерина из г. Задар (Хорватия), которая выпадает из общей тематики издания и невыгодно отличается от упомянутых выше материалов отсутствием ясного представления о предмете исследования, недифференцированностью подхода к различным типам источников. Фактически автор ограничивается самым кратким и поверхностным описанием фондов исторического архива Задара, относя к "письмам" и послания римских пап всем христианам, и грамоты венгерско-хорватских королей, и послания гуманистов, и официальную переписку боснийских правителей с австрийским губернатором и т.д. Впрочем, хотя в статье заметны явные недоработки в области классификации исторических источников, информация об их характере не может считаться бесполезной.

В целом же рецензируемый сборник содержит архивный материал, который в основном (за редкими исключениями) не

был еще в научном обороте или даже вообще неизвестен. Он открывает новую страницу в истории отечественного славяноведения; публикации и содержащаяся в статьях информация представляют собой ценные источники для исследования истории науки.

Иной характер носит сборник, составленный и изданный кафедрой истории средних веков и славяноведения Воронежского государственного университета. Издание возобновлено после долгого перерыва и посвящено 25-летию кафедры и 85-летию со дня рождения первого ее заведующего А.Е. Москаленко (1909–1984). В связи с этим сборник открывается статьей Н.П. Мананчиковой "А.Е. Москаленко – ученый и педагог". Автор останавливается на биографии Москаленко и характеризует его деятельность, усилия в деле организации Всесоюзных конференций историков-славистов, указывает на то, что он первым в советской медиевистике возобновил исследование по истории далматинских городов, что он сформировал ценную личную библиотеку специальной литературы по истории славян и т.д. В целом, Москаленко представлен как "незаурядный педагог, организатор и ученый" (С. 15). Таким образом, статья создает "житийный" образ А.Е. Москаленко, что не бесспорно. Впрочем, объективная оценка вклада в науку каждого ученого возможна лишь тогда, когда она исходит от людей, не связанных с ним личными симпатиями или антипатиями.

В статье С.П. Бобровой "С.А. Никитин и Воронеж" приводится ряд интересных фактов сотрудничества крупнейшего слависта-историка с учеными города. Автор опирается в значительной мере на издание, посвященное 90-летию со дня рождения С.А. Никитина [2], а в некоторых случаях приводит и новые детали.

А.Н. Горяинов опубликовал статью "Д.Н. Егоров и советско-немецкие научные связи". Автор неоднократно обращался к изучению жизни и творчества замечательного русского ученого, замученного советской властью. В публикации подробно рассматриваются период деятельности Егорова после 1917 г., его командировка в Германию в 1928 г. и ее роковые последствия. Статья открывает еще одну печальную страницу в истории отечественного славяноведения.

Статьей Л.П. Лаптевой заканчивается историографическая часть сборника. В ней речь идет об изучении балканских славян в трудах Русского Археологического института в Константинополе.

Дальнейшие материалы издания посвящены истории славянских народов в средние века, в новое и новейшее время. Н.Н. Подпригорова рассмотрела судебную систему Дубровника в период от второй половины XIII в. до первой половины XV в. на основании "Зеленой книги" – сборника законов, принятых с 1358 по 1460 гг., а также и некоторых других источников. Названная проблема до сих пор не привлекала внимания отечественных историков, так что статья в известной мере заполняет этот пробел. Из материалов, относящихся к новейшей истории славян, следует отметить статью Г.И. Лепехиной "Деятельность иностранных школ на территории Болгарии в 30–40-е годы XX в. и их роль в формировании национального самосознания учащихся". Рассмотрев названную проблему, автор отмечает особую активность немецких учебных заведений, не только распространявших среди болгарской молодежи знание немецкого языка и культуры, но и пропагандировавших начиная с 1940 г. нацистскую идеологию.

Статьи славистического цикла в сборнике заключает работа Н.Т. Сапроновой "Вас.И. Немирович-Данченко: годы эмиграции", основанная главным образом на материалах архива этого писателя и ученого-болгариста; материалы архива хранятся в РГАЛИ и лишь недавно стали доступны исследователям. Статья представляет значительный интерес.

В заключение можно отметить, что статьи по славяноведению публикуются в научных сборниках и других провинциальных университетах России, а это – лишнее свидетельство непреходящего интереса к славистическим проблемам в отечественной науке.

© 1997 г. Лантеева Л.П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биография исследователя как жанр славистики. Сб. научных трудов. Тверь, 1991; Славистика в университетах России. Сб. научных трудов. Тверь, 1993.
2. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 14.

Славяноведение, № 1

История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1: 1945–1960 гг. / Отв. ред. Хорев В.А. М., 1995. 696 С.

В конце 80-х годов с крахом режимов "реального социализма" завершилась целая полоса в развитии стран Восточной Европы. Длившиеся более 40 лет крупномасштабные социалистические эксперименты отошли в прошлое, став предметом изучения профессиональных историков. Не слишком уж велика временная дистанция, чтобы остыть политическим страстям вокруг опыта минувших десятилетий, но очевидно, что поверхностно-публицистический взгляд на события послевоенной истории никак не может удовлетворить требованиям общественного самопознания и должен уступить место более взвешенному, лишённому идеологической предвзятости научному анализу.

Накопленный опыт "социалистического строительства" в странах региона настолько

многообразен, что для его всестороннего изучения необходимы совместные усилия ученых разных дисциплин. При этом историко-культурный подход к проблеме имеет известные преимущества перед историко-экономическим и историко-политическим, ведь ничто не может быть столь показательным для общей характеристики того или иного исторического периода, как ответ на вопрос: какие подлинные ценности, составляющие национальную гордость, были созданы за рассматриваемые годы, каков вклад пройденного исторического этапа в формирование культурного достояния наций? Учитывая традиционно большую роль художественного слова в становлении национального самосознания большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы и

активное участие творческой интеллигенции в общественно-политической жизни своих стран, можно сказать, что история литературы этого региона – это не просто описание художественного творчества, а едва ли не важнейшая составная часть истории национального духа. Именно с такими мерками и следует подходить к любому литературоведческому труду, претендующему на всеохватывающее рассмотрение литературного процесса.

Уже само определение предмета исследования вызывает ряд вопросов. Ведь Восточная Европа – феномен прежде всего политический. Его возникновение стало следствием процессов, происходивших в международных отношениях с конца второй мировой войны, – раздела мира на сферы влияния великих держав, закрепленного решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, раскола антигитлеровской коалиции и обострения "холодной войны" в последующие годы. Существенно то, что страны, вошедшие в восточноевропейское геополитическое пространство, первоначально относились не к одному, а к двум исторически сложившимся регионам.

Глубокие культурно-исторические различия между Центральной Европой и Балканами уходят своими корнями в раннее средневековье. Сделанный тогда выбор между католицизмом и православием, духовной ориентацией на Рим либо на Константинополь в значительной мере предопределил на все последующие столетия характер и пути приобщения тех или иных народов к мировой культуре. Экспансия Турции на Балканы в XV–XVI вв. явилась другим решающим фактором, обусловившим расхождение в развитии двух названных регионов. Пограничье между Османской и Габсбургской империями стало в XVII в. и рубежом между двумя культурными ареалами.

Различия между двумя регионами, хотя и несколько заслоненные фактором политической общности послевоенных режимов, не исчезли до сегодняшнего дня. Очень показательное происходящее в странах-наследницах монархии Габсбургов оживление споров о содержании феномена "Центральная Европа", исторической специфике и границах этого региона [1]. Надо заметить также, что Восточная Европа не стала и механическим соединением двух регионов, ведь не каждое из государств, относящихся к Центральной Европе либо Балканам, вошло после войны в сферу влияния СССР и разделило судьбу своих соседей. Достаточно напомнить о развитии

Австрии или Греции. В связи со всем вышесказанным закономерен вопрос: насколько оправдано применять геополитический критерий при выделении литературной общности? Всем ходом изложения обширного конкретно-исторического материала авторы труда доказывают, что это оправдано в той мере, в какой общность судеб наций предопределила сходство литературных процессов.

Открывшаяся после победы над гитлеризмом перспектива коренного демократического обновления осталась в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы нереализованной. К концу 1940-х годов там были установлены коммунистические режимы сталинского типа. Немалую роль в таком развитии событий сыграли советское военное присутствие, политическое давление руководства СССР. Установлению монопартийных диктатур в некоторых из стран все же предшествовал кратковременный (два-три года) период правления антифашистских коалиций, характеризовавшийся не только острой конфронтацией различных идейно-политических программ, но и духовным плюрализмом, плодотворным для художественного творчества. Для осмысления всего пережитого за годы войны не всегда подходили прежние эстетические концепции. "Все мы, кто любил искусство, почувствовали себя обманутыми. Искусство учило нас уважать человека и преклоняться перед богатством его внутреннего мира. А что мы видели? Мир, в котором из людей делали мыло, из девичьих волос – матрацы, мир такой, что не хватало слов, чтобы описать его. В искусстве же мы никогда не встречали такого мира, который нам являлся ежедневно... И мы пришли к твердому убеждению, что искусство пошло по ложному пути. Оно должно быть совсем другим, заявили мы, совсем другими должны быть его истоки; оно должно быть цельным, нравственным и служить правде" (С. 98). Эти глубоко эмоциональные строки польского литератора А. Рудницкого хорошо передают послевоенное состояние умов.

Одним из характерных явлений духовной жизни народов Центральной Европы во второй половине 40-х годов стала большая популярность среди интеллектуалов философии, драматургии и прозы французского экзистенциализма. Образованная публика увидела в экзистенциалистской концепции личности один из возможных путей к сохранению душевного равновесия после всего пережитого в годы фашистского варварства. "Сартровская лихорадка в

Венгрии достигла 40 градусов" — так прокомментировал референт Всесоюзного общества культурных связей с заграницей информацию о постановке в театрах Будапешта сразу нескольких пьес Ж.П. Сартра и публикации ряда его произведений в журнальной периодике [2]. Известное влияние экзистенциальной философии испытала польская психологическая проза второй половины 40-х годов (Т. Боровский, Е. Анджеевский, С. Дыгат, Т. Бреза и др.), особенно ярко воплотившая духовный опыт своего поколения.

Под непосредственным влиянием войны происходят заметные левые сдвиги в общественном сознании. Политические силы послевоенной Европы (христианско-демократические, либеральные, социал-демократические и т.д.) предлагали различные проекты реформирования довоенных систем, одним из характерных мотивов европейской общественной мысли становится критика политической практики веймарской Германии, где демократия так и не смогла выработать надежных защитных механизмов против захвата власти нацистами.

О серьезных сдвигах влево, произошедших за годы войны в сознании населения, говорят результаты свободных парламентских выборов, рост численности левых партий во многих странах, включая Францию и Италию. В Чехословакии среди тех, кто поддерживал, пускай и с оговорками, политику Компартии, были крупнейший чешский поэт XX в. В. Незвал, его талантливый собрат по перу Ф. Галас, выдающиеся театральные режиссеры З.Ф. Буриан и Й. Гонзл, один из основателей всемирно известного Пражского лингвистического кружка Я. Мукаржовский, ряд музыкантов и архитекторов с европейскими именами. Подобное увлечение чешской интеллектуальной элиты коммунистической идеологией едва ли может быть объяснено только страхом перед Красной Армией и смирением перед неизбежным в сложившихся условиях наступлением эпохи социалистических экспериментов (большинство из этих людей проявили себя в годы войны как стойкие антифашисты, некоторые, например Буриан, прошли гитлеровские концлагеря). Гораздо важнее был, на наш взгляд, "мюнхенский синдром": политика демократических держав в отношении Чехословакии в конце 30-х годов, облегчившая Гитлеру задачу уничтожения чехословацкой государственности, вела к известному разочарованию чешских деятелей культуры в западной демократии, а атмосфера

поисков новых, более совершенных форм общественного устройства при недостаточной информированности о советской системе способствовали ее идеализации, усилению просоветских и прокоммунистических настроений. В своей культурной концепции лидеры КПЧ делали особый акцент на факт принадлежности чехов и словаков к славянскому миру. В 1945–1946 гг. в прессе и на съезде писателей развернулась дискуссия о путях развития чешской и словацкой культур, в ходе которой проявились принципиальные разногласия в вопросе не только о культурных, но и о политических ориентациях послевоенной Чехословакии. При всей несомненности того факта, что идея принадлежности Чехии к славянскому миру в конкретно-исторических условиях второй половины 40-х годов однозначно подразумевала просоветскую политическую ориентацию, многие очень крупные деятели чешской культуры в ходе дискуссии солидаризировались именно с ней. И в художественном творчестве обращение к славянским первоисточкам чешской культуры становится одной из характерных тенденций, находит отклик в поэзии В. Голана, других заметных литературных явлениях.

Даже в такой стране, как Польша, с характерной для большей части ее населения стойкой, имеющей глубокие исторические корни русофобией, интеллигенция не могла не видеть в СССР главного гаранта послевоенных польско-германских границ, что вело к известной нейтрализации антисоветизма. Новое руководство, получившее власть от Красной Армии и не пользовавшееся широкой общественной поддержкой, могло также использовать в интересах своего укрепления усталость общества от ужасов войны, стремление людей к стабилизации.

В условиях, когда центр тяжести в политической жизни большинства стран резко сместился на левый фланг, полные права гражданства наряду с другими эстетическими концепциями получают марксистские. В работах венгра Д. Лукача или поляка С. Жулкевского, отличавшихся тонким пониманием специфики художественного творчества, признанием автономии искусства, эти концепции имели мало общего с догматизированной ждановской эстетикой, господствовавшей в те годы в Советском Союзе.

Известные постановления 1946–1948 гг., ознаменовавшие собой воинствующее наступление догматизма и нетерпимости в

культурной политике ВКП(б), способствовали усилению настроенности интеллигенции Восточной Европы в отношении социалистической перспективы и снижению ее симпатий к СССР. В грубом попрании творческих свобод в СССР выделялся тот тип отношений с деятелями культуры, который в случае крушения коалиций и установления коммунистического единовластия мог стать реальностью и в странах этого региона. Даже художники, принимавшие социалистическую идею, боялись ущемления автономии искусства, навязывания жесткого идеологического каркаса по советскому образцу: "Да, мы все хотим, чтобы искусство в будущем было искусством широких масс. Но не менее искренне и убежденно мы хотим и того, чтобы искусство при этом оставалось искусством", – заявлял словак Д. Хробак (С. 251). В Чехословакии даже некоторые левые издания проявили такую обеспокоенность новыми постановлениями, что руководителю Союза советских писателей А. Фадееву пришлось срочно вылететь в 1947 г. в Прагу, чтобы в ходе встреч с чешскими литераторами дать разъяснения, едва ли, впрочем, успокоившие их.

Опыт последующих лет подтвердил полную обоснованность самых худших опасений. "Дискуссия о Лукаче" 1949–1950 гг., нашедшая отклик далеко за пределами Венгрии, явилась наиболее очевидным свидетельством окончательного поворота культурной политики от концепции широкого единства антифашистских, демократических сил, выступающих за обновление, к требованиям полного подчинения искусства тем выдававшимся за последнее слово марксистской мысли догмам, которые ориентировали на создание тоталитарных режимов по сталинскому образцу.

Утверждение вульгаризованной марксистской эстетики происходило на фоне постоянных призывов к сближению искусства с жизнью. "Художественное и культурное творчество должно быть отражением великого перелома, переживаемого нацией", художники должны "вникнуть в ритм труда народных масс" и "черпать творческое вдохновение из их чувств и переживаний", – звучало с высоких трибун. Но вопреки всем громким фразам о великой миссии писателей как "инженеров человеческих душ", на деле литература очень быстро становится не более чем одним из вспомогательных средств пропаганды текущей партийной политики. В одном из документов СЕПГ с предельной откровенностью говорилось, что цель литературы – "разъяснить всему народу

смысл и значение двухлетнего плана и всех связанных с ним общественных проблем" (С. 477).

Факт обращения писателя к теме социалистического строительства, равно как и умение сделать творчество доходчивым для многомиллионной аудитории, становились главным мерилем понимания писателем насущных задач современного искусства. Эстетические критерии отодвигаются на второй план, заслоненные идеологическими, богатство поэтических форм постепено втискивается в жесткие рамки "социального заказа", творческая индивидуальность абсолютно игнорируется. Похожие как две капли воды романы о передовиках производства, пьесы о конфликтах хорошего с лучшим, стереотипные по своему художественному решению образцы агитационного стихотворчества настолько заполнили книжный рынок и страницы журнальной периодики, настолько пресытили даже самого эстетически неприхотливого читателя, что уже в 1951–1953 гг. лица, стоявшие во главе культурной политики своих стран, осторожно и с оглядкой, но все-таки дают задний ход запущенной машине – отношение к художественному воплощению перестает быть столь же снисходительным, как в первые годы "пролетарской власти", в Польше и Венгрии провозглашается борьба "со схематизмом", в Болгарии партийное руководство, обеспокоенное полной дискредитацией продукции "соцреализма" в глазах читательской аудитории, неожиданно берет под защиту от критических нападок художественно полнокровный роман Д. Димова "Табак". Вообще было бы ошибкой приписывать исключительно партийному диктату вину за торжество одномерности и украшения, упрощенчества и идеологической заданности в культуре начала 50-х годов. "При всем засилье догматизма и агрессивного левачества, характерном для этого периода, в обществе тем не менее продолжала сохраняться подогреваемая победными фанфарами, экзальтированная атмосфера надежд на реальное осуществление провозглашенных социалистических идеалов. Литература не избежала этих иллюзий. Не замечая (или не отваживаясь в тот момент замечать) наивного утопизма собственных представлений, поэты, писатели, драматурги упоенно торопили время. Теория бесконфликтности, лакировочные тенденции, проникавшие вместе с бабаевскими и ажаевыми из советской литературы, находили для себя благодарную почву.

Через полосу самогипноза прошли не только дебютанты, но и вполне сформировавшиеся художники", – тонко замечает один из авторов книги Ю.В. Богданов (С. 266). Но состояние гипноза не может длиться вечно, за ним неминуемо следует пробуждение. "Ощущение тупика, в который заводило безмерное увлечение лозунговостью и декларативностью, не могло не вызвать защитной реакции в недрах самой поэзии" (С. 267–268). В. Незвал, который и в годы господства нормативной эстетики не утратил своей яркой поэтической индивидуальности, неожиданно выступает в защиту Г. Аполлинера, за возрождение вытесненной с конца 40-х годов авангардистской традиции, в частности, наследия чешского поэтизма и сюрреализма 20–30-х годов. Начиная с середины 50-х годов происходит "триумфальное шествие" по театральным сценам разных стран драматургии Б. Брехта, чье творчество при всей своей безусловной коммунистической тенденциозности никак не укладывалось в "прокрустово ложе" схем нормативной эстетики и доставляло много неудобств теоретикам "социалистического реализма". В записи беседы советского дипломата с кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ А. Куреллой (февраль 1959 г.) читаем: "Говоря о положении театрального искусства в республике, Курелла подчеркнул, что основные трудности они испытывают с берлинскими театрами. Во всех областях театральной жизни в Берлине засели эпигоны Брехта – крупного художника, но буржуазного. Именно поэтому Брехт имеет такой большой успех на Западе. Но театр Брехта – это не наша дорога. Вот почему настало время вступить в борьбу с людьми, пользующимися именем Брехта для протаскивания буржуазных идей и нравов в театры ГДР" [З. Д. 86. Л. 68–69].

Когда политические перемены середины 50-х годов создали предпосылки для несколько большей эстетической открытости, судьбы концепций реализма и, в частности, социалистического реализма сложились в разных странах по-разному. Если в Болгарии, отчасти и в Чехословакии имели место попытки модифицировать теории в соответствии с многообразным художественным опытом, то в Польше само понятие "социалистического реализма" настолько скомпрометировало себя, что все старания его реанимировать оказались безуспешными. В середине 50-х годов, когда подули ветры перемен из Москвы, марксистская и близкая к ней критика оказалась в трудном положении. Ей

пришлось отвечать перед обществом за все прегрешения культурной политики в предыдущие годы. Очень показательно, что даже философски глубокая эстетика Д. Лукача с присущей ей антиавангардистской направленностью была совсем не созвучна творческим устремлениям нового литературного поколения в странах Восточной Европы, усиленно пытавшегося наверстать упущенное по части художественного экспериментаторства, активно осваивавшего новейший опыт западных литератур. Надо сказать, что к этому времени культурная политика, извлекая уроки из польских и венгерских событий 1956 г., стала гораздо спокойнее в большинстве стран реагировать на формальные поиски, так как они нередко вводили в сторону от злободневных проблем. "Авангардизм утратил романтический ореол и превратился в наиболее доступный пропуск в литературу", – заметил в этой связи польский критик А. Василевский (С. 137).

Все более явно обнажившийся разрыв между коммунистическим идеалом и реальным общественным состоянием, достигнутым в ходе строительства социализма, стал настоящей трагедией для многих видных деятелей культуры, с молодости приверженных социалистической идее, посвятивших свою жизнь ее осуществлению. Л. Новомеский, крупный словацкий поэт, ветеран Компартии, встретивший XX съезд КПСС на тюремных нарах, вскоре после реабилитации говорил с трибуны писательского съезда в 1963 г.: "Трагизм в том, что мы обманывали и обманули целое поколение, которое стоит за окнами этого зала в растерянности, беспомощное, лишившееся уверенности, не чувствуя прочной опоры под ногами. Ему мы должны вернуть веру, доверие к правде, которые, однако, нам предстоит сначала найти в самих себе" (С. 282).

После XX съезда КПСС творческая интеллигенция, к этому времени в основном преодолевшая многие свои прежние иллюзии, оказалась в авангарде сил, выступающих за обновление. Опыт польских и особенно венгерских событий 1956 г., также как и борьбы за "социализм с человеческим лицом" в Чехословакии 60-х годов показал, что деятели культуры, в первую очередь писатели, в моменты кризиса государственно-бюрократического социализма иногда выступают как самостоятельный фактор общественного процесса, альтернативная духовная (а подчас и политическая) сила, ведущая за собой

нацию. Когда же кризис оставался позади, и партократия, опираясь на поддержку извне, находила пути для консолидации своей власти, творческая интеллигенция (точнее, определенная ее часть) принимала на себя главный удар репрессивной машины – вспомним об аресте Т. Дери и Д. Хая в Венгрии после 1956 г., о гонениях на интеллектуалов в Польше в 1968 г., в Чехословакии в 1969–1970 гг. Участие писателей в общественно-политической жизни настолько тесно переплетается с литературным процессом, что дать картину последнего невозможно вне широкого социально-исторического контекста. История литератур стран Восточной Европы в 50–60-е годы – это история интеллектуального сопротивления тоталитаризму, и каждая из страноведческих глав монографии подтверждает это. Опыт кадровой Венгрии, где власть предрешающие пошла в 60-е годы на известные уступки своим оппонентам, склонилась к политике компромисса, поиску платформы, вмещающей разнородные идейно-эстетические явления, говорит о том, что усилия не были напрасными.

В своем противостоянии власти писатели не были одиноки, находили опору в надежном союзнике – читателе, с готовностью внимавшем каждому правдивому слову, и многовековой национальной культурной традиции, противившейся унифицирующему влиянию внешних сил. Национально-освободительные мотивы в собственной литературной классике приобретали в эпоху "реального социализма" новое звучание. Запрещение постановки "Дзядов" А. Мицкевича в 1968 г. – характерный пример того, как классические произведения оказывались созвучными оппозиционной литературе и разделяли ее судьбу.

Одна из глав посвящена литературе Восточной Германии, которая, по мнению ее автора А. А. Гугнина, может рассматриваться как "обособление и абсолютизация в определенных исторических условиях одной из линий развития немецкой национальной литературы, одной из ее национальных и тем самым укорененных в свою родную почву традиций" (С. 470). Раздел страны на сферы влияния, образование в 1949 г. ФРГ и ГДР хотя в известной мере и нарушили единство литературной жизни Германии, все-таки не поставили под сомнение существование немецкой культуры как целостного организма. Литературные процессы в обеих Германиях протекали в тесной взаимосвязи. Во-первых, на протяжении рассмат-

риваемого периода некоторые ведущие писатели меняли место своего проживания. Если в первые послевоенные годы именно советская зона оккупации притянула к себе разбросанных по всему миру немецких литераторов-антифашистов, то с середины 50-х годов все отчетливее проявляется противоположная тенденция – испытан на себе все "прелести" казарменного социализма, восточногерманские интеллектуалы переселялись один за другим в ФРГ. Во-вторых, даже те из крупнейших писателей ГДР, кто оставался в числе граждан "первого социалистического государства на немецкой земле", часто могли лишь на Западе опубликовать свои основные произведения. В условиях резкой политической конфронтации немецкая литература в лице представлявших ее писателей стремилась к единству, была одним из символов единой германской культуры. Анализируя ситуацию, сложившуюся после войны в духовной жизни обеих Германий, А. А. Гугнин справедливо отмечает: "Определенное моральное преимущество исходных посылок культурного строительства в советской зоне оккупации и затем в ГДР состояло именно в том, что здесь антифашистскую культурную политику проводили активные участники антифашистской борьбы, которые с полным на то правом чувствовали себя победителями, представителями той – пусть небольшой – части немецкого народа, которая не склонилась перед фашистским варварством" (С. 468). Этому моральному преимуществу не могло не способствовать и то обстоятельство, что в Западной Германии союзнические войска в условиях "холодной войны" также проявляли нетерпимость к идейным оппонентам, вытесняли их из культурной жизни, что вело к образованию определенного духовного вакуума и в этой части Германии (достаточно напомнить о запрещении деятельности "Kulturbund"). "Отчуждение, запрещения и препоны исходили с Запада Германии – Восток еще долго стремился сохранить общий язык с Западом", – комментирует сложившуюся ситуацию литературовед из Западной Германии (С. 472). Однако крайний догматизм культурной политики привел к быстрой растрате имевшегося морального капитала. Сотни тысяч немцев, убогая в ФРГ, ногами проголосовали против социализма. Сооружение берлинской стены в 1961 г. явилось молчаливым признанием Москвой и Восточным Берлином своего поражения в идейном споре с Западом.

В одной главе, как некоторая идейно-

художественная целостность, рассматриваются литературы народов Югославии. Для такого подхода есть все основания. Особые политические условия, сложившиеся с конца 40-х годов, как никогда способствовали торжеству центростремительного начала в югославской культуре.

Советско-югославский конфликт 1948 г. предопределил своеобразие культурного развития страны в последующие десятилетия. Как известно, до разрыва с СССР Югославия была наиболее продвинутой по пути "социалистического строительства" государством в регионе. Советизация культуры шла здесь широким шагом, тогда как присутствие западных держав в духовной жизни было незначительным. Характерно, что в 1945–1949 гг. 85% всех опубликованных в Югославии переводов было выполнено с русского языка. Конфликт 1948 г. вызвал немалое замешательство в югославском руководстве и отнюдь не сразу изменил направленности внешних ориентаций в области культуры, тем более что необходимость выживания в экстремальных условиях стимулировала ужесточение контроля над настроениями общества. Интересно, что некоторым из арестованных в 1949 г. оппозиционеров титовскому режиму инкриминировалась не только антигосударственная деятельность в пользу СССР и Коминформа, но и преклонение перед Западом. Новая парадигма культурной политики вырисовывается в 1950–1952 гг. Стремление выйти из внешнеполитической и культурной изоляции вело к налаживанию с начала 50-х годов более активных контактов с Западом. Пьесы современных западных драматургов, запрещенные в то время к постановке в странах "социалистического лагеря", шли на сценах югославских театров уже в 1952–1953 гг.

Как справедливо пишет автор югославского раздела Г.Я. Ильина, события 1948 г. показали иллюзорность представлений об однородности и бесконфликтности социалистического мира. Тем самым создавалась почва для рождения критического взгляда на догматический марксизм и социалистический реализм, а также их практическое воплощение в СССР. Нельзя, конечно, забывать, что либерализм культурной политики титовского режима был более чем относительным – в стране поощрялась критика советского социализма, но не допускались критические замечания о югославской действительности, те же, кто отваживался на это, как М. Джилас, подвергались преследованиям властей. И все-таки плюралистические тенденции в

культуре неуклонно пробивали себе дорогу.

По мере ослабления с середины 50-х годов внешнеполитического прессинга в югославской культуре усиливаются разъединительные тенденции, происходит откат от общегославской идеи, все более акцентируется национальная специфика. Иногда это приводило к искусственному обособлению, нарушению существовавшей взаимозависимости культур.

Одна из ключевых проблем монографии – отношение творческой интеллигенции Восточной Европы к советскому опыту. Будучи частью государственной политики, пропаганда советской культуры была нацелена на усиление влияния СССР в регионе. Повторявшиеся изо дня в день на протяжении многих лет призывы учиться у советской культуры не могли не вызывать неприятия, временами проявлявшегося открыто. Так, весной 1956 г. будущий нобелевский лауреат Я. Сейферт под бурные аплодисменты собравшихся произнес с трибуны съезда чехословацких писателей: "Еще во времена гуситских войн мы были страной сплошной грамотности. Нам нечему учиться на Востоке". И все-таки "советская культура" выступала как величина переменная. Если в начале 50-х годов она нередко отождествлялась с конъюнктурными поделками в духе Бабаевского или, в лучшем случае, с сильно усеченным наследием М. Горького и В. Маяковского, то в годы оттепели были предприняты попытки переосмыслить содержание этого феномена, приобщиться ко многим ценностям, которые долгое время не были доступны. «Когда в период так называемого "культы личности" советское искусство переживало серьезное торможение естественного развития, многие наши культурные учреждения и организации применяли такие методы его пропагандирования и распространения, которые могли оттолкнуть самых горячих поклонников этого искусства. А ведь советское искусство, взятое как единое целое, может гордиться великолепными достижениями», – писал в 1957 г. в своей программной статье новый орган Общества польско-советской дружбы журнал "Opinie" [3. Д. 32. Л. 124]. На страницах этого журнала в то время увидели свет произведения Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой, М. Цветаевой, И. Бабеля. Но в СССР люди, ведавшие пропагандой культуры на зарубежье, продолжали находиться в плену старых стереотипов и, конечно же, не смогли оценить, какие новые возможности для

повышения престижа русской культуры новейшего времени открывает позиция этого журнала. Руководитель Комитета по культурной связи с зарубежными странами Г.А. Жуков с озабоченностью информировал ЦК о том, что «"Трубуна Ludu" сочла возможным, хотя и с некоторыми оговорками, горячо поддержать новый журнал, поднимающий на щит все то гнилое и порочное, что есть на задворках нашей литературы» [3. Д. 32. Л. 117]. В ЦК было решено обратить внимание польского руководства на "недружественный нам характер" журнала, в "Литературной газете" вышла статья «Чьи это "мнения"?». В идейной атмосфере, сложившейся после подавления венгерского восстания, в Варшаве не могли не прислушаться к голосу Москвы. Журнал "Opinie" после двух номеров был закрыт. Что было следствием подобной политики? В записке Инокомиссии СП СССР от декабря 1965 г., адресованной в ЦК, говорилось о неуклонном падении престижа советской литературы и искусства, приводились слова одного из чешских критиков, заметившего: "Сейчас нет литературы более презираемой, чем советская, и нет писателя более презираемого, чем Горький" [3. Д. 156. Л. 19].

Но проблема воздействия советского фактора на литературную жизнь имела еще и другой аспект. Творческая интеллигенция стран Восточной Европы очень внимательно следила за литературным процессом в СССР, любое серьезное новое веяние в советской литературе не только находило отклик, но и как бы легитимизировало право восточноевропейских художников на идейно-эстетические искания в аналогичном русле. В обстановке первых месяцев после XX съезда «провозглашенная политическая установка на использование, а по сути копирование советского опыта позволяла в создавшихся конкретных условиях в легальных формах, со ссылкой на советские источники настаивать на отказе от наиболее одиозных проявлений вульгарно-социологического подхода к литературе» (С. 279). Таким образом, не только противники, но и сторонники обновления апеллировали к советскому опыту, пытались найти в нем для себя опору. Существенно и другое. Восточноевропейским писателям был, как правило, отнюдь не безразличен резонанс многомиллионной советской читательской аудитории. Причем иногда писатели, подвергавшиеся у себя дома критике с ортодоксальных позиций, могли в целях самозащиты сослаться на факт популярности своих произведений в СССР. "За

последнее время на сценах советских театров нередко появляются пьесы драматургов социалистических стран, серьезно раскритикованные общественностью в этих странах, на что обращали внимание наши друзья" – читаем в документе отдела культуры ЦК КПСС от 1961 г. [3. Д. 136. Л. 99–100]. Далее был приведен конкретный пример. Постановка МХАТом пьесы П. Когоута "Третья сестра" "может быть воспринята чехословацкими друзьями как поддержка неверной позиции драматурга и несогласие с той оценкой пьесы, которую дала ей чехословацкая общественность". То же самое касалось пьесы П. Когоута "Такая любовь" и ряда других произведений, которые, как говорилось в той же записке, "показывают современную Чехословакию во многом с обывательских позиций, подчеркивают темные стороны жизни, уводят зрителя от важнейших общественных процессов, происходящих в стране".

Восприятию литератур региона в СССР посвящена отдельная глава книги. Процесс ознакомления советского читателя с творчеством писателей Восточной Европы, в целом благотворный, был вместе с тем серьезно деформирован абсолютизацией идейно-политических критериев при отборе произведений для перевода и публикации. Как справедливо отмечает автор раздела Т.П. Агапкина, размах пропаганды в СССР творчества авторов революционного, социалистического направления часто не соотносился с их реальным вкладом в сокровищницу национальных литератур и тем самым нарушал представление о действительном облике последних. На фоне тиражируемой серости иной раз оставались незамеченными подлинными ценности. Сложилась ситуация, которую точно охарактеризовал в одном из писем Б. Пастернак. Дав высокую оценку творчеству венгерского поэта Д. Ийеша, он с сожалением заметил: "...Если и слышал его имя, то не обратил внимания или забыл: так много наносного, ложного, обязанного своим существованием торпливой, непроверенной потребности зарубежной, плохо понимаемой дружбы, так много державшегося и еще продолжающего держаться только благодаря политическим подпоркам связано с миром наших переводческих начинаний и в большинстве огульно казалось мне несуществующим".

С течением времени советская журнальная периодика и книжная продукция давали более широкую и полную картину развития литератур региона. Но и в 1965 г. один из

руководителей СП СССР А.А. Сурков писал в ЦК: "В ЧССР распространено мнение о некоторой односторонности в отборе произведений чехословацкой литературы для издания в СССР" [З. Д. 149. Л. 5]. О широкой пропаганде в СССР книг, художественный уровень которых не может дать должного представления о современной польской литературе, говорил с трибуны II съезда советских писателей в 1954 г. Я. Ивашкевич.

В процессе коренной переоценки прежних ценностей на место старых мифов нередко приходят новые. Даже самый беглый взгляд на литературный процесс послевоенной Восточной Европы вдребезги разбивает новоявленную легенду о том, что литература, оплодотворенная социалистической идеей, может быть только художественно неполноценной. М. Крлежа, В. Незвал, Т. Дери, В. Броневский, Я. Ива-

шкевич, Л. Новомеский, не говоря уже об одном из корифеев культуры XX в. Б. Брехте, были в своих странах писателями первого ряда. Книга, подготовленная авторским коллективом Института славяноведения и балканистики, свободна от замалчиваний и новых, диктуемых нынешней политической ситуацией, конъюнктурных шараханий и перехлестов, и в этом ее основное достоинство.

© 1997 г. *Стыкалин А.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 129. Л. 71.
3. Центр хранения современной документации. Ф. 5. Оп. 36.

V Международный славистический коллоквиум во Львове

14—16 мая 1996 г. во Львовском университете состоялся V Международный славистический коллоквиум, являющийся продолжением Славистических чтений. Его организаторами выступили Институт славистики Львовского университета им. И. Франко, Львовское отделение Института литературы им. Т. Шевченко НАН Украины, Славистическая комиссия Научного общества им. Шевченко и Международный фонд "Возрождение". В коллоквиуме наряду с украинскими учеными выступили 11 зарубежных участников из России, Польши, Болгарии и Хорватии. Всего состоялось 50 докладов (в том числе 22 тематических выступления).

Оргкомитет, в состав которого входили директор Института славистики Львовского университета и глава Славистической комиссии Научного общества им. Шевченко В. Чорний, профессора Львовского университета Л. Зашкильняк и В. Моторний, доцент того же университета М. Криль и заведующий Львовским отделением Института литературы им. Т. Шевченко НАН Украины Е. Нахлик, приложили много усилий для образцовой организации конференции. Реализуя на практике комплексное понимание предмета славяноведения, ее организаторы на этот раз отказались от формирования секций, а распределили доклады по следующим общим темам: история славистики; литературоведение и фольклористика; история и историография; славянское языкознание; история культуры и межславянская взаимность, каждой из которых последовательно было посвящено специальное заседание, в которых участвовали ученые разных славистических специальностей.

На первом заседании рассматривались

вопросы истории славистики. В центре внимания В. Чорниго был Львов как один из центров славяноведения. М.Ю. Досталь (Москва) посвятила свой доклад 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН, осветив перипетии борьбы за его создание в свете новых архивных документов. Оригинальная интерпретация историографического наследия М. Грушевского на фоне исторической мысли славянских народов начала XX в. была представлена в докладе Л. Зашкильняка. Переписка как источник по истории славистики была подвергнута эмоциональному анализу в докладе М. Гольберга (Дрогобыч). В. Моторний и А. Татаренко (Львов) говорили о южнославянской проблематике в научном творчестве И. Свенцицкого, а Н. Рудь (Киев) — о вкладе А. Котляревского в изучение истории полабско-прибалтийских славян. С интересными тематическими сообщениями выступили также молодые львовские ученые О. Кравец, Н. Ковальчук, И. Галенко, В. Благий, О. Лазор и др.

Второе заседание было посвящено проблемам литературоведения и фольклористики. Вопросы образов-эмблем в славянских литературах рассматривались в докладе С. Стоянова (Благовград), солярные культы славян — в докладе А. Матюхиной (Львов). Н. Копыстьянская (Львов) проанализировала произведение К. Чапека "Обычная жизнь" в европейском контексте развития ретроспекции, а Я. Лищина (Катовице) — отношение польских поэтов XIX в. к славянофильским идеям. Остальные доклады были посвящены польско-украинской проблематике. Г. Чорник (Львов) говорил о С. Пшибышевском и украинском модернизме, Л. Петрухин

(Львов) о "полевых стежках" и "тернистых дорогах" украинской и польской поэзии начала XX в., Э. Касперский (Варшава) о польской литературе и межславянских (преимущественно польско-украинских) конфликтах. Л. Громяк (Тернополь) дал сравнительную характеристику украинской и польской повести 40—50-х гг. XX в.

На третьем заседании рассматривались проблемы истории и историографии. Е. Нахлик (Львов) проанализировал развитие восточных славян IX—XII вв. в оценке украинской историографии, а Т. Полещук (Львов) — проблему культурно-исторического наследия Киевской Руси в украинско-российских дискуссиях второй половины XIX в. Оба докладчика проявили трезвый подход к этим остродискуссионным вопросам, выдвинув интересную мысль о том, что процесс формирования общерусской народности в Киевской Руси был далек от завершения, насильственно прерван внешнеполитическими обстоятельствами и потому, естественно, что ее наследниками выступают все национально определившиеся в дальнейшем восточнославянские этносы. Далее Н. Лешкович (Львов) говорила об украинских аспектах внешней политики Российской империи в последней четверти XVIII столетия, Е. Орлоф (Жешув) об отношениях Чехословакии с соседними державами в межвоенный период, ее земляк В. Бонусяк — об отношениях объединенной Германии с постсоциалистическими славянскими странами, С.В. Морозов (Москва) — о проблемах Данцига и Польши 1919—1921 гг. на материалах Версальского договора и его подзаконных актах. В вызвавшем живую дискуссию докладе С.М. Фалькович (Москва) речь шла об идее славянского единства в польской общественной мысли XIX в.

Четвертое заседание было посвящено проблемам славянского языкознания. Праславянская лексика в украинских говорах анализировалась в докладе Н. Ашиток (Луцк), архаичные формы в чешской и славянской фразеологии в докладе И. Теплякова и А. Альгерта (Львов), формирование и функционирование славянских омонимов в близкородственных словах в докладе О. Паламарчук (Киев). Л. Назаренко (Киев) коснулась в своем докладе лингводидактических аспектов изучения национального своеобразия образной картины мира чехов и украинцев, а А. Бартошевич (Ольштин) — проблем и перспектив иссле-

дования польско-восточнославянской языковой конвергенции. Л. Полюга (Львов) говорил о переводах со славянского как факторе развития украинского литературного языка.

На завершающем пятом заседании рассматривались проблемы истории культуры и межславянской взаимности. В. Овсийчук (Львов) анализировал образ Отчизны в славянской живописи эпохи романтизма, А. Рудницкий и И. Дида (Львов) говорили об украинской архитектуре в общеславянском и мировом контексте. О проявлениях межславянского сарматизма XVI в. в отечественной духовности ренессансно-реформационной эпохи шла речь в докладе А. Халецкого (Львов). Ф. Стеблій (Львов) затронул проблему влияния Яна Коллара на национальное возрождение украинцев Галиции. Славянский съезд 1848 г. и украинский вопрос стал предметом содержательного доклада М. Крыля (Львов), о возрождении славянской идеи в конце XX в. говорилось в докладе В. Швачко (Загреб).

Заседания заканчивались, как правило, оживленными дискуссиями, затрагивающими общеславянские и общеславистические проблемы. На заключительном заседании были подведены итоги конференции, которую можно без сомнения оценить как успешную.

К коллоквиуму было приурочено также торжественное заседание, посвященное 150-летию Кирилло-Мефодиевского общества, проведенное в актовом зале Львовского университета, закончившееся прекрасным концертом местных фольклорных коллективов.

В качестве культурной программы участникам конференции была предложена запоминающаяся поездка в средневековый замок польских и украинских магнатов Алеско и осмотр там запасников Львовской картинной галереи (бесценных произведений украинской и европейской живописи, скульптуры, предметов прикладного искусства и пр.).

Славистический коллоквиум во Львове имеет важное значение для развития и координации славистических исследований на Украине. Это одна из немногих конференций, где имеют возможность встретиться украинские слависты разных специальностей. С участием зарубежных гостей она приобретает международное звучание.

© 1997 г. *Досталь М.Ю.*

Конференция "Книга в пространстве культуры"

С 21 по 23 ноября 1995 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН проходила научная конференция "Книга в пространстве культуры". Цель конференции – в полиаспектном анализе книги как культурного феномена, ее существования в историко-культурном пространстве. Участники конференции (московские ученые различных специальностей), оставляя за рамками чисто книговедческую проблематику, делали акцент на культурологическом подходе к теме. Во вступительном слове заместитель директора ИСБ РАН *В.А. Хорев* отметил актуальность избранного ракурса, позволяющего дать глубокое исследование книги как центрального феномена человеческой культуры, ее функционирования в социумах разного типа. В докладе *Г.П. Мельникова* "Книга как феномен в пространстве культуры" содержались основные аспекты выбранного типа изучения книги, которые можно сгруппировать в два блока проблем. Первый включает в себя культури-коммуникативную и социальную функции. Второй определяется подходом к книге как к форме, вещи и образу, что предусматривает рассмотрение книги в единстве всех ее компонентов, включая оформление и существование в художественном пространстве иных видов культуры. От излишней "книгоцентричности", могущей заслонить реальное событие, предостерег *Г.Д. Гачев* в докладе с парадоксальным названием "Вред книги". Понимание книги как метатекста предложил *Б.В. Дубин* в докладе "Книга и Сверхкнига".

Остальные выступления были посвящены конкретным книжно-культурным явлениям. *Л. Мацих* (Израиль) осветил представления о книге в иудейской религиозной традиции. *О.В. Белова* дала анализ такого сложного и противоречивого явления, как отношение к книге в фольклорной традиции славян. В ряде докладов были затронуты проблемы соотношения текста и изображения в православном культурном ареале. *Е.Б. Громова* сосредоточилась на поздневизантйских менологиях, *О.Ю. Тарасов* – на поздней русской иконе. *И.Л. Бусева-Давыдова* показала непосредственное влияние западноевропейских иллюстрированных изданий священных текстов на русское изобразительное искусство XVII в. На специфике рукописной книги в культуре русского барокко остановилась *Л.И. Сазонова*. Интересный аспект отношения русского общества к тайнознанию был выявлен *Р.А. Симоновым* и *О.Р. Хромовым* при анализе астрологических приписок к лубочным календарям: желание прогнозировать события сочеталось с неудовлетворенностью конкрет-

ными результатами астрологических выкладок.

Часть выступлений касалась роли книги в разных социумах в оценках их представителей. *Г.П. Мельников* остановился на апологии книги как источника света и знания в философской концепции *Я.А. Коменского*. *Л.А. Софронова* показала специфику подхода к чтению у *Г.С. Сковороды*, считавшего, что отношение к чтению, которое есть польза душевная, должно быть освящено и задано заранее. *А.М. Ранчин* дал анализ многообразного значения книги в жизни персонажей русской классической литературы. *А.И. Рейтблат* предпринял социо-психологическое сопоставление восприятия печатного текста в XIX в. на глаз и на слух, подчеркнув большое значение последнего. Некоторые доклады были посвящены книге в культуре стран Центральной и Восточной Европы в XIX в. *Л.Н. Титова* обрисовала функцию так называемых ярмарочных изданий, занимавших последнее место в культуре чешского национального возрождения. Пути распространения русской книги на Балканах и роль венской типографии *Й. Курцбека* в этом процессе стали предметом исследования *Т.И. Челелевской*. *Е.Н. Масленникова* рассказала об истории создания уникального энциклопедического издания "Австро-Венгерская монархия в текстах и иллюстрациях".

Следующий блок докладов был посвящен книге в культуре модернизма. *В.В. Николаенко* сопоставил роль апокрифа в творчестве *Н. Райнова* с аналогичными явлениями в русской литературе "серебряного века". По-новому, свежо и остроумно, *Л.Н. Будагова* рассмотрела дарственные надписи на книгах, увидев в них источник культурно-исторической информации. Вновь проблема связи текста и изображения, на этот раз в культуре русского авангарда, была поднята в докладах *Б.М. Соколова* о поэтическом альбоме *В.В. Кандинского* "Звуки" и *Л.Ф. Кациса*, вскрывшего до того не объяснимые некоторые графические особенности книг футуристов, в основе которых, как показал докладчик, лежала игра футуристов в Древний Египет, пропущенный сквозь интерпретацию *В.В. Розанова*. Подробный анализ образа книги в "Египетской марке" *О.Э. Мандельштама* предприняла *И.Л. Багратион-Мухранели*. Отношение отечественного постмодернизма к книге (на примере творчества концептуалистов московской школы), трансформация книги как объекта и предмета культуры в концептуализме были прослежены *И.М. Бахштейном* и *В.В. Мочаловой*, сопроводившей совместный доклад

демонстрацией уникальных книг из своего собрания. *Е.В. Маевский* обосновал новые функции "самиздата" в эпоху компьютерных коммуникаций, позволяющих существовать тексту отдельно от книги и дающих возможность авторского самоудовлетворения.

Некоторые докладчики выбрали объектом исследования "паракижные" формы. Античные монеты с текстами, несущими актуальную политическую информацию, были проанализированы и продемонстрированы *Э.И. Кучеренко*. Специфику форм распространения новинок западной моды в России XVIII–XIX вв. показала

Р.М. Кирсанова, проследившая их эволюцию от "пандоры" (куклы, на которую надевали модную одежду) до журнала мод.

К конференции был издан сборник резюме докладов. Сама конференция показала неисчерпаемость книжной темы, а также то, что новые подходы к ней рождаются только на стыке различных гуманитарных дисциплин, поскольку ни одна из них в отдельности не в состоянии объять столь многопрофильный феномен.

© 1997 г. *Мельников Г.П.*

Славяноведение, № 1

Международная конференция "Сотворение мира и начало истории в апокрифической и фольклорной традиции (на материале славянских и еврейских текстов)"

5–7 декабря 1995 г. в Москве проходила Международная конференция "Сотворение мира и начало истории в апокрифической и фольклорной традиции". Инициаторами и организаторами конференции выступили Институт славяноведения и балканистики РАН, Международный центр по университетскому преподаванию еврейской цивилизации (Иерусалим), Московский центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах "Сэфер". Конференция была организована при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Участники конференции – специалисты в области книжной и народной культуры, филологии, истории, этнолингвистики из Болгарии, Израиля, России и с Украины – представили доклады и сообщения, посвященные трактовке первых глав книги Бытия в славянской и еврейской книжности и фольклоре. В задачу исследователей входило рассмотрение библейских сюжетов (от начала творения до строительства Вавилонской башни и "смещения языков") с точки зрения различных культур, с позиции отражения этих сюжетов в произведениях разных жанров (шестодневье и пален, толковательно-полемическая и летописно-хронографическая литература, апокрифы, духовные стихи, фольклорные легенды, талмудические сказания). Таким образом, конференция стала первой попыткой осуществления сравнительного анализа текстов, сформировавших "народную Библию" в древнееврейской, византийской и славянской культурных традициях.

Тематика докладов охватывала как общие проблемы, связанные с космологическими и космогоническими представлениями, нашедшими отражение в апокрифических и фольклорных памятниках, или следами мифологии в обрядах и ритуалах, так и рассмотрение отдельных библейских сюжетов и их интерпретацию в народной традиции и книжности.

Почетный гость конференции проф. *Дов Ной* (Иерусалим) представил два доклада, посвященные еврейской фольклорной традиции. В первом из них – "Сотворение Лилит и Евы в древнееврейском фольклоре" – были изложены две версии мифа о первом человеке Адаме и двух его женах. Первая женщина, Лилит, впоследствии предстала в народных легендах как демонологический персонаж, вредоносный и притягательный одновременно. Второй доклад – "Погребение Авеля в еврейских народных легендах" – затрагивал различные трактовки мифологического сюжета о появлении смерти на земле и рассматривал легенды о гибели и похоронах Авеля в связи с иудейским погребальным обрядом. Различные варианты локальных космогонических и этиологических легенд анализировались в докладе *Ф. Бадалановой* (София) "Каин и Авель в болгарском фольклоре". Рассказ о братоубийстве включается в целый комплекс народных преданий о сотворении Вселенной, о "первой в мире войне", о появлении пятен на лунном диске. В докладе была затронута проблема перевода Библии с языка на язык в

широком семиотическом аспекте – с "языка" одной культуры на "язык" другой культуры. Доклад "Богомильская космогония в старославянской литературной традиции" *Д. Димитровой-Мариновой* (София) был посвящен "Тайной книге богомилов" и апокрифу о Тивериадском море и взаимоотношениям этих текстов со славянской апокрифической традицией. Особое внимание уделялось сочетанию методов литературной компиляции и христианской интерпретации мотивов языческой мифологии в памятниках такого рода, а также преломлению ряда библейских представлений в космогонии богомилов под влиянием протоболгарской традиции. На материале другой традиции был построен доклад "Библейские основы космогонии гностиков и манихеев" *Е.Б. Смагиной* (Москва), в котором основное внимание сосредоточивалось на недостаточном изученных аспектах этих учений; ряд положений гностицизма и манихейства, отраженных в таких памятниках, как "Откровение Адама" или "Книга гигантов", обнаруживает родство с гетеродоксальным иудаизмом рубежа новой эры. *С.М. Толстая* (Москва) посвятила свое выступление "О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции" своеобразным репликам и параллелям к книге Бытия в народных верованиях славян. Были рассмотрены такие мотивы, как "твердь небесная", "глиняный человек", "люди-великаны", а также имена *Адам* и *Ева* как обереги от нечистой силы и от "опасных" для человека существ (например, умерших до крещения детей). Сообщение *Т.С. Голиченко* и *Б.А. Парахонского* (Киев) "К вопросу о мотивах славянской мифологии" было посвящено теме космогонической жертвы, по мнению авторов составляющей костяк мифологии славян. Отмечалось, что идея цикличности мироздания, связи жизни и смерти, постоянного возвращения к началу определяла исторические и историософские воззрения древнерусских книжников. В ином аспекте "жертвенный сюжет" был рассмотрен в докладе *С.П. Бушкевич* (Москва) "Мотив животной жертвы в славянской книжности и народной культуре", где особое внимание было уделено легендам о специально появляющемся жертвенном животном, соотносимым с библейским сюжетом о жертве Авраама, и народным терминам – названиям праздников с жертвенным животным.

Внимание ряда участников конференции привлекла тема познания добра и зла, сокровенного знания и его носителей в разных культурных традициях. Доклад проф. *Ализы Шенар*, Посла Государства Израиль в России, "Происхождение заклинания в еврейском фольклоре" был посвящен трактовке сюжета о сыновьях Божиих и дочерях человеческих в легендарной традиции курдистанских евреев. Легенда, первоначальной целью которой было обоснование происхождения

заклинания, оказалась связанной с вопросом о происхождении зла как такового. Этой теме непосредственно был посвящен доклад *В.В. Мочаловой* (Москва) "Тема возникновения зла в апокрифическом отражении". Лаконичность разработки этой темы в книге Бытия восполняется ее подробным развитием в послебиблейской литературе апокрифов и псевдоэпиграфов (в том числе в книге Еноха), в агадических легендах и мидрашах (разработка сюжета о падших ангелах и их потомках – демонологических существах). В докладе *Л.А. Мацуха* (Иерусалим) "Представления об Аде в мидрашах и раввинистической литературе" была сделана попытка проследить развитие идеи загробного мира – от неупоминания места посмертного воздаяния в библейских текстах до подробного описания нескольких разновидностей ада и признания его неотъемлемой и важной частью мироздания в позднейших источниках.

Тема Всемирного потопа также была освещена в нескольких докладах и выступлениях; она неоднократно возникала в ходе дискуссий и обсуждений. Сравнительный анализ мотивов, присутствующих в рассказах о Потопе, был представлен в докладе *О.В. Беловой* (Москва) "Легенды о Потопе в славянской и еврейской народной традиции". *А.Б. Островский* (Санкт-Петербург) в докладе "Лев – спаситель Ноева ковчега" сопоставил пластическое изображение льва в традиционной культуре с интерпретацией сюжета о Ноевом ковчеге в народных русских легендах, где лев является охранителем ковчега от проправшегося в него дьявола.

На конференции был представлен целый блок тем, связанных с восточной традицией и римской литературой первых веков нашей эры: *А.Ю. Милитарев* (Москва) "О происхождении глаголов со значением *творить* в языках Древнего Ближнего Востока", *М.Л. Лепехо* "Коранические параллели к библейскому сюжету о сотворении мира и начале истории", *А.Б. Ковельман* «"Пасха раздавленных" (исторический комментарий к Быт. 1 : 28)».

Ряд докладов был посвящен формированию ранней славянской историографии. *И.Н. Данилевский* (Москва) в докладе «Библейское введение к "Повести временных лет"» предложил рассматривать этот фрагмент хроники как своеобразный "шестоднев", подтверждающий представление о богоизбранности русского народа, оформившееся в период составления летописного свода. Доклад *В.Я. Петрухина* (Москва) "Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций" был посвящен проблеме обращения первых славянских историков-христиан к Священному Писанию, апокрифам, псевдоэпиграфам и еврейскому хронографу "Иосиппон" как к источникам, дававшим не только образцы описания исторических событий,

становления народа и государства, но и возможности для поисков места собственного этноса во всемирной истории. Предметом выступления *М.П. Одесского* (Москва) «"Начало истории" славян у Нестора и Фредегара» стала история "обров" – угнетателей славян, истребленных за это Богом; было предложено сравнение этого эпизода русской летописи с аналогичной историей из латинской хроники и рассказом об исполинах из книги Бытия. В докладе *Р.А. Симонова* (Москва) «"Сотворение мира" как начало отсчета времени на Руси в свете библейской экзегетики» речь шла о двух подходах к понятию "сотворение мира" и поисках наиболее оптимальной точки отсчета – от начала творения или от создания человека как обладателя умственного света.

Тема "сотворения мира" у представителей русских конфессиональных групп (духоборцев и молокан) и у старообрядцев также нашла отражение в программе конференции. Доклад *С.Е. Никитиной* (Москва) "Тысячелетнее царство как седьмой день в творении мира (на материале экспедиционных исследований русских конфессиональных культур)" выявил, какое неординарное преломление получил сюжет о днях творения у русских протестантских сект: седьмой день творения – отдых Господа – связывается с идеей новой тысячелетней жизни для праведников в царстве, которое наступит после конца света и где будет править пророк и третье лицо Троицы – Максим Гаврилович Рудометкин. В выступлении *Е.М. Сморгуновой* (Москва) «Новое "сотворение мира" в представлениях современного русского старообрядчества», также построенном на материале полевых исследований в старообрядческих общинах Северного Урала и Верхоямья, было показано, что эсхатологические идеи о неизбежном и близком конце мира тесно переплетаются с идеями его немедленного преображения, т. е. фактически о его новом, повторном создании. В сообщении *А.А. Турилова* (Москва) «Две восточнославянские версии XVII в. о начале мира (протопоп Аввакум и "Казанье руське")» была сделана попытка сравнительного анализа двух текстов – комментария на книгу Бытия протопопа Аввакума и пародии на православную проповедь. Ряд сходных черт, характеризующих данные тексты, дает возможность поставить вопрос о предполагаемом источнике памятника "Казанье руське", история которого до сих пор не изучена.

Одно из заседаний было полностью посвящено отражению библейской тематики в искусстве.

Интерес аудитории вызвал доклад *Е. Мусаковой* (София) "Изображения Шестоднева в болгарских рукописях и церковной живописи XVII–XIX вв.". Представленный иллюстративный материал наглядно показал неординарность трактовки библейских мотивов и образов (сотворение человека, искушение Адама и Евы, грехопадение, иконография змея) в болгарском искусстве, отразившем не только каноническую традицию, но также апокрифические и фольклорные представления. В докладе *Л.А. Беляева* (Москва) «Мотив "древа жизни" в изобразительном фольклоре Руси XIV–XVI вв.» было показано присутствие в русских изображениях архетипического мотива "древа жизни" в одной из его древних форм (в виде древнееврейской буквы "тав") и рассмотрена апокрифическая символика этого изображения. Отражению темы "Сотворения мира" в книжной иллюстрации, фреске и иконописи было посвящено выступление *О.Р. Хромова* (Москва) «К вопросу об иконографических и литературных источниках "Сотворения мира" в русских лубочных изданиях». Завершил живописную тематику доклад *Б.М. Соколова* (Москва) «"Великая Эпоха Духовности" и черты христианского апокрифа в эстетической теории В. Кандинского», в котором идеи художника о создании "прехвального" искусства связывались как с ветхозаветными мотивами создания мира, так и с новозаветными апокрифами о его конце.

Большой интерес участников и гостей конференции вызвал вопрос составления свода фольклорных материалов, отражающих библейскую тематику. *Ф. Бадаланова* рассказала о научном проекте "Българска фолклорна Библия", в ходе работы над которым стало возможным не только собрать уникальный полевой материал, но и подготовить его комментированное издание. Участники этнолингвистических экспедиций в Полесье поделились наблюдениями о бытовании сходных сюжетов в этом "архаическом" регионе, о проблемах записи и обработки "библейских" народных легенд.

Организаторы и участники конференции выразили надежду на проведение в будущем целого ряда подобных встреч, могущих стать источником материала для сопоставительных исследований в области народной духовной культуры и книжности, в области еврейско-славянских культурных связей.

© 1997 г. Белова О.В.

"Мы в ушедших годах и в сегодняшнем дне..."
 Взгляд на творчество словацкого классика
 Янко Есенского (1874–1945) в конце XX века

Конференция под таким названием состоялась в Институте славяноведения и балканистики РАН 14 декабря 1995 г. В декабре, под Новый год, сошлись две даты жизни замечательного словацкого писателя: 30 декабря 1874 г. он родился, 27 декабря 1945 г. умер. Это сопряжение символично: Есенский остро ощущал ход времени, его перемены, роковой миг Нового года, когда сегодняшнее становится прошлогодним. Вынесенная в название строка из стихотворения "На Сильвестра" (сб. "После бурь", 1932), в переложении Л.Н. Будаговой, стала созвучной как биографии писателя, так и проблематике конференции, для которой понятие времени сделалось, пожалуй, ключевым.

В конце нынешнего века, когда события мировой истории видятся уже иначе, нежели в 60-х или 70-х годах, Янко Есенский – литератор и личность – предстает, подобно многим, в новом освещении. Это подчеркнула, в частности, Л.Н. Будагова в докладе "Наш современник Янко Есенский". Дело не только в том, что любой писатель-классик всегда остается современным в своих художественных открытиях. Есенский прошел сквозь бурные события XX в., откликаясь на них непосредственно, честно, критично. Он был очевидцем двух русских революций – Февральской и Октябрьской, – находясь в рядах военнопленных. Л.Н. Будагова (автор единственного пока монографического исследования о Есенском в русском литературоведении – глава в "Истории словацкой литературы", 1970) отметила, что ее собственные суждения о скептически-настороженном восприятии Есенским революции в России ныне требуют корректировки: то, что четверть века назад казалось заблуждениями писателя, сегодня может рассматриваться как художественная прозорливость. Уже в этом вводном докладе Есенский предстал целостной личностью, что, разумеется, не исключало противоречий в характере и творчестве. Художник мирового уровня, человек высоких моральных свойств – таким был изначально задан портрет писателя, и каждый новый доклад добавлял к нему особые штрихи. Л.Н. Будагова показала также, что Есенский был своеобразным посредником между словацкой и русской культурами: он происходил из русофильской семьи, из славного дворянского рода Есениусов, прекрасно знал и ценил русскую литературу, переводил Пушкина, Блока; Есенина, сам непосредственно соприкасался с жизнью России "в ее

минуты роковые", но в любых обстоятельствах продолжал любить нашу страну, ее народ, ее культуру. Одним из свидетельств глубины проникновения словацкого писателя в русскую литературу стало стихотворение "Аутодафе Гоголя" (30-е годы) – великолепная психологическая зарисовка сцены сожжения автором второго тома "Мертвых душ", приоткрывшей трагедийность личности Гоголя, его душевные терзания.

Творчество Я. Есенского, как показала Л.Н. Будагова, удивительно созвучно нашему времени. Актуально звучит его язвительная политическая сатира, обнаруживающая много общего в нравах постаббуржской Чехословакии 30-х и постсоветской России конца XX в. Как серьезное предостережение нашим современникам могут восприниматься и антифашистские стихи Есенского, одного из духовных лидеров словацкого сопротивления нацизму.

Факты, суждения, выводы, представленные в докладах, нередко пересекались, дополняли друг друга, создавая достаточно полную, интересную, порой интригующую картину творчества и жизни писателя. Помимо литературного наследия, широко использовались дневники и письма, касающиеся не только биографии, но и творческой эволюции Есенского. Четко выделялся круг проблем, затронутых в той или иной мере разными докладчиками: Есенский как многогранная творческая личность; Есенский в контексте словацкой, чешской, европейской поэзии и прозы рубежа XIX–XX вв. (доклады Ю.В. Богданова, Н.В. Шведовой, С.А. Шерлаимовой); поэтологические особенности прозы Есенского и их связь с биографией писателя (Ю.В. Богданов, С.В. Каськова); Есенский и Россия (Л.Н. Будагова, Л.С. Кишкин и др.).

Ю.В. Богданов в докладе "Новеллистика Есенского в контексте словацкой прозы рубежа XIX–XX вв." рассмотрел материал как в рамках "второй волны" словацкого реализма, так и в плане внутренней эволюции писателя, обусловленной во многом личными мотивами. Жанровые стилистические различия между двумя группами рассказов, написанных в это время, были убедительно показаны автором названного доклада и получили, в свою очередь, детальное освещение в выступлении С.В. Каськовой, аспирантки МГУ, чья диссертация специально

посвящена творчеству Есенского. Обширность материала и тщательность анализа привлекли внимание к докладу молодой словакистки, которой, однако, не хватило опыта для более целеустремленного рассмотрения заявленной проблемы ("Авторский план в прозе Есенского").

Н.В. Шведова, занимающаяся проблематикой Словацкой Модерны, попыталась выявить сложные и многообразные связи, существующие между творчеством Есенского и этим литературным течением. Есенский, как показала докладчица, был в известном смысле "предтечей" Модерны, у него обнаруживается немало точек соприкосновения с нею, особенно в неоромантических стихах, – и при том пути Есенского и Модерны заметно расходятся как раз в период расцвета названного течения (1906–1912). Различия выступают весьма явственно при сопоставлении Есенского с крупнейшим представителем Модерны – Иваном Краско.

С.А. Шерлаимова в докладе "Есенский и чешская поэзия рубежа XIX–XX вв." ввела творчество Есенского в контекст не только чешской, но и общеевропейской художественной культуры, давшей в славянских литературах такое явление, как "Модерны". Докладчица проанализировала истоки славянского "модернизма" (от Бодлера и даже Гейне), подчеркнула его специфичность и подробно остановилась на сопоставлении двух поэтических индивидуальностей: Есенского и С.К. Неймана. В судьбах и творчестве словацкого и чешского поэтов открылись примечательные (особенно с позиции нынешнего дня) схождения и "отгалкивания".

Л.С. Кишкин выделил в обширной теме "Есенский и Россия" аспект "Русские мотивы в творчестве Есенского". Действительно, поэзия Есенского пронизана отголосками русской литературы; писателя привлекали и произведения, и

судьбы их авторов, и само звучание русской речи, щедро вводимой в собственные стихи (цитаты, отдельные слова, русифицированные формы словацких слов), что нередко влияло и на мелодику. *Л.С. Кишкин* обратился и к драматичным эпизодам русского плена, отраженным в творчестве Есенского, но не поколебавшим его изначальной любви к России. Темы "Есенский и Россия" касались и другие участники конференции.

В работе конференции участвовал Советник Посольства Словацкой Республики в Москве *Милан Токар*. Он отметил в своем выступлении, что Институт славяноведения и балканистики не только исследует, но и активно, – как никакое другое учреждение, – пропагандирует славянскую культуру. В этом он смог убедиться на протяжении всей своей многолетней дипломатической деятельности в Москве. Конференция, посвященная Я. Есенскому, – сказал М. Токар, – заставила его самого по-новому взглянуть на творчество известного писателя.

В последние годы в Институте состоялся целый ряд конференций, посвященных виднейшим деятелям словацкой культуры: Л. Штуру (1991), Я. Коллару (1993), П.И. Шафарыку (1995). Нынешняя конференция, в отличие от предыдущих, была "чисто" литературоведческой. Но это не помешало раскрыть самые разные аспекты жизни и творчества писателя – человека двадцатого столетия, талантливо воссоздавшего его проблемы, надежды, достижения и ошибки. "Ушедшие годы" Есенского не канули в вечность. Они оживают в нашем сегодняшнем дне.

© 1997 г. Шведова Н.В.

Славяноведение, № 1

ВСТРЕЧА РОССИЙСКИХ И БОЛГАРСКИХ ИСТОРИКОВ

5–7 декабря 1995 г. в Софии в Институте истории БАН состоялась международная конференция "Болгария и Россия в XX веке. Новые документы. Новые идеи". Это мероприятие явилось первым в серии запланированных встреч в соответствии с реализацией российскими и болгарскими учеными одноименного научного проекта. Одной из целей проекта является выявление и введение в научный оборот новых документов из архивов России и Болгарии, исследование на их основе малоизученных или тенденциозно освещавшихся в прошлом вопросов

российско-болгарских и советско-болгарских отношений последнего столетия.

В ходе трехдневной конференции был обсужден широкий круг вопросов из области российско (советско)-болгарских отношений и связей в XX в. Среди них – болгарский национальный вопрос в балканской политике России (СССР), Коммунистический Интернационал и Болгария, болгаро-русские церковные отношения в период между двумя мировыми войнами, российская эмиграция в Болгарии, образ СССР в глазах болгарской общественности, Болгария в сфере со-

ветских интересов после второй мировой войны и многие другие.

Конференция показала, что формирование принципиально новой источниковой базы как основы для установления новых парадигм исследований исторической проблематики рассматривается учеными обеих стран как главная задача дня. Это определило и общий настрой участников конференции – познакомить аудиторию с ранее неизвестными документами и материалами, сохраняемыми в архивохранилищах России и Болгарии, подчеркнуть их значение для объективного прочтения событий прошлого. Думается, такой подход следует отнести к бесспорному успеху конференции.

Стремление исследователей обратиться к мало- или вовсе не исследованным страницам в истории взаимоотношений двух наших стран обусловило их выход на такие проблемы, как механизм принятия политических решений сторонами в отношении друг друга, роль "советского примера" и "советского опыта" в развитии болгарской государственности в межвоенный период и после второй мировой войны, прагматизм в отношении Болгарии к СССР после второй мировой войны, характер взаимоотношений между ЦК ВКП(б) (КПСС) и ЦК БКП, "советская экономическая модель" в болгарской экономике, деятельность советских военных инструкторов в Болгарии и др. Документы дают сегодня возможность доказательнее, чем прежде, выявить позитивы и негативы, имевшие место в двусторонних отношениях России и Болгарии в XX в., причем, как показали выступления участников конференции, негативный опыт концентрировался по большей части в сфере политических отношений, а позитивный – в области культурных и научных связей.

Конференция собрала около 50 участников, что, с нашей и болгарских коллег точки зрения, сделало повестку дня исключительно напряженной. Вместе с тем понятны причины столь широкого представительства ученых: в последние годы научные контакты между обеими странами оказались фактически замороженными и данная конференция стала своеобразным смотром сил исследователей, занимающихся историей российско-болгарских и советско-болгарских отношений.

Российская делегация состояла из семи человек во главе с директором Института славяноведения и балканистики РАН профессором В.К. Волковым.

В.К. Волков выступил на пленарном заседании с докладом "Некоторые дискуссионные вопросы российско-болгарских отношений в XX в.", в котором акцентировал внимание на проблеме русофильства и русофобии в Болгарии, месте наших стран в системе международных отношений в XX в., высказал свое понимание

причин национальных катастроф Болгарии в первой половине XX в. Подчеркнув научную актуальность имиджологических исследований, профессор Волков призвал российских и болгарских ученых осваивать и эту научную "целину", изучать представления болгар и русских друг о друге на разных этапах их развития, анализировать факторы, влиявшие на формирование этих представлений.

Другие члены российской делегации сосредоточили свое внимание, главным образом, на проблематике болгаро-российских и болгаро-советских отношений с начала века до 9 сентября 1944 г. Опираясь новыми архивными материалами, с интересными постановками вопросов выступили научный сотрудник *Г.Д. Шкундин* ("Российская дипломатия и вопрос о сепаратном мире с Болгарией в годы первой мировой войны"), д-р ист. наук *Р.П. Гришина* ("События гражданской войны в Болгарии в 1923–1925 гг. по документам российских архивов"), канд. ист. наук *Н.В. Васильева* ("Военные аспекты советско-болгарских отношений. 1941–1944 гг. Малоизвестные факты и документы"), канд. ист. наук *Е.Л. Валева* ("ВКП(б), Коминтерн и БРП: корреляция политической стратегии в годы второй мировой войны"), канд. ист. наук *Т.В. Волокитина* ("Перспективы развития Болгарии после второй мировой войны: взгляд из Москвы. Новые документы российских архивов"), ст. научн. сотр. *Л.Я. Гибианский* ("СССР, Болгария и формирование советского блока в Восточной Европе. 1944–1948 гг.").

По завершении конференции организаторами было принято решение опубликовать ее материалы. Намечено также проведение двух научных семинаров по магистральным темам: Советский фактор в развитии Болгарии после второй мировой войны (октябрь 1996 г.) и Коминтерн и Болгария (март 1997 г.). Семинары будут совместными – болгаро-российскими, место проведения – София.

В дни работы конференции произошло событие большой важности: состоялось учредительное заседание Российско-болгарской комиссии историков, которая с начала 1990-х годов прекратила свое существование. Историко-болгаристы болезненно ощущают отсутствие постоянных научных контактов, бедственное положение с обменом научной литературой и периодикой, слабое представление о положении дел в исторической науке Болгарии. На заседании не только была достигнута договоренность о возобновлении деятельности комиссии, но и обсуждены возможные направления ее деятельности на ближайшее время. Представители сторон отметили, что, к сожалению, финансовое обеспечение остается трудноразрешимой проблемой, и это обстоятельство будет серьезно препятствовать работе двусторонней комиссии. Пока что остается

лишь надеяться, что трудности удастся преодолеть и научные контакты болгарских и российский историков возобновятся в полной мере.

Остается сделать весьма существенное дополнение: сама конференция стала возможной благодаря активности болгарских коллег и материальной поддержке софийского отделения фонда

Дж. Сороса по программе "Восток – Восток". Без поддержки фонда не стала бы реальностью и поездка российской делегации, участники которой приносят фонду и его сотрудникам свою искреннюю и глубокую благодарность.

© 1997 г. Волокитина Т.В.

Славяноведение, № 1

Круглый стол "Сочинительные союзы *и*, *но*, *а* в русском языке"

14 декабря 1995 г. Отдел типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики РАН провел Круглый стол по проблемам функционирования сочинительных союзов в русском языке. В его работе участвовали сотрудники Института и сотрудники других московских лингвистических центров – Института русского языка РАН, Института проблем передачи информации РАН, ВИНТИ РАН, Института русского языка им. А.С. Пушкина. Тема заседания, которой, кажется, не слишком много внимания уделяла традиционная русистика, представилась необычайно интересной и актуальной и в чисто теоретическом, и в прикладном аспектах, требующей серьезной работы не только собственно русистов, но и вообще лингвистов-славистов – диалектологов, историков русского и других славянских языков. Идея проведения Круглого стола изначально предполагала не столько подведение итогов проведенных исследований, обобщения и т.п., сколько постановку вопросов и активное их обсуждение. И действительно, в соответствии с программой было заслушано только пять докладов и сообщений (запланированный доклад *Е.В. Падучевой* "Союз *а* как эгоцентрик", к сожалению, не состоялся), но каждое "подготовленное" выступление сопровождалось оживленной и непринужденной дискуссией, "неподготовленными" выступлениями как докладчиков, так и большинства присутствовавших. Заседание вела профессор Лилльского университета им. Шарля де Голля *И. Фужерон* (Франция).

Сложность поднятых Круглым столом вопросов, обусловленная сложностью самого языкового материала, не всегда укладывающегося в строгие рамки логических понятий конъюнкции и дизъюнкции, стала особенно очевидной из доклада *В.З. Санникова* "Сочинительные союзы

и концептуальный раскрой действительности". Особое внимание здесь было уделено так называемым "периферийным" употреблением, так как анализ именно таких употреблений наиболее эффективен, по мысли выступавшего, при поисках инварианта значений рассматриваемых союзов. Так, *а* и *но*, считавшиеся в классической русистике близкими по значению "противительными" союзами, при более тщательном анализе языкового материала обнаруживают кардинальные семантические различия. Выбор союза обусловлен характером "взаимоотношений" действий, описываемых компонентами сложносочиненных предложений: при употреблении союза *а* наблюдается независимость событий; при употреблении союза *но* – зависимость и борьба компонентов, при этом второй компонент – "победитель" (ср. пример, приведенный в докладе: *Он лентяй, но умница (т.е. с заданием он справится)* и др. Докладчик подчеркнул, что приведенные в его сообщении наблюдения касаются только литературного языка, употребление союзов в диалектах представляет собой принципиально другую систему.

Достаточно обширный диалектный материал по употреблению сочинительных союзов был представлен в докладе *Р.Ф. Касаткиной* "Употребление союзов *а* и *но* в диалектной речи и в московском просторечии". Согласно экспериментальным наблюдениям автора, союз *но* практически не употребляется в русской диалектной речи (во всем материале обнаружилось лишь два примера с употреблением союза *но*: один был записан в Рязанской области, другой – в Кировской). По мнению *Р.Ф. Касаткиной*, в диалектах в значении союза *но* употребляется союз *а*, и это является исконной чертой русских диалектов, подтверждением чему служит языковой материал берестяных грамот, где союз *а* встречается повсеместно, а союз *но* в исключительных

случаях, обусловленных, возможно, влиянием церковнославянского языка. В московском просторечии, напротив, широко представлен союз *но*. Спорным, несмотря на дискуссию, остался вопрос об употреблении в диалектах союза *ну*, который, по мнению докладчицы, употребляется в диалектах и просторечии в значении союза *но* и может являться его фонетической модификацией (ср. следующий пример: *Они все вместе жили, ну не ссорились* – Тамбовская обл.). Основным выводом доклада – союзы *а* и *но* являются в русском языке синонимами, но имеют стилистические различия: *а* тяготеет к разговорной речи, *но* представляет высокий стиль.

В сообщении В.С. Ефимовой "Но в старославянском" была предпринята попытка привлечь к изучению сочинительных союзов материал классических старославянских рукописей, представляющих собой, как известно, наиболее древнюю фиксацию славянской речи. Были рассмотрены некоторые особенности употребления в старославянских текстах союзов *а* и *нѣ*, имевших как общие семантические зоны, так и определенные различия в значениях и функционировании. Сопоставление древнейших славянских текстов и результатов последующего их редактирования с греческими оригиналами выявляет тенденцию к предпочтению собственно сочинительного союза в начальной позиции второго компонента сложносочиненного предложения в ущерб конструкции с выделительной постпозитивной частицей, прежде всего к употреблению союза *а* в соответствии с греческой частицей *δέ*. Однако семантика выделения присутствует и в старославянском союзе *а*, который останавливает фокус внимания на одном слове из всего высказывания. По мнению выступавшей, этот аспект значения следует учесть и в современном русском союзе *а*.

Семантические и функциональные различия союзов *а* и *но* были в центре внимания в докладе И. Фужерон "О различении *а* и *но* (глазами француза)". Этот доклад представил русские союзы еще в одном ракурсе – в сопоставлении с французским материалом, где, как известно, трем основным русским сочинительным союзам *и*, *а*, *но* соответствуют только два – *mais* и *et*. Проф. И. Фужерон уже опубликовала ряд статей по данной проблематике; в настоящее время она руководит русско-французским научным проектом по изучению сочинительных союзов. На Круглом столе И. Фужерон высказала новые и оригинальные наблюдения над тема-рематической организацией предложений с сочинительными союзами, над ролью союза *а* в диалоге.

В своем докладе, заключавшем программу Круглого стола, Т.М. Николаева использовала анализ употребления союзов в стихотворении Б. Окуджавы «А мы швейцару: "Отворите двери!..."», где инициальные союзы, выстраивались в одну цепочку-серию из пяти последовательных *А*, отделяют мир от героев ("веселой компании" нечастых посетителей ресторана) от чуждого им, но вызывающего некоторую зависть мира ресторанных завсегдатаев, описывающихся практически без вводных инициальных союзов. *А*-инициальные создают пространство и через комбинации с местоимениями и именами собственными (*А мы...*, *А Люба...*, *А я...*, *А Любе...*, *А нам...*) и другими текстовыми средствами.

В целом работа Круглого стола была весьма успешной и, несомненно, даст толчок новым исследованиям по этой проблематике.

© 1997 г. Ефимова В.С.

МАРТИН ГАТТАЛА (1821–1903)

4 ноября 1996 г. исполнилось 175 лет со дня рождения известного словацкого языковеда, одного из видных кодификаторов литературных норм словацкого языка.

Мартин Гаттала родился в 1821 г. в с. Трстена на Ораве в семье словацкого мещанина. После окончания начальной школы и гимназии Гаттала учился в архиепископском лицее в Трнаве (1842–1844), где начал углубленно изучать и родной язык. Важную роль в его жизни сыграла учеба в Венском университете, где он получил теологическое образование и хорошую лингвистическую подготовку. Гаттала проявлял большой интерес к языкам, в том числе и славянским, а также к теоретическим и методологическим проблемам исторического языкознания (Я. Гримм, Ф. Потт и др.). Примечательно, что еще будучи студентом третьего курса он написал на латыни для своих коллег по университету краткое пособие по морфологии словацкого языка. В университетские годы формируются взгляды Гатталы по актуальной славянской национально-культурной проблематике, особенно по вопросу об отношении чешского и словацкого языков. В августе 1847 г. он принял участие в заседании общества "Татрин" в Чахтицах, на котором представители католического (бернолаковского) и протестантского (штуровского) течений словацкого национально-возрожденческого движения обсуждали проблему установления и утверждения единых норм литературного словацкого языка. В дискуссии о словацком правописании прозвучал и голос Гатталы. Отстаивая необходимость сохранения чешско-словацкого литературно-языкового единства или по крайней мере близости систем чешского и словацкого языков, он излагал свое представление о нормах литературного словацкого языка. Несколько позже это нашло свое отражение в опубликованной им на латыни "Грамматике словацкого языка" (1850).

В 1848 г. после окончания университета Гаттала получил сан католического священника, служил капелланом, а с осени 1850 г. работал учителем чешского языка в братиславском католическом лицее, а затем и в городском реальном училище. Однако его больше привлекало научное поприще. По рекомендации П.И. Шафарика он был принят на кафедру славянской филологии Пражского университета, где специализировался в области славянского языкознания. В 1854 г. после успешной защиты представленного труда по фонетике древне- и новочешского и словацкого языков Гаттала становится доцентом университета. В том же году в порядке исключения (поскольку у него не было докторской степени) он был утвержден экстраординарным профессором. В 1861 г. Гаттала стал ординарным профессором по сравнительному славянскому языкознанию Пражского университета, где проработал 37 лет.

Наряду с чтением университетских лекций по славянской филологии, с плодотворной педагогической деятельностью (среди его учеников были, в частности, такие видные чешские и словацкие лингвисты, как Я. Гебауер и С. Цамбель), с активным участием в дискуссиях (он выступал в защиту подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, оказавшихся фальсификатами; боролся за чистоту чешского

языка), Гаттала вел научные исследования по словацкому и чешскому языкам, по различным проблемам сравнительно-исторического славянского языкознания, а также по истории культуры и письменности славянских народов. Он был избран членом "Королевского чешского научного общества" и "Чешской академии наук, словесности и искусства". Его научная деятельность получила также международное признание: Гаттала был членом Римской академии наук, чл.-корр. академии в Загребе, чл.-корр. Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

Долгие годы живя и работая в Праге, Гаттала стремился не порывать связей со своей родиной: он переписывался с друзьями и коллегами в Словакии, был членом "Матицы словацкой" и т.п. В этом плане важное значение имели его труды по грамматике словацкого языка (1864, 1865), которые в течение многих лет служили для словаков признанными и авторитетными нормативными пособиями.

Умер Гаттала в Праге 11 декабря 1903 г. (подробнее о жизни и творчестве М. Гатталы см. [1]).

Богатое научное наследие Гатталы привлекало и привлекает до сих пор внимание исследователей. Современники по-разному отзывались о трудах Гатталы: диапазон оценок был весьма широк – от положительных до резко критических (последнее было связано не только с действительными недостатками его исследований, но в значительной мере и с субъективным отношением к личности Гатталы, которого считали заносчивым, придирчивым, нетерпимым к критике, сварливым). В настоящее время делаются попытки более объективного осмысления сильных и слабых сторон научного творчества Гатталы. Следует, однако, признать, что некоторые его труды сохраняют значение главным образом в плане истории филологической науки и прежде всего истории славянского языкознания. С другой стороны, например, его новаторские исследования по синтаксису словацкого и чешского языков, в которых он предложил новое теоретическое понимание синтаксиса и представил ряд важных методических решений, касающихся интерпретации и описания конкретных синтаксических явлений, остаются научно актуальными и в настоящее время.

Не претендуя на рассмотрение всех сторон научной деятельности Гатталы, ограничимся в дальнейшем кратким освещением его роли в истории литературного словацкого языка, в исследовании проблем славянского языкознания, а также в развитии чешско-русских научных контактов.

Нормализаторская и кодификаторская деятельность Гатталы развертывалась в сложный и противоречивый период формирования литературного словацкого языка. В середине XIX в. еще не были узаконены его единые общенациональные нормы. В литературно-языковой сфере сложилась запутанная специфическая ситуация, характеризующаяся своеобразной "многоголосицей": наряду с чешским литературным языком и его модификацией, выступающей в форме так называемого "старословацкого" языка, функционировали два варианта словацкого литературного языка – бернолаковщина (литературный язык западнословацкого типа) и шуторовщина (литературный язык среднесловацкого типа). Это, естественно, препятствовало сплочению и сотрудничеству разных социальных групп и течений словацкого национально-возрожденческого движения. И бернолаковцы, и шуторовцы пытались найти выход из этого положения и договориться о едином словацком литературном языке. В этом плане важную роль сыграли усилия Гатталы, направленные на поиски компромисса в решении данного вопроса. Его позиция определялась, как уже было сказано, стремлением к сохранению чешско-словацкого единства в языке и литературе, в чем проявлялось влияние идей славянской взаимности и чешско-словацкой общности (Я. Коллар, П.И. Шафарик и др.). Первоначально она была высказана в опубликованной в 1848 г. рецензии Гатталы на книгу М.М. Годжи "Потомок словацкий" ("Erigenes Slovenicus", 1847). Годжа выступил как реформатор словацкого правописания, основываясь на историко-этимологическом принципе в отличие от А. Бернолака и Л. Штура, которые придерживались фонетического принципа. Соглашаясь в основном с точкой зрения Годжи, Гаттала вместе с тем предложил ряд своих

дополнений и уточнений. В упомянутой выше грамматике Гаттала более полно изложил свое представление о фонетике и грамматическом строе словацкого языка. По ряду вопросов он полемизировал со Штуром, но в принципиальном плане – в стремлении к выработке единых норм литературного словацкого языка, а также во многих конкретных регламентациях их позиции были сходными. Гаттала понимал, что уже невозможно сохранить или обновить бывшее чешско-словацкое литературно-языковое единство. Он пытался лишь "исправить", модифицировать систему норм, кодифицированных Штуром. При этом он подчеркивал отличие отстаиваемого им "облика" литературного словацкого языка от чешского литературного языка и "старословацкого" языка, а также от бернолаковщины и штуровщины. Данный труд Гатталы сыграл важную роль в дискуссиях о судьбе словацкого литературного языка и послужил в дальнейшем реальной основой для принятия единой платформы по вопросу о литературном языке словаков. В октябре 1851 г. в Братиславе на совещании видных представителей протестантского и католического лагеря были утверждены единые литературные нормы словацкого языка. Было решено вернуться к историко-этимологическому принципу правописания. Получили общее одобрение и некоторые конкретные поправки к штуровской кодификации в области фонетики и грамматики, предложенные главным образом Годжой и Гатталой. Эти единые нормы были описаны Гатталой в "Краткой словацкой грамматике" ("Krátka mluvnica slovenská", 1851), опубликованной без указания автора. Дополнения и изменения, внесенные Гатталой в систему штуровских норм, коснулись главным образом орфографии и в меньшей степени фонетики и грамматики (подробнее об этом см. [2]). В целом они не поколебали среднесловацкой основы штуровского литературного языка, но означали определенное сближение словацких и чешских языковых черт. "Краткая словацкая грамматика", в которой были закреплены результаты так называемой годжовско-гатталовской реформы, имела четко выраженный нормативный характер. Это был первый кодификаторский труд, официально одобренный представителями двух основных течений словацкого национального движения. Кодификаторская деятельность Гатталы, таким образом, явилась очень важным звеном в истории литературного словацкого языка, определив на долгие годы его нормативный облик.

Что касается вклада Гатталы в славянское языкознание, то следует отметить прежде всего его работы, посвященные описанию фонетики и грамматического строя чешского и словацкого языков. Наиболее самостоятельным он был в исследовании синтаксиса этих языков ("Skladba jazyka českého", 1855; "Mluvnica jazyka slovenského Diel druhý. Skladba", 1865). Большой научный интерес для своего времени представляли его синхронно-сопоставительные грамматические исследования ("Slovnívací mluvnica jazyka českého a slovenského", 1857). Значительное внимание Гаттала уделял также изучению проблем исторического и сравнительно-исторического славянского языкознания. Правда, он не создал крупных фундаментальных трудов, но написал ряд интересных статей и рецензий. При этом в некоторых работах он выходил за рамки славянских языков, привлекая материал других индоевропейских языков, в частности литовского ("O ablative ve slovancine a litvancine", 1857, 1858). Пожалуй, наиболее серьезным достижением Гатталы в области сравнительно-исторического языкознания является серия статей о группах согласных в славянских языках, которые были опубликованы на латыни (1865–1867), на хорватском (1868), немецком (1869) и чешском (1870) языках. Они имели большой резонанс в научном мире. В них анализировался богатый языковой материал, но самое главное заключалось в оригинальном новаторском подходе к его интерпретации и описанию – автор впервые исследовал комбинаторику согласных с использованием математико-статистического метода. Наконец, можно упомянуть статьи Гатталы о происхождении славянского письма, об отношении старославянского (кирилловского) языка к современным славянским наречиям, о всеславянском языке и азбуке.

В своей творческой деятельности Гаттала постоянно проявлял интерес к русскому

языку, русской литературе и культуре. Материал русского языка привлекался для анализа в его работах сравнительно-исторического характера. Ряд статей и рецензий Гатталы были посвящены русскому языку. В частности, в 1862 г. он опубликовал развернутую весьма компетентную, благожелательно принятую в кругах российских филологов, рецензию на книгу Ф.И. Буслаева "Опыт исторической грамматики русского языка" (1858). Несомненной заслугой Гатталы в развитии чешско-русских научных и культурных связей является перевод на чешский язык и комментированное издание "Слова о полку Игореве" (1858). Правда, здесь сказалось и увлечение Гатталы идеями создания "всеславянской" азбуки и единого общеславянского литературного языка, которые в середине XIX в. были очень популярны. Собственный вариант всеславянской азбуки он и попытался воплотить в чешском переводном тексте. Однако и такое издание сыграло важную роль в ознакомлении научной и культурной общественности Чехии с замечательным памятником древнерусской литературы.

Гаттала переписывался с русскими славистами, в частности с И.И. Срезневским. Он следил за русской филологической литературой, в которой неплохо ориентировался. В свою очередь российские слависты – его современники проявляли интерес и внимание к научным трудам Гатталы. Практически все авторы, писавшие тогда в России о словацком языке, опирались на его словацкие грамматики (М.П. Петровский, А.А. Соколов, Т.Д. Флоринский и др.). Известный филолог-славист Г.А. Ильинский в некрологе, опубликованном в 1903 г., назвал ряд исследований Гатталы "весьма ценными" и высказал мысль о желательности издания полного собрания его сочинений, считая, что "они послужили бы богатым материалом для будущего историка нашей науки в XIX в. и напомнили бы о некоторых ее блестящих открытиях (например, об аблативе в славянском и литовском языках), которые приводятся в настоящее время во всех грамматиках без упоминания их творца" [3]. О признании научных заслуг Гатталы в России свидетельствует также то, что он был награжден Орденом Св. Анны 2 степени и удостоен диплома почетного доктора славянской словесности Новороссийского университета.

© 1997 г. Смирнов Л.Н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Martin Hattala. 1821–1903 / (Materiál z konferencie konanej v Trstene dňa 21. a 22. októbra 1970). 1971; *Jóna E. Život a dielo Martina Hattalu // Jóna E. Postavy slovenskej jazykovedy v dobe štúrovej*. Bratislava, 1985.
2. Смирнов Л.Н. О роли реформы М.М. Годжи – М. Гатталы в истории словацкого литературного языка // *Славянское и балканское языкознание*. М., 1979.
3. Ильинский Г.А. Мартин Гаттала (Некролог) // *Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества*. СПб., 1904, № 5. С. 78.

Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН

В 1994—1996 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

Европейское социалистическое движение. 1914—1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.

Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.

Польско-советская война. 1919—1920. Ранее неопубликованные документы и материалы. М., 1994.

Михутина И.В. Польско-советская война, 1919—1920. М., 1994.

Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877—1878. М., 1994.

Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время (Тезисы XIII конференции). М., 1994.

*Фрейдзон В.И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX—нач. XX в. М., 1994.

*Костюшко И.И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.

Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.

Славянские съезды XIX—XX вв. Сб. статей. М., 1994.

НКВД и польское подполье. 1944—1945 (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.

Национализм и формирование наций. Теории—модели—концепции. М., 1994.

*Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

*Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV—первая половина XVI в.). М., 1994.

*История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.

Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.

*Специфика литературных отношений. М., 1994.

*Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2.

Миф и культура. Человек—не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

*Кишкин Л.С. Литература среди искусства и наук. М., 1994.

*Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.

*Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.

*Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945. М., 1995.

*Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.

*Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII—70-е годы XIX в.). М., 1995.

*Исследования по славянской диалектологии З. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.

*Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.

Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.

*Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.

Никифоров Н.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

*Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.

*Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.

*Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.

*Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. — февраль 1934 г. М., 1995.

*Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.—1878 г.). М., 1995.

Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918—1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

*Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995.

Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.

Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.

У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. М., 1995.

*Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.

*Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878—1903. М., 1996.

*Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28—29. М., 1996.

*"Путь романтичный совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.

*Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1—2.

*Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20—22 февраля 1996 г. М., 1996.

*Улунян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII—XIX вв. Библиографический словарь. М., 1996. Т. I—II.

В сентябре 1996 г. в Югославии (Республика Черногория) вышла в свет книга Марко Милянова — черногорского воеводы и писателя, "Примеры гуманности и героизма" (совместное российско-черногорское издание). Это первое билингвистическое издание одновременно на сербском и русском языках. Составитель профессор из Подгорицы В. Джеркович, перевод — канд. ист. наук А.В. Карасев (РАН) и В. Джеркович. Книга хорошо оформлена, украшена изображениями букв из "Октоиха" в издании Ободско-цетиньской типографии Черноевича 1494 г. в твердом переплете, объем — 20 п.л. Это издание вызвало большой интерес и в Черногории, и в России.

*Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Русская эмиграция в Югославии

Сборник статей югославских и российских исследователей посвящен научной, педагогической, культурной и хозяйственной деятельности русской послеоктябрьской эмиграции в Югославии. В него вошли статьи, освещающие различные аспекты жизни русской диаспоры в Югославии: общие статистические данные, сведения о прибытии и размещении беженцев, жизнь эмиграции в рамках созданных ею общественных организаций, культурные связи с местной интеллигенцией, вклад ряда видных представителей эмиграции в экономику, науку и искусство Югославии. В сборнике помещена избранная библиография книг и статей о жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии, включающая 410 названий. Имеется также словарь-указатель деятелей русской эмиграции, упоминаемых в сборнике.

А.С. АНИКЕЕВ. Югославия и политика США на Балканах в первые послевоенные годы: 1946–1955 / Отв. ред. Ю.С. Новопашин

Монография посвящена малоизученной в российской историографии проблеме – политике США на Балканах и их отношениям с Югославией в годы "холодной войны" и в период советско-югославского конфликта. В работе исследуются различные концептуальные и практические аспекты американского курса, попытки США использовать изгнанную из советского блока Югославию для укрепления своих военно-политических позиций в регионе и, одновременно, для ослабления идеологических позиций Москвы в коммунистическом движении. Анализируется воздействие "доктрины Трумэна" на усиление конфликтного характера советско-югославских отношений в конце 40-х годов. На основе материалов из российских архивов рассматриваются некоторые стороны формирования "социалистического лагеря", попытки сталинской верхушки превратить конфликт с Югославией в инструмент дальнейшей консолидации стран "народной демократии".

Л.А. СОФРОНОВА. Старинный украинский театр / Отв. ред. С.Е. Князьков

Монография посвящена проблемам украинского театра XVII–XVIII вв. Украинский театр рассматривается как часть целого – школьного театра региона, составляемого Польшей, Украиной, Россией; в нем выявляются черты, роднящие его как с польским, так и с русским театром на уровне сюжета, тематического репертуара, риторических фигур. Отмечена посредническая роль украинской культуры, ее срединное положение, позволявшее ей вступать в активное взаимодействие как со славянским Западом, так и Востоком.

CONTENTS

ARTICLES

The look at oneself — look at the other. The ethnic-cultural and ethnic-languages aspect.	3
<i>Toporov V.N.</i> (Moscow). The metaphor of mirror doing research of contacts between different language and the ethnic-cultural traditions	4
<i>Tsivyay T.V.</i> (Moscow). The look at oneself through the mediator: "I am seeing myself like in the mirror..."	9
<i>Bartminski E.</i> (Lublin). The ethnical centrism of stereotype. The Polish and German students about their neighbors.	12
<i>Belova O.V.</i> (Moscow). The ethnic-confessional stereotypes in the Slavic people's views.	25
<i>Stemkovskaya Yu.E.</i> (Moscow). The man reflecting in his mother tongue (based on Czech dictionaries in XIV—XX cent.)	33
<i>Klepikova G.P.</i> (Moscow). On the "image" of the frog. The Rumanian name for "tadpole" in the "mirror" of Slavic analogies.	45
<i>Lipatov A.V.</i> (Moscow). The history of the European Literature and the Slavic Literary community. The dialectics of the universal and national.	54

COMMUNICATION

<i>Robinson M.A., Sazonova L.I.</i> (Moscow). Problems of the recent interpretations of the "Tale of Igers host": on the occasion of the publication of the "Encyclopedia of "Table of Igers host"	60
The book as a cultural-historical phenomenon	78

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Shchapov Ya.N.</i> On the occasion of the publication of the corpus "The ancient sources on the history of the Eastern Europe' peoples"	86
<i>Makovetskaya T.F., A.A. Ulunyan.</i> The representatives of the Bulgarian national liberation movement in XIII—XIX cent.	90
<i>Bulatova R.V., Kosik V.I.</i> The Serbs in the Russian Empire. The Russians without Russia. The Russian Serbs.	92
<i>Lapteva L.P.</i> The correspondence of the Slavists as a historical source. The questions of the Slavs history.	98
<i>Stykalin A.</i> The history of the Eastern European Literatures after the Second World War. V. 1: 1945—1960.	101

SCIENTIFIC LIFE

<i>Dostal M.Yu.</i> The international colloquium on Slavistics in Lvov.	110
<i>Melnikov G.P.</i> The conference "The book in the cultural space"	112
<i>Belova O.V.</i> The international conference "The creation of the world and the beginning of human history in the apocrypha and folklore tradition (based on Slavic and Jewish texts)	113
<i>Shvedova N.V.</i> "We are in the past and in today..." A look at the work of Slovak classic Yanko Esensky (1874—1945) in the end of XX cent.	116
<i>Volokitina T.V.</i> The meeting of the Russian and Bulgarian researchers in the history.	117
<i>Efimova V.S.</i> The round table "Conjunctions <i>и, но, а</i> in Russian"	119
<i>Smirnov L.N.</i> Martin Hattala (1821—1923)	121
New publications of the Institute for Slavic and Balcanic Studies	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.10.96	Подписано к печати 27.11.96	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 6,9 тыс.	Уч.-издл. 12,5	Бум.л. 4,0
Тираж 683 экз. Зак. 799				

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Российская академия наук с 1997 года меняет условия подписки на академические журналы. Это связано с необходимостью уменьшить убытки от выпуска периодики Академии, в связи с чем будут подняты подписные цены. Повышение цен будет проходить в два этапа.

На первом этапе (I полугодие 1997 года) объявленные в каталоге подписные цены будут доступны всем категориям научных работников, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, всем государственным и научным библиотекам, а также научным и вузовским организациям.

На втором этапе (II полугодие 1997 года) численность специалистов и количество организаций, имеющих право пользования льготной подпиской, будет существенно сокращено. Воспользоваться этими льготами можно будет только при подписке в издательстве "Наука", в редакции журнала и в других местах, которые будут указаны дополнительно. Каталожная цена на академические журналы и, следовательно, стоимость подписки в отделениях связи будет значительно повышена.

Подписные цены на академические научно-популярные журналы не претерпят существенных изменений